

Кэтрин и Элизабет Корр

Лебединый трон

Посвящается маме и папе, которые призывали нас читать абсолютно всё.

Посвящается Виктории, которая выразила надежду, что «Лебединое озеро» станет отличным отправным пунктом в истории, и оказалась полностью права.

Окруженный невыразимыми деяниями, я вынужден совершить нечто ужасное. Я знаю свою ярость. Она не может остаться незамеченной. И даже в страхе я не свернус этой пагубной тропы...

ἐν δεινοῖς δεῖν' ἠναγκάσθη· ἔξοιδ', οὐ λάθει μ' ὀργά. ἀλλ' ἐν γὰρ δεινοῖς οὐ σχήσω ταύτας ἄτας...

Katharine and Elizabeth Corr

A Throne of Swans

Originally published in the English language as A Throne of Swans by Hot Key Books, an imprint of Bonnier Books UK.

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Books UK.

The moral rights of the author have been asserted.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

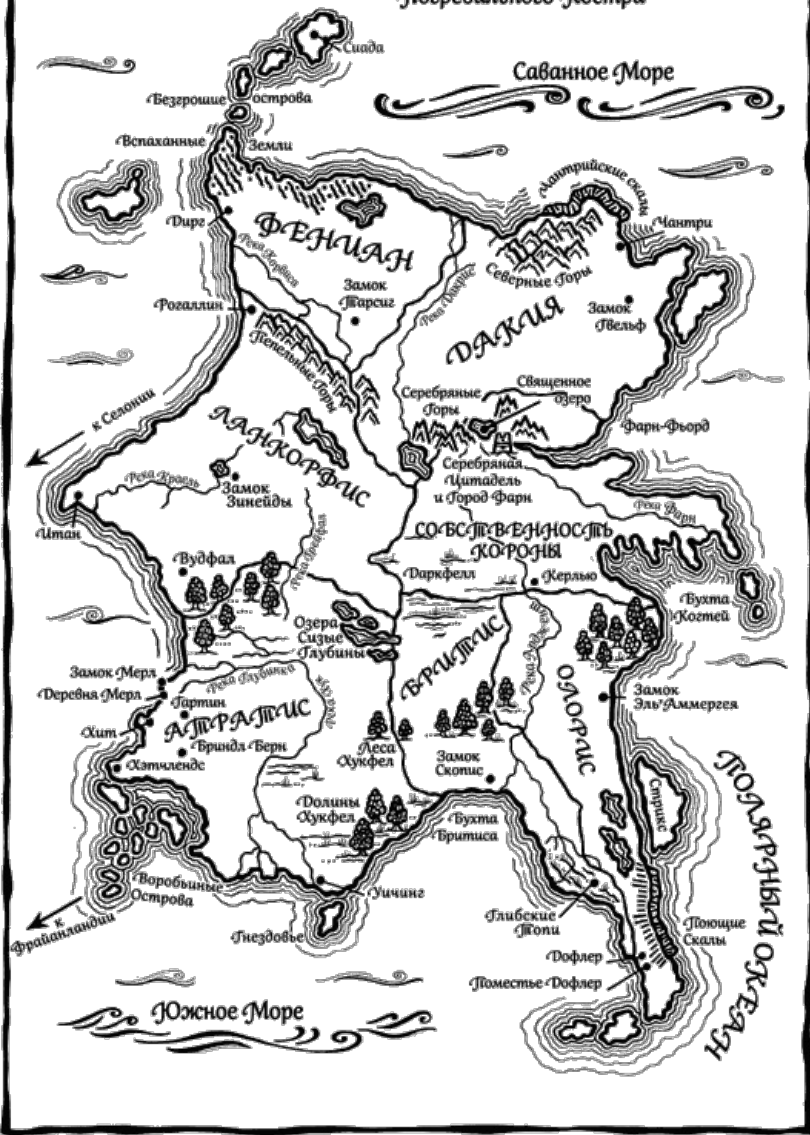
Copyright © Katherine and Elizabeth Corr, 2020

© Алиева З.И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

КОРОЛЕВСТВО СОЛАНУМ

Плмя Погребального Костра

Пролог

На часах около полуночи, когда мой отец умирает.

Лекари вокруг носятся и суетятся, измельчают душистые травы и бормочут какие-то заклинания над припарками. Но даже лавандовый запах дыма не способен отогнать вонь разлагающейся плоти, как и одинокий огонек свечки не в силах спрятать в темноте комнаты еле вздымающуюся грудь и скрюченные пальцы, вцепившиеся в постельное белье. Он раздраженно отталкивает от себя лекаря и просит меня подойти ближе.

Мне шепчут об инфекции, и все же я не могу отказать просьбе отца. Я опускаюсь на край большой дубовой кровати, моя красная шелковая юбка в темноте напоминает разливающуюся кровь. Я склоняюсь над отцом, крепко держа его за руку.

- Это... - он указывает на свои сочащиеся язвами грудь и плечи, - моя ошибка. Я... слишком задержался. А эта зараза... - Его речь становится тяжелой, словно ему мешает говорить опухший язык. - Прости меня, Адерин.

Я его понимаю. Хворь, опустошившая за последний месяц один из наших портовых городов, привела к карантину и массовым смертям. Мой отец во имя помощи своим людям или во имя науки, а может, того и другого сразу, подолгу оставался с больными в надежде найти вакцину. Он рисковал своей жизнью в погоне за знаниями и раньше, но только в этот раз проиграл. А сейчас, сейчас он хочет моего прощения. Я пытаюсь сказать ему, что все будет хорошо, что лекари, может быть, все же найдут способ спасти его, но ложь застревает в горле. Вместо этого я смотрю в его затуманенные глаза и шепчу:

- Я знаю. Знаю, что уже поздно, отец. Ты должен отдыхать.

Но он качает головой, стискивает зубы крепче и моргает, пытаясь сфокусироваться.

- Я хочу, чтобы ты... осталась здесь, когда меня не станет. Остайся в замке.

Он говорит это уже не в первый раз. Моя жизнь годами была ограничена нашим замком и островом, на котором он стоял. Уже давным-давно я перестала задаваться вопросом, когда смогу уйти отсюда. Я узнала, что можно стоять на открытом воздухе, на ветру, развевающим волосы, и все равно задышаться. Узнала, что можно приказывать другим, но все еще быть узницей.

- Ты должна остаться, - слова прерываются приступом кашля. Прислуга бросается вытирать с подбородка отца кровь и слюну. - Оставайся здесь. Тут безопасно. Обещай мне.

Видимо, болезнь окончательно затуманила его разум. Если я никогда не покину это место, я не смогу исполнить того, что от меня требуется. И я никогда не поверю, что мой отец действительно хочет, чтобы я стала своей собственной заложницей, запертой в этих стенах вопреки клятве, которую я сама себе дала. Но, по всей видимости, я ошиблась. Он крепко хватается за плечо, пытаюсь приподняться. И даже несмотря на слабость тела, хватка его пальцев оказывается болезненной.

- Пообещай мне, Адерин. Ты же знаешь, как я люблю тебя. Все, чего я хочу, - он болезненно задышается, - это защитить тебя.

- Я знаю, что ты любишь меня, отец. Я тоже тебя люблю.

Но дать такое обещание я не в силах. Мне не хочется лгать.

К счастью, он не замечает моего молчания и опускается на подушки. Его веки дрожат каждый раз, когда раздается звон часов, отбивающих час за часом.

- Хорошо. Я надеюсь, однажды ты поймешь. И еще... твоя мама...

Слова тают в тишине.

- Отец? Что ты хотел сказать? Пожалуйста, если есть хоть что-то, чего ты не сообщил мне, хоть что-то...

Мой голос словно раздаётся издалека. Я слегка встряхиваю старика за плечи.

- Отец...

Лекари собираются вокруг кровати, и я отхожу в сторону. Они проверяют пульс, дыхание и сердцебиение.

А затем кто-то из них прикрывает отцу глаза и накрывает его тело простыней. Снова раздаётся звон часов.

- Ваша Светлость?

Еще секунду я не осознаю происходящего. «Мой отец мертв. Он не может ответить вам».

Но слуга повторяет вопрос.

- Ваша Светлость?

И только теперь я понимаю: он обращается ко мне. Я больше не семнадцатилетняя девочка, которая тратит свое время, как ей заблагорассудится. Я больше не леди Адерин. Я Ее Светлость, защитница доминиона Атратис, единственная госпожа замка Мерл и прилегающих к нему земель.

Каким-то образом, в промежутке между концом одного дня и началом другого, изменилось все.

Всю следующую неделю или даже больше я нахожусь словно под толщей воды и смотрю на мир из пузырька скорби. Скорби, злости и жалости. К своему отцу. К себе. Я веду себя так, что никто не догадывается о моем состоянии. Хожу и разговариваю как обычно, ем и сплю в нужное время.

Портной приносит траурный наряд, я меряю его, всучив слуге свое любимое красное платье. Лорд Ланселин из Ансериса, управляющий, кладет передо мной указания к последнему полету моего отца: еда, музыка, список приглашенных. Я делаю вид, будто прохожу взглядом по списку. Чернильные каракули на страницах не имеют никакого смысла. Я соглашаюсь со всем, лишь бы остаться одной. Уже в одиночестве я наблюдаю, как волны разбиваются о гранитные скалы у подножия замка. Смотрю, пока глаза не начинают болеть. Я прислушиваюсь к собственному дыханию, обездвиженная болью в груди, - ударом, нанесенным второй потерей. И все же бег времени невозможно остановить.

Наступает день последнего полета. Будь мой отец жив, он бы наверняка не подчинился жесткому этикету королевского двора, но его смерть привела к ряду требований. На мне новая черная сорочка с высоким воротником и длинными рукавами, скрывающими руки, и тяжелая траурная диадема из черного янтаря и серебра, которую принесла моя горничная из хранилища. Она надевает ее на мои темные волосы, прикрепляя зажимами к голове. Когда я прибываю на пристань, гости, жители замка, фермеры и местные лорды уже собрались. Большая тень выглядит, словно выброшенная на берег кучка черных морских водорослей. Спустя определенное количество речей и песен моего отца, как когда-то мою мать и их родителей, погружают на высокий нос лодки и пускают в открытый поток. В последний миг огонь охватывает сухие щепки, сложенные вокруг его тела; вспыхивают красные языки пламени. Почетный караул шагает вперед. Каждый член дворянства, представляющий свою семью, одет в черный длинный плащ.

Один за другим они отдают свои плащи слугам. И на минуту каждый из них дрожит на прохладном утреннем воздухе. А затем они обращаются.

Журавли и бакланы, вороны и грифы, цапли и скопы - каждый из них плавно превращается из человека в птицу и поднимается в небо. Птицы, которые гораздо больше, гораздо опаснее, чем их тезки, обитающие в наших лесах и полях. Собравшись вместе, перевоплощенная знать следует за пылающей в море лодкой. Столько разных птиц. Но ни одного лебедя.

Теперь мой отец мертв, а я единственный оставшийся лебедь.

И я не могу летать.

Глава первая

Я сижу за большим письменным столом в своем кабинете. Это новая рабочая комната: мой отец вел дела в длинной галерее под взглядами наших мертвых предков. Как и многие из нас, он любил ходить во время работы, пока вокруг него кружили слуги, делая пометки и перетаскивая стопки бумаги. Мышцы ног могут слишком быстро ослабеть, если большую часть времени проводить в полете. Управляющий перестал суетиться и поднял вверх указательный палец – верный знак того, что у него появилась умная мысль или другой аргумент.

– Траур закончился только на прошлой неделе, Ваша Светлость. Всего четыре дня назад. Вы только перестали носить черное и уже торопитесь вернуться ко двору и его удовольствиям... Некоторые могут счесть это неприличным. Вы демонстрируете неуважение к своему покойному отцу.

– Пускай считают. Но мой траур окончен, и я не отправляюсь ко двору завтра же. Мы оба знаем, что для организации моего отъезда потребуется время, поэтому я не вижу никакой причины, чтобы оттягивать этот момент.

На худом лице моего управляющего дергается мускул.

– Я вижу, вы полны решимости как можно скорее покинуть Мерл и ваш доминион, – он приподнимает брови. – Несмотря на все мои попытки убедить вас в обратном. Несмотря на то, что здесь, в Атратисе, вам еще столько всего нужно сделать.

Со внутреннего дворика доносится пение. Оставив спор, я подхожу к высоким арочным окнам и открываю их шире. В огороде работают слуги, передвигаясь между грядками овощей с мотыгами и тачками. Выглянув наружу, я обращаю лицо к солнцу, мечтая вновь оказаться снаружи. Пытаюсь поймать лучи, блуждающие по стене. В такое прекрасное утро мой отец пригласил бы меня прогуляться с ним по окрестностям замка, попутно проверяя мои знания о местных растениях и культурах. Рассказывал бы мне подробнее о тех, что мы экспортируем. Забавлял бы меня рассказами о визитах в другие доминионы и о новых находках в местах, которые мне никогда не разрешалось посещать самой.

– Ваша Светлость...

– Я была заперта здесь достаточно долго, Ланселин. Знаю, что у меня есть обязанности, – я бросаю виноватый взгляд на груды бумаг, которые занимают по меньшей мере половину моего стола, – но я не уйду на большой срок. В обычной ситуации я бы оставалась при дворе, по крайней мере, два года.

– Но ваша ситуация не обычная, Адерин, – я замолкаю от удивления, как только слышу свое имя. Управляющий зажимает переносицу и вздыхает. – Простите мою откровенность. Но вы же знаете, что отец держал вас здесь ради вашей же безопасности. Если король узнает, что вы по практическим соображениям бескрылы...

– Я не бескрылая.

– Мы обсуждали это. Вы не можете принять свой облик. Если король попросит вас перевоплотиться по какой-нибудь причине...

– Зачем ему просить о подобном? Дворян не подвергают подобным испытаниям – это сочтут оскорблением.

– Но если он сделает это, – Ланселин посмотрел на меня поверх своего пенсне, – вы не сможете исполнить его приказ. А что за этим последует, вы знаете.

Позор или смерть. Летающие правят, бескрылые склоняются. Защитник, который не может летать, беспрекословно лишился власти и изгонялся, независимо от того, кто сидел на троне. Быть изгнанной из Атратиса оказалось бы достаточно скверным исходом, но Ланселин сказал, что я не успею даже вдоволь погоревать об этом. С моей претензией на трон ни один благоразумный правитель не оставил бы меня в живых.

– Это несправедливо.

- Но таков закон, Ваша Светлость. Как говорили старейшины, закон - это закон, - обыденная фраза из уст родителей, чтобы дети наконец-то умолкли, или из уст тех, кто обладает властью, чтобы донести, почему тех или иных изменений невозможно добиться. Я помню, как часто эти слова произносил мой отец.

- Но прошло уже два года с тех пор, как мой кузен потерял руку, и он до сих пор не изгнан. И не убит.

- Нет, не убит. Пока. Но только потому, что принц Арон защищен королем и его честью, - Ланселин смотрит на меня с опаской. - И я хотел бы напомнить, Ваша Светлость, что принц все же был лишен права наследования после несчастного случая. Что делает вас на шаг ближе к трону. А значит, подвергает еще большему риску.

- Я не желаю становиться королевой, вы знаете это.

- Но кто тогда? - Ланселин игнорирует мой хмурый взгляд и продолжает: - Я уверен, вы читали мои отчеты о положении при королевском дворе: о новой жене вашего дяди, слухах о восстаниях, борьбе за власть.

- Да, я читала их, - я приподнимаю брови. - Что вы хотите этим сказать, милорд?

- Я хочу сказать, что все меняется. Даже в королевстве.

Королевство - так теперь называется Соланум в книгах или разговорах. Словно остальной мир не существует. Или, в лучшем случае, не столь важен.

- Нынешняя политическая обстановка делает Серебряную Цитадель еще опаснее. Ваш отец сделал бы все возможное, чтобы защитить вас. Каждый из находящихся здесь прикладывал множество усилий, чтобы сохранить ваш секрет. Но на самом деле невозможно предугадать, что было нашептано в уши королю. И сейчас вы подвергаете себя опасности, когда этого не требуется. Когда ваш дядя даже не посылал за вами, когда отец так просил вас не покидать замок...

Он вскидывает руки, словно впад в отчаяние от моей упрямой глупости.

Гнев превращается в горечь на моем языке.

- Вам не нужно напоминать мне, что сказал мой отец перед своей кончиной, Ланселин. Это было шесть недель назад. Я помню его слова весьма четко.

Управляющий молчит. Теперь его гораздо больше интересует папка бумаг на столе.

Я закрываю рот на замок и пытаюсь подавить свое раздражение. Умудряюсь почти не топнуть ногой.

- В самом деле, Ланселин, если политическая ситуация такова, как вы сказали, то тем больше причин отправиться в Цитадель, - кто-то должен защищать интересы Атратиса. Мы ничего не слышали от короля после того письма с соболезнованиями. Я не доверяю его молчанию.

За окном - полные раннего урожая поля и ярко окрашенные рыболовные лодки, нежно качающиеся на волнах у причала. Чуть дальше, на другом конце дамбы, соединяющей остров Мерл с материком, виднеются здания ближайшего города. Над ними возвышаются святилище с медной крышей, трубы оловянного рудника и высокие мачты кораблей, пришвартованных в порту на самом конце мыса. Всего лишь крошечная часть моего Атратиса, но с такой насыщенной жизнью, историей и надеждами. Я наклоняюсь вперед, держась за оконную раму, как вдруг на меня наваливается тяжесть наследства, моего дома. Не существует почти ничего, чего бы я ни сделала, чтобы защитить свой доминион. Почти ничего, от чего бы я не отказалась, чтобы уберечь достоинство моих родителей. Чтобы сохранить Атратис свободным от угнетения и нищеты, которые преследуют другие доминионы.

Я сделала почти все, что могла.

Огромный куст розы ползет вверх по стене замка. Если я высунусь из окна, то смогу дотянуться до самых высоких бледно-зеленых бутонов, но уже через несколько недель

эта часть стены будет увита темно-розовыми цветами, любимыми цветами моей мамы. В летние месяцы они с отцом каждый день прогуливались в розовом саду. Я часто бегала с ними и помню, как металась по дорожкам между клумбами, как под ногами хрустел гравий, как я вдыхала ароматный воздух и подбирала шелковистые лепестки с земли. Я помню, как однажды оглянулась и увидела своих родителей, которые шли за мной и крепко держались за руки. Или как иногда мама сидела, положив голову отцу на плечо, а его рука крепко обнимала ее за талию.

Он никогда не возвращался в розарий после того, как ее убили. Для него, казалось, лето закончилось навсегда.

- Почему мой отец перестал навещать своего брата?

По лицу Ланселина пробежала тень.

- Ваш отец никогда не посвящал меня в свои тайны. Я только знаю, что он замкнулся в себе от горя после смерти вашей матери. Отчаяние и гнев от неспособности найти и наказать виновного... Я думаю, он любил короля, когда они были молоды.

Тогда странно, что мой отец никогда не говорил о нем. Но я полагаю, случилось множество событий, которые мы с ним никогда не обсуждали. Была ли то смерть мамы или моя просьба покинуть замок - у отца всегда был один ответ на эти неприятные темы: впасть в ярость и запереться в своей лаборатории.

На стене прямо над камином висит картина: родители держат меня, еще совсем малышку, на руках, а дядя стоит рядом с ними и не сводит с меня взгляда, или, возможно, с моей мамы. Образы, запечатленные на праздновании моего оперения, образы живых бок о бок с теми, кто теперь мертв.

Холодный порыв ветра заставляет меня вздрогнуть и закрыть окно.

Здесь, в Мерле, много портретов и полно призраков. Но никаких ответов.

- Я пойду к королевскому двору, Ланселин, - я не собиралась объясняться с ним. Или пролить свет на то, почему после стольких лет моя жажда узнать правду о гибели матери все еще не утихла. Или почему я думаю, что истина кроется в Серебряной Цитадели. Но то, как управляющий смотрит на меня из-под полуприкрытых век, вселяет в меня веру, что он все понимает.

Проходит еще мгновение, и наконец управляющий склоняет голову в знак согласия.

- Как пожелаете, Ваша Светлость. В любом случае я буду вас сопровождать.

- Нет. Вы нужны мне здесь. В этом месте больше нет никого, кому бы я могла доверить заботы Атратиса.

Он снова кланяется:

- Благодарю, Ваша Светлость. В Атратисе действительно много забот.

Повернувшись к столу, Ланселин поднимает со стола пачку бумаг.

- Мы получили сообщение о том, что все больше людей пересекают границу Атратиса из доминиона Бритис. - Его ноздри раздуваются. - А также требование от их лордов, чтобы мы собрали их подданных и доставили обратно на их земли.

Я не могу сдержать стон.

- А мы разве обязаны? Из того, что я знаю о Бритисе, я не могу винить его жителей в том, что они хотят жить в другом месте. Здесь для них найдется достойная работа. Начальник порта в Хите жаловался на прошлой неделе на нехватку рабочей силы.

- Ситуация вызовет политические разногласия с Бритисом. Но я сделаю все, что в моих силах. - Ланселин берет в руки кусок красного кварца, служащего в качестве пресс-папье, и вертит его в своих тонких пальцах. - И все же было бы хорошо, если бы вы взяли с собой советника вдобавок к слугам.

- Но зачем? - Я поворачиваюсь, чтобы пройти по комнате. - Милорд, я усердно училась. Я узнала об Атратисе все, чему вы или мой отец могли научить меня. Я потратила столько времени, наблюдая, как он разбирается с договорами и земельными спорами. Разве такой подготовки недостаточно, чтобы представить свой доминион?

- Я не сомневаюсь в ваших способностях, Ваша Светлость. Вы владеете полной информацией об Атратисе. Но не о королевском дворе.

С этим я поспорить не могу.

Ланселин откашливается:

- Вы помните, как познакомились с моим сыном, Люсьеном?

У меня осталось очень смутное воспоминание о неуклюжей неповоротливости и темных волосах, и больше ничего. Люсьен никогда не жил в Мерле, но несколько раз навещал меня, пока была жива моя мать. Мне было около девяти, когда я видела его в последний раз.

- Смутно.

- После трех лет пребывания в Цитадели его отправили во Фрайанландию с дипломатической целью, - управляющий расправляет поникшие плечи. - У него талант к языкам. Но сейчас он освобожден от службы и скоро вернется домой. Если хотите, я пошлю за ним. Люсьен знает правила королевского двора. Ему известно, кому можно доверять, а кого лучше избегать. Вы даже можете назначить его своим клерком, чтобы он был при вас официально. Я уверен, что он будет счастлив сопровождать Вашу Светлость.

Но мне кажется, Люсьен не будет рад новой должности. Несмотря на то, что я не могу воспроизвести в памяти его образ, у меня внезапно возникает яркое воспоминание, по крайней мере, об одной его вспышке ярости. Люсьен, если память не изменяет мне, не кажется особо... послушным. Но, возможно, последние восемь лет смягчили его.

- Отлично. Я возьму с собой Люсьена и Летию. Что касается одежды и всего остального...

- Ваша Светлость, оставьте все приготовления мне. Я предлагаю... - Ланселин достает из кармана блокнот и пролистывает. - Я предлагаю вам уехать на следующий день после вашего восемнадцатилетия. У вас будет пять или шесть недель на подготовку - необходимый минимум, я бы сказал. А вернуться вам следует после торжества летнего солнцестояния. При условии... - он на секунду замолкает, - что передвигаться вы будете с помощью кареты.

Мы оба знаем, что пока я не восстановила свою способность летать, карета - единственный способ добраться до Цитадели.

- Да. Именно на этом я и настаиваю, - я говорю твердо, в надежде, что это последний раз, когда поднимается этот вопрос.

Следующие три недели проходят в суматохе встреч: с портнихами, преподавателями танцев, мастерами оружия. Мой последний урок владения мечом состоялся больше года назад. Каким бы маловероятным ни казался случай нападения, вместо того чтобы идти ко двору неподготовленной, я несколько часов подряд отрабатываю ответный удар. Оставшееся время, не уделенное совершенствованию моих навыков, занимает лорд Ланселин, стараясь обсудить как можно больше вопросов доминиона и решений, требующих моего одобрения. Мне приходится встречаться с арендаторами, разрешать споры между мелкими лордами и подписывать торговые соглашения. Не остается свободного времени на верховую езду или на чтение. Некогда даже переживать о том, что я покидаю дом, о королевском дворе или о том, как я доберусь туда. И в конце концов в один прекрасный день, когда солнце играет лучами на водной глади под замком, а стрижи гонятся друг за другом по зубчатым стенам, я устраиваю бунт.

- Я выхожу.

Портниха, стоящая на коленках у моих ног и закалывающая подол сиреневого атласного платья, поднимает голову.

- Но мы еще не закончили, защитница. Осталось поработать с серым шелком, а потом...

- Это может подождать до завтра, - я жестом подзываю одну из горничных. - Найди Летию, скажи ей, что я хотела бы прокатиться верхом. И принеси мне удобную одежду.

Через полчаса, с надеждой, что впереди меня ждет по крайней мере пара часов свободы, я уже спешу вниз по лестнице в конюшню, одетая в мешковатое старое выцветшее платье, грубые гетры и с волосами, заправленными под шляпу. Такие шляпы носят деревенские женщины, когда работают в поле.

Летия ждет у главных ворот замка и ведет свою лошадь в ногу с моей. Мне незачем говорить: подруга знает, когда мне требуется молчание. Она всего на год старше меня, и мы практически выросли вместе. Мы даже учились вместе ездить на этих лошадях. Животные нервничают рядом с оборотнями. Они находят наше присутствие, даже в человеческом облике, неприятным. Но Хенга и Васта познакомились со мной, еще когда были жеребятами. Хенга уже привыкла к кожаному чепраку, который ей приходится носить под седлом, чтобы защитить свою шкуру. Примерно полтора часа мы с Летией едем по лабиринтам узких улочек, которые тянутся через поля между морем, рекой и холмами. Но по мере того, как воздух становится теплее и спокойнее, наполняясь жужжанием насекомых и щебетанием птиц, высокие живые изгороди по обе стороны от меня, казалось, начинают примыкать друг к другу.

- Мне нужно больше пространства. Пойдем на пляж.

Летия колеблется:

- На пляж? Тот, что за пещерами?

- Естественно, разве поблизости есть другой пляж?

- Не уверена, что это хорошая идея...

- Почему нет?

- Ну... - Она хмуро глядит на седло под собой, теребя выбившуюся из-под шляпы прядь светлых волос. - Ходят слухи, что на той стороне у фермеров пропадают коровы. А еще пропал один из работников фермы. Фрис рассказала мне, как подруга ее кухни вечером несколько недель назад искала лунных моллюсков на том пляже и услышала этот ужасный, неземной...

- Довольно, - я поднимаю руку. - Мне все равно, что там услышала подруга кухни моей служанки. Ты должна знать, что сплетням лучше не верить.

- Но пляж может быть опасен... - Мой взгляд, должно быть, был достаточно выразителен, так как моя спутница замолкает и надувает губы. И все же, когда я поворачиваю Хенгу, она вздыхает и следует за мной.

Когда мы добираемся до места, Летия даже не комментирует мое безрассудное равнодушие к возможной угрозе моей жизни. Волна отступает назад, обнажая широкий простор черного песка. Я чувствую, как от земли поднимается жар и дует легкий ветерок, превращая далекое море в массу белых гребенчатых волн. Мы мчимся к краю пляжа, туда, где заканчивается песок и земля начинает подниматься к скалам, которые я обычно вижу из окна своей спальни.

Лошадь Летии худая, быстрее ускоряется: подруга оглядывается назад, чтобы ухмыльнуться мне через плечо. Я подгоняю Хенгу. Совсем скоро я окажусь наравне с Летией, а потом обгоню. Но тропа узкая. Поэтому я низко наклоняюсь к шее Хенги, слегка сжимаю коленями ее бока и гоню вперед, моментально получая по лицу хлесткий удар распущенными прядями волос. Копыта бьют по твердому влажному песку, а каждый рывок вперед сотрясает мое тело, но мне все равно; скала на конце пляжа все ближе и ближе. Уже совсем рядом, чтобы Хенга смогла сделать прыжок.

Теперь быстрее, Хенга. Быстрее...

Но Хенга вдруг дергается, извивается, вырывает из моих рук поводья, а подо мной остается только земля и соленые брызги...

Сила удара о землю выталкивает воздух, в темноте под моими веками кружатся звезды.

Тишина. Пока я не...

Пока я не вдыхаю, всей грудью втягивая воздух, и мир вокруг возвращается обратно.

- Адерин?

Каждый мускул и каждая кость в моем теле пульсируют. Когда я открываю глаза, вижу, как Летия с бледным лицом приседает рядом.

- Адерин, с тобой все хорошо?

- Гм... - я сгибаю пальцы рук и ног. - Думаю, просто ушиб.

Боль в плече заставляет меня вздрогнуть.

- Что случилось?

- Песчаный крот. Он вылез прямо перед Хенгой, но, думаю, она в порядке, - мне повезло, у песчаных кротов клыки длиной с мою руку. Летия тревожно оглядывает землю.

- Так и знала, нам не следовало сюда приходить. И что скажет мне лорд Ланселин, когда узнает о случившемся?

Я сажусь и жду, когда пройдет головокружение, пытаюсь встать. Слишком быстро - вспышка боли пронзает мою ногу, заставляя меня растянуться на земле.

- Адерин... - Летия протягивает мне руки. - Держись, позволь мне помочь.

Я отрицательно качаю головой. Летия - моя лучшая подруга, моя единственная подруга, но она бескрылая. Она одна из привезенных в Мерл, чтобы служить мне после смерти моей матери. И я не могу безопасно коснуться ее. Самое легкое мое прикосновение к коже Летии может причинить ей боль.

- Нет. Только если у тебя есть запасные перчатки.

Моя спутница замирает и раздраженно фыркает.

- Конечно, у меня есть, - она достает из кармана пару перчаток и бросает мне на колени. - Ваша Светлость.

Я игнорирую ее внезапный приступ официоза и натягиваю перчатки на руки.

- Теперь можно?

- Да! Только быстро.

Я хватаю Летию за руки уже в перчатках, она тянет меня вверх, и хоть я и стискиваю зубы от боли, мне удается доковылять до большого плоского камня неподалеку.

- Я иду за помощью, - Летия грозит мне пальцем. - Не двигайся, пожалуйста. У меня будет и так достаточно неприятностей.

Это замечание лишнее; остальные части моего тела начинают болеть почти так же сильно, как и нога. Летия с лошадьми вскоре скрывается из виду, так что я переключая свое внимание на море. Ситуация меняется. Я пытаюсь отвлечься от боли, считая секунды между каждым приливом и отливом, думая о фазах Луны и приливной волне на реке Рит к западу от нашего доминиона; мой отец водил меня туда однажды много лет назад. Я не замечаю тяжелых серых туч, ползущих по небу, и первые капли дождя застают меня врасплох. Летии по-прежнему не видно. Никаких признаков жизни: пляж кажется необычно тихим, не хватает привычных стай куликов и чаек. Морщась, я меняю позу, гадая, куда делись птицы и доберется ли море до этой скалы раньше моих спасателей.

Шок возвращает меня в реальность. К невероятно огромному каменному дракону, притаившемуся в прохладной темноте у подножия утеса, чья мраморная серо-белая чешуя сливается с фоном в одно целое.

Я задерживаю дыхание. И пытаюсь не моргать.

Возможно, существо меня не заметит: его желтые запавшие глаза слезятся, оно крутит головой, словно не может сфокусироваться. Дракон выглядит старым и более чем истощенным. Но все равно он в силах раздавить меня. Разорвать в клочья. Есть предположения, что даже кровь у него ядовита. И все же... Он шевелится в тени, и слабый звон металла подтверждает, что мои глаза не врут. Кто-то надел дракону на шею железный ошейник; оборванная цепь свисает до самой земли.

Путь к вершине утеса находится в пяти взмахах крыльев. Может, я смогу отползти. Или, возможно... смогу перевоплотиться. Я должна попытаться, у меня даже нет оружия. Чешуя дракона однозначно слишком толстая, чтобы он мог пострадать от моей руки, пока я в человеческом облике. Но удар лебедя, сила которого бурлит у меня под кожей, будет чрезвычайно мощным. И, конечно, я могла бы улететь...

Но слишком поздно. Солнце пробивается сквозь облака, освещая скалу, на которой я сижу. Дракон замечает меня и подается вперед. И когда он начинает греметь по песку, я просто сижу, парализованная страхом. Какая-то часть моего мозга начинает кричать, проклиная собственную глупость. Неужели я действительно предпочту умереть здесь, вместо того чтобы изменить свой облик?

Видимо, да. Я ничего не могу поделать, когда дракон в предвкушении рвется ко мне, кроме как завороченно смотреть на струйки слюны, капающие из его огромной пасти.

Птица с черным оперением – грач или ворона – возникает из ниоткуда. Массивный размах крыльев птицы, размер ее вытянутых когтей означают то, что это оборотень. Дракон чувствует силу ее приближения и скользит вбок, рыча в ответ на угрозу, прежде чем ворона вонзает свои когти в его спину. Снова и снова оборотень наносит удары, вырывая дракону глаза, разрывая его плоть, пока тот напрасно щелкает челюстями, хватая только пустое пространство. Когда воздух наполняется кровавой пылью и рычание дракона становится все громче и громче, я закрываю уши и зажимаю глаза.

Глухой удар, земля сотрясается, и наступает тишина.

- Можете открыть глаза.

Голос молодого человека. Но я не узнаю его, даже когда открываю глаза. Вижу лишь испачканные в крови ноги. Я осторожно перевожу взгляд на верхнюю половину его тела и смущаюсь из-за внезапного восторженного трепета в животе. Плечи широкие, рельефные грудь и руки: результат долгих полетов, несмотря на то, что он, скорее всего, немногим старше меня. Он слишком бледен для семейства вороновых. Но его волосы и глаза переливающегося глубокого иссиня-черного цвета. Когда он подходит ближе, я вижу на его лице высокомерие, словно он хорошо знает, чего стоит.

- Вы ранены?

- Я упала с лошади, и моя нога...

- Сидите и не двигайтесь.

Без какого-либо предупреждения он отрывает от низа моего платья две широкие полоски ткани и оборачивает их вокруг своих ладоней. Затем начинает водить пальцами по моей раненой ноге, старательно избегая обнаженной кожи лодыжки. Он принимает меня за одну из бескрылых, которые бы от его прикосновения пострадали. Кровь под моей кожей начинает вскипать.

- Прекратите.

Он игнорирует мою просьбу.

- Вы можете пошевелить ногой?

- Немного. Но я приказываю вам перестать трогать меня.

- Приказываете мне? - Его голос определенно звучит резко.

Я выпрямляюсь, насколько мне позволяют ноющие мышцы.

- Я защитница Атратиса, и вы находитесь на моей земле.

- Вы защитница? - Он садится на корточки, медленно оглядывая меня с ног до головы. - Защитница без сопровождения? Которая носит домашние перчатки и одежду, словно какой-то слуга? - Он смеется и качает головой, на мгновение его лицо смягчается. - Если вы защитница Атратиса, то я принцесса. Может, вы просто лгунья, а, может, ударились головой. В любом случае вам нужно отсюда уходить: прилив приближается. Постарайтесь не прикасаться ко мне.

Не замечая моих протестов, он хватается за мои руки, держа подальше от своей груди, словно я вешу не больше пучка перьев, и несет на валуны у края пляжа. Отсюда видны красные стены замка, залитые послеполуденным солнцем. Какая-то часть меня все еще желает протестовать, но мне становится хуже. В моих волосах песок, в одежде тоже, и где-то по дороге я умудрилась потерять ботинок. Мне действительно нужно, чтобы он ушел, а я смогла спокойно поплакать.

Молодой человек продолжает наблюдать за мной.

- Я пришлю кого-нибудь из замка, чтобы убедиться, что вы доберетесь до дома. Кстати, всегда пожалуйста, - он указывает на тушу каменного дракона.

Я не могу сдерживать дрожь.

- Благодарю, господин... Ворона.

- Я не ворона, я ворон, - усмехается он и убирает волосы с глаз. - Хотелось бы знать, кому удалось заковать в цепи каменного дракона. И зачем. И откуда он взялся, они здесь даже не водятся. - Возможно, он воспринял мое молчание за страх и потому добавил: - Не волнуйтесь: вас это не коснется. Никто не обвинит ребенка.

«Ребенка?» Я открываю рот, чтобы ответить, но он уже далеко впереди взбирается по тропинке к вершине утеса.

Мои слезы высыхают к тому моменту, когда Летия возвращается по той же тропинке со слугами и доктором, но при виде меня она резко останавливается, уперев руки в бока.

- Тебе было велено оставаться на месте! Посмотри на свое состояние и на кровь, - она указывает в сторону моей головы, а потом замечает мертвого дракона. Ее глаза округляются. - Что, во имя Жар-птицы, здесь?..

- Я объясню позже. - Я подношу кончики пальцев к голове. Мочка моего уха - липкая от застывшей крови. - Просто помни, ты моя подруга, не нянька. И не телохранительница.

Летия бросает на меня долгий взгляд.

- Я твоя наемная компаньонка. Лорд-дворецкий платит мне за то, чтобы я составляла тебе компанию и обслуживала тебя. У меня есть определенные... обязанности.

- Значит, ты не... Ой!

Доктор перестает ощупывать мою ногу.

- Вы растянули лодыжку, Ваша Светлость. И я боюсь, что достаточно серьезно. - Он жестом указывает на двух слуг, которые ждут неподалеку от носилок.

Устроившись, я снова поворачиваюсь к Летии:

- Как думаешь, я похожа на ребенка?

- Что? - Она растерянно хмурится. - Конечно, нет. Хотя...

Я приподнимаю брови в ожидании ответа.

- Полагаю, ты выглядишь довольно юно в этой одежде. Да еще и в грязи. Почему, кстати, ты в грязи?

- Не важно. Ты бы действительно не согласилась кататься со мной на лошадях, если бы лорд Ланселин не платил тебе?

Моя наемная компаньонка скрещивает руки на груди и наклоняет голову.

- Возможно, я согласилась бы. Я очень привязалась к тебе за эти пять лет. Кроме того, есть некое удовольствие в том, чтобы наблюдать, как ты рискуешь своей шеей чуть ли не каждую неделю.

Я никогда не обсуждаю с Летией, почему мне приходится идти на риски, но я подозреваю, что она понимает суть.

- Я тоже тебя люблю, Летия. Я буду любить тебя еще сильнее, если мы сохраним это все в секрете от лорда Ланселина.

Та неохотно посмеивается.

- От меня он ничего не услышит, - но ее взгляд возвращается к туше дракона. - Ты убила его? Или кто-то другой?

- Дракон умер сам. Мне кажется, он был очень стар.

От приступа тошноты у меня закружилась голова; я откинулась на подушки, радуясь отговорке, которой завершила беседу. Я не хочу рассказывать о вороне. Не хочу думать ни о его личности, ни о том, увижу ли его когда-нибудь снова.

«Пожалуйста, пусть он не будет тем, кого я в нем подозреваю. Пожалуйста...»

Глава вторая

Следующие три дня я не выходила из своей комнаты, следуя указаниям доктора, ухаживая за ушибленными ребрами и распухшей лодыжкой. Лорду Ланселину о произошедшем я ничего не рассказала, как и он, в свою очередь, ни о чем меня не спрашивал. Мне интересно, будет ли он и дальше настаивать на своем: в Серебряной Цитадели у меня не будет права свободно разгуливать, где мне захочется, и носить, что я люблю. Оставшись в покоях одна, я тратила свое время на работу с различными письмами и прошениями, которые мне давал Ланселин. Но каждый раз, когда мое внимание рассеивалось, я возвращалась вновь на пляж, наблюдая за каменным драконом, гадая, откуда он взялся и кому понадобилось заковать его в железный ошейник. Как, собственно, такое вообще было возможно сделать? Я возвращаюсь в мыслях к этому вопросу снова и снова, пока не начинает болеть голова.

Темноволосый ворон тревожит меня в снах.

На четвертый день от мысли, что я останусь в своих покоях хотя бы еще на одно мгновение, хочется кричать. После завтрака я одеваюсь, уговариваю своего врача дать мне костыль и хромаю в сторону библиотеки. Не для того, чтобы читать – эта холодная комната с жесткими стенами была обставлена скорее ради соблюдения приличий, чем ради комфорта – и я иду туда, только чтобы посоветоваться с летописцем. Я хочу выяснить, не было ли в нашем доминионе каких-либо докладов о каменных драконах. Я нуждаюсь в более надежных источниках, чем подруга кухни моей горничной. Но, дойдя до двери библиотеки, слышу голоса через приоткрытую дверь. Это не летописец: лорд Ланселин и кто-то еще. Некто очень сердитый.

– Ты не имел права. Даже не посоветовавшись со мной, даже не считаясь с моими желаниями, дать такое обещание от моего имени.

– А почему нет? – Тон лорда Ланселина, напротив, был спокоен и размерен. – Разве ты не обязан Ее Светлости своей верностью? Не говоря уже о твоём долге передо мной?

– Но это несправедливо! Может, ты и счастлив, что растратил свою жизнь в тени крыла покойного защитника, но у меня в отличие от тебя другие планы. Я хочу увидеть мир – пространство за пределами Соланума. Мы могли бы внести столько улучшений в наш собственном поместье, если бы ты хоть изредка проводил там время.

Мое сердце замирает – я знаю этот голос. Даже отсюда я могу поклясться, что человек скрипит зубами. И расхаживает: его шаги звоном отдаются по мраморному полу. Я наклоняюсь вперед, чтобы заглянуть в щель между дверью и косяком, и мне приходится прикусить губу, чтобы не выругаться.

Это он. Юноша с пляжа. Ворон. Теперь, конечно, он одет должным образом, в красную бархатную туннику, темные кожаные брюки и сапоги до колен. Его волосы растрепаны, как будто он провел по ним пальцами. Он хмурится.

– И что мне сказать матери? После того, как ты пренебрегал ею столько лет? Что меня снова отсылают служить? Служить защитнице, которая едва ли достойна этого звания? А теперь ты еще и говоришь, что эта идиотка не хочет путешествовать в облике лебедя, что мы должны ехать в карете, как парочка бескрылых простолюдинов.

– Тем не менее... – начинает Ланселин.

Но я слишком зла, чтобы ждать его ответа. Я толкаю дверь и ковыляю внутрь.

– Тем не менее вы окажете мне любезность и сопроводите меня к королевскому двору и останетесь там до тех пор, пока я не освобожу вас от службы. Я не думаю, что нам предстоит столь дальний путь.

У него отвисает челюсть, а черные глаза округляются от недоверия. На его лице такие шок и смтение, что мое желание рассмеяться пробивается сквозь ярость.

Мой дворецкий делает шаг вперед и кланяется.

– Ваша Светлость, позвольте мне представить своего сына: Люсьен, лорд Руквуд.

Я коротко киваю, выпрямляясь настолько, насколько могу:

- Лорд Руквуд.

Люсьен закрывает рот и сгибается в поклоне.

- Ваша Светлость, конечно, я... я постараюсь быть вам полезен.

Больше он ничего не может сказать. Но я хотела, чтобы он помучился чуть дольше, и потому медленно захромала вокруг него, раздумывая о том, не рассказать ли его отцу, как мы встретились на днях. О том, как он не поверил мне, а затем оставил на берегу одну. Идея была заманчивая. Но лучше, пожалуй, если он останется у меня в долгу. Я оглядываю его с ног до головы еще раз, наслаждаясь своей властью.

- Замечательно. Вы можете оставить нас наедине, лорд Руквуд.

Люсьен снова сгибается в поклоне, кивает отцу и уходит. Мои плечи опускаются.

- Отличная работа, Ваша Светлость, - улыбка Ланселина сменяется вздохом. - Служба моего сына за границей, по-видимому, научила его многому, но только не держать язык за зубами.

- Но все же он прав, верно? - Я смотрю своему дворецкому в глаза. - Если бы люди могли выбрать защитника, это была бы не я. Несмотря на все прочитанные мной книги и все изученные бумаги, я все еще... не готова. И это мягко сказано.

- Вы молоды, моя дорогая. Но вы дочь своей матери. Люди будут держаться за вас из любви к ней, если больше не за что. Кроме того, у вас впереди еще много времени, чтобы всему научиться.

Я надеюсь, он прав.

Позже, уже в своей комнате, оставшись одна, я раздеваюсь и смотрю на себя в зеркало в полный рост. Своей миниатюрной фигурой и черными волосами я напоминаю мать. Хотя она могла принимать облик черного лебедя, тогда как мне удавалось превращаться в белого, как мой отец. У меня такие же голубые глаза и та же прямая линия челюсти. Повернувшись, я осматриваю шрамы на спине и провожу пальцами, где достаю. Прошло пять лет, нет, почти шесть, с момента нападения, которое так обезобразило мою кожу. И уже минуло четыре года, как я в последний раз пыталась перевоплотиться. Учитывая опасность, которой я подвергла себя на пляже, возможно, пришло время попробовать еще раз. Делаю глубокий вдох, не обращая внимания на ощущение паники в районе солнечного сплетения, и закрываю глаза, вспоминая, чему учила меня мама. Я сосредотачиваюсь на потоке силы, текущей под моей кожей, на силе обращения, которой обладает только дворянство, которая отличает нас от бескрылого большинства. Я представляю свое тело, обведенное сияющим контуром, если отбросить плоть и кости; концентрируюсь на его гибкости, думаю о состоянии чистой энергии, которая протекает между каждой физической конфигурацией. В итоге чувствую, как это срабатывает, как мое тело начинает меняться, одна форма тает, перетекая в другую, кости светятся, удлиняются, кожа превращается в перья...

Боль вспыхивает от рваных нервных окончаний на моей покрытой шрамами коже. Затем приходит ужас, такой же горький и жестокий, каким я его запомнила. Такой же быстрый, как и те два ястреба, два обращенных дворянина, которые выглянули из облаков и напали на маму и меня, убив ее и разорвав мою спину на части.

«Два ястреба. В небе, прямо над нами. Я знаю, что я видела».

Я говорила со своей няней, потому что горе лишило отца дара речи.

«Вы ошибаетесь, миледи. Это не могли быть ястребы, потому что ястребиных семей больше не осталось. Вы видели в небе кого-то другого, моя бедная запутавшаяся птичка...»

«Но я не запуталась. Я знаю, что видела».

Моя грудь сжимается, и пока я пытаюсь дышать, светящийся контур в моей голове исчезает. Мое человеческое тело вновь заявляет о себе и возвращается к жизни, твердое и неоспоримое, оставляющее меня задыхаться голышом на полу.

Слова лорда Ланселина не дают мне покоя: «Вы по практическим соображениям теперь бескрылая...» Лежа на грубом ковре, я впервые задаюсь вопросом, не совершаю ли я ошибку. Много лет я боролась с ограничениями своего отца, с обстановкой замка и со стеной молчания, за которой он спрятался. Я мечтала покинуть Мерл и уйти на поиски справедливости для своей матери. Но рисковать доминионом, своей жизнью ради того, что может оказаться не более чем мечтой...

Смогу ли я выжить в мире, в который собираюсь войти, если даже не могу доказать, что я действительно одна из них?

Уже поздно, и я устала. Моя раненая лодыжка все еще пульсирует. Я забираюсь в постель, так и не получив ответов на вопросы.

Спустя еще две недели бурной активности, наконец наступает день моего отъезда. Люсьен и я стоим в большом зале Мерла, не обращая внимания друг на друга; мы не были наедине друг с другом с того самого дня на пляже.

Приближается слуга.

- Мы готовы, Ваша Светлость, - он сгибается в поклоне и спускается по лестнице в сторону замка, где ждут кареты. Три кареты для нашего багажа и четвертая для слуги Люсьена, Тюрика. Несмотря на мои уговоры, Летия настаивает на поездке в этой же карете. Нас будут сопровождать вооруженные всадники, хотя им придется повернуть назад на границе с Собственностью Короны: защитникам не разрешается проводить свою собственную охрану в личные владения монарха. Мы с Люсьеном едем вместе в пятой карете, чтобы он мог начать мои уроки придворного этикета и так далее. Поездка могла занять, по меньшей мере, две недели или максимум три, в зависимости от погоды и состояния дорог, поэтому мне приходится разрываться между всем этим. Сейчас, когда дело дошло до главного, я не особо горю желанием прибыть к королевскому двору раньше, чем необходимо. Но мысль о лишнем семи днях, проведенных в тесном пространстве с Люсьеном, оставляет горький привкус во рту. Облегчение наступает, когда появляется лорд Ланселин.

- Ваша трость, Ваша Светлость, - он протягивает мне совершенно ненужную трость. - Не стоит перенапрягаться, пока ваши силы полностью не восстановятся после атаки каменного дракона.

Идея Ланселина: преувеличить серьезность моей травмы, чтобы найти повод для моей поездки в Цитадель на карете. В его темных глазах мелькает веселье.

- Дайте мне знать, если вам что-то понадобится, и постарайтесь не волноваться, у королевского двора есть свои радости и опасности. Я уверен, вы будете готовы в течение времени, проведенного в пути, - он приподнимает бровь, оглядываясь на сына. - Люсьен, я верю, что ты будешь вести себя подобающим образом. Будьте осторожны. Позаботьтесь о Ее Светлости и помни, что представляешь наш дом.

- Конечно, - Люсьен опускается на мгновение на колени и получает благословение отца, прежде чем встать и обнять его. - Я подожду вас снаружи, Ваша Светлость.

Оставшись со своим дворецким наедине, я оглядываюсь на главный зал замка, оттягивая момент прощания, стараясь не обращать внимания на голос в голове, который подсказывает мне, что, возможно, я больше никогда не вернусь. В ярком утреннем свете солнца витражи отбрасывают неровные радуги на стены, ковры, мебель - каждый предмет мне знаком, как собственные черты лица.

- Позаботьтесь обо всем, пока меня не будет.

- Конечно, защитница. Мое единственное желание - служить, - это лишь слова, но я действительно знаю, что имеет в виду Ланселин.

- Вот, у меня есть кое-что для вас, - он достает из кармана маленький кожаный сверток. - Наверное, мне следовало отдать его вам еще вчера, но...

- Я понимаю. - Значение празднования моего дня рождения было сильно преуменьшено, омрачено сборами и отъездом. Я разворачиваю сверток. Внутри лежит тонкая прямоугольная коробочка размером примерно с мою ладонь, сделанная из какого-то полированного дерева, с маленькой серебряной защелкой. Я открываю.

- Ох...

То, что я приняла за коробку, на самом деле представляло собой две соединенные вместе рамы. Диптих. С одной стороны картинка с изображением замка Мерл. А с другой...

Моя семья. Мои родители и я, совсем дитя, сижу между ними. Мы все улыбаемся и выглядываем прямо из портрета. Пока я изучаю взглядом картину, на поверхности сознания всплывает воспоминание: мои ноги свисают с дивана, на котором мы сидели втроем; с одной стороны от меня – обтянутые кожаными штанами ноги отца и мамина зеленая бархатная юбка – с другой стороны. Мои руки греет тепло их рук. Я сглатываю комок в горле.

- Я совсем забыла об этом.

- Ваш отец дал мне его перед своей кончиной. Но я подумал, что он должен быть у вас. Как видите, я поменял обрамление.

- Вышло замечательно. Спасибо, – я бросаю последний взгляд на родителей, прежде чем закрыть диптих и прижать его к груди. – Мне пора идти.

Ланселин кланяется и спускается по лестнице. Кареты на месте, лошади в крупных шорах, чтобы отвлечь их от моего с Люсьеном присутствия. Лакей открывает дверцу переднего экипажа, и я сажусь. Он уже ждет, сидя спиной к кучеру. Как только ступеньки подняты и закрыта дверь, он наклоняется ко мне:

- Я могу говорить с вами откровенно?

Я вглядываюсь в его лицо, он выглядит усталым, но надменность, которую я заметила еще при нашей первой встрече, никуда не делась.

- Не думаю, что смогу остановить вас, принцесса, – его губы принимают подобие улыбки. – Но, раз так, мой отец попросил меня помочь вам, и я помогу, насколько это в моих силах. Итак, первый урок: не все в королевстве довольны положением дел. Есть те, кто с удовольствием вырвал бы власть из ваших рук, если бы мог, поэтому вы – мишень. Вы будете находиться в опасности с того самого момента, как покинете Мерл. Так что будет лучше, если вы научитесь не подвергать себя лишнему риску.

- Например, ездой верхом на лошади без стражников?

- Именно. Вы были на пляже одна. Я мог бы убить вас, если бы захотел. Летия могла убить вас.

- Какие глупости. Она моя подруга. Мы проводим наедине каждую неделю по несколько часов.

- Тогда почему она оставила вас там?

- Потому что она бескрылая, вы прекрасно это знаете. Летия пошла за помощью, потому что в одиночку не смогла бы мне помочь. Она зависит от меня. Зачем ей убивать меня?

- Возможно, потому что кто-то склоняет ее к этому. Или платит ей больше, чем она может заработать, будучи вашей компаньонкой. Или же на нее оказывают другого рода давление. Единственный человек, которому вы можете доверять, это вы сама, Ваша Светлость. Больше никто.

- А что насчет вас, лорд Руквуд? На вас я тоже не могу положиться?

Карета резко трогается с места, отбрасывая меня назад. Люсьен ловко и крепко хватает меня за плечи и рассматривает мое лицо.

- Так что, милорд?

Он отпускает меня и отодвигается.

- Я сказал, никому, Ваша Светлость. Это я и имел в виду.

Я поворачиваюсь к окну. Большие ворота уже скрылись за горизонтом. Видно только плотину, связывающую остров Мерл с материком, которой пользуются бескрылые: слуги, перевозчики груза и так далее. А так же мрамор и золото, которыми выложен замок, в

особенности посадочная платформа, простирающаяся с первого этажа и заканчивающаяся высоко над морем. Здесь есть статуя, которую я всегда любила, лебедь с детенышем. Истертый и изъеденный дождем известняк. Я смотрю на них так долго, пока образ не размывается из-за слез.

Следующая часть, несколько дней занятий нет; мы с Люсьеном заняты тем, что пытаемся унять тошноту. Никто из нас раньше не ездил на каретах, и от движения экипажа у меня сводит живот. Можно было бы не обращать внимания, если бы это касалось только меня, но каждый раз, когда Люсьен бледнеет и его тошнит, я могу только представлять, что происходит в его голове: «Все это только потому, что эта идиотка отказывается летать...»

Иногда нам разрешалось выйти из кареты, когда меняли лошадей или когда мы приезжали в один из редких постоянных дворов на пути. Поначалу никакой отдых не помогал мне с болезнью, но в конце концов мое тело, кажется, приспособилось. Тошнота прошла, и я снова оказалась в состоянии есть и была готова обратить внимание на земли, которые мы проезжали. Люсьен тоже оживился и на седьмое утро после отъезда из Мерла снял с багажной полки над головой сверток бумаги.

- Что это?

- Ваш следующий урок. Я думаю, вам нужно знать больше о семье, частью которой вы являетесь. По словам моего отца, покойный защитник счел, что лучше держать вас в неведении, чтобы, - он слегка пожимает плечами, - защитить вас.

- И я уверена, мой отец был прав.

Надо заметить, я совсем так не считаю. Наоборот, как бы мне хотелось, чтобы он каждый день делился со мной знаниями не только об Атратисе, но и обо всем, что я должна была знать, вместо того, чтобы учить меня тому, что я выбрала: как читать ночное небо, как сражаться и ездить верхом. Но все же Люсьен должен знать свое место. Я машу рукой в сторону бумаги, которую он разворачивает.

- Вы можете повременить с этим. Для начала, у меня есть вопрос. Что вы имели в виду в день выезда, когда сказали, что я мишень?

- Разве это не очевидно? - Он усмехается, вздернув бровь.

- Просветите меня.

- Ладно... вы являетесь мишенью по двум причинам. Во-первых, вы мишень для тех членов семьи, - он постукивает пальцем по свертку, - которые предпочли бы, чтобы значительное состояние Атратиса принадлежало кому-то другому. Я думаю, это поможет вам понять.

Сбоку к карете прикреплено что-то вроде складного столика. Люсьен тянет его вниз и расстилает сверток, придавливая его книгами с обеих сторон.

- Это семейное древо.

- Верно. Это предок нынешней королевской семьи Сигнус I. Как видите, у его сына, Сигнуса II, было много детей. Много потенциальных претендентов на трон.

Я всматриваюсь в имена и даты, расписанные мелкими буквами: бесчисленные рождения, браки, смерти. Мой палец находит нынешнего короля, моего дядю, а под ним два имени: мои двоюродные кузены Арон и Одетта. Рядом с королем его младший брат, Ротбарт (мой отец), и под ним я. Третья в очереди на трон. Нет, вторая. Арон был лишен права наследования.

- Значит, если что-то случится с Одеттой, корона перейдет мне. - Приступ тошноты грозит вернуться при одной мысли о таком раскладе. - А что будет, если я умру?

- Если вы умрете сейчас, доминион Атратис перейдет к королю и будет заселен так, как он сочтет нужным.

- Предполагаю, мне лучше надеяться, что мой дядя не планирует меня убивать, - я говорю легкомысленно, надеясь на утешение. Но Люсьен не делает мне такого одолжения.

- И в самом деле. Он может, конечно же, использовать вас в качестве свадебного подарка, продать на аукционе тому, кто больше всего заплатит. Возможно, одному из ваших бесчисленных кузенов.

В том числе и Люсьену, если это семейное древо не лжет. Я вдруг задаю вопросом: какими были мотивы Ланселина, когда он предложил мне нанять его сына в качестве клерка? Вероятно, Люсьен был честен, когда сказал мне не доверять ему.

Мой компаньон ухмыляется, словно слышит мои мысли.

- Вы чрезвычайно ценны, Ваша Светлость. Будучи живой или мертвой - значения не имеет.

Мерзавец. Я отодвигаю бумагу в сторону и откидываюсь на подушки.

- А в чем вторая причина? Вы сказали, что есть две причины, по которым я мишень.

- Что ж, вы можете стать мишенью для тех, кто стремится не к перераспределению власти, а к полному разрушению прогнившей системы.

- Такие люди есть?

- Да. Среди бескрылых, и даже несколько среди знати. Мятежники, которые желают освободить бескрылых, устранив тех, кто правит ими.

- Но это несправедливо! Вы знаете, какие перемены наступили в Атратисе благодаря моим родителям. Школы для бедных бескрылых детей, бесплатный лазарет в Хите...

- Как и множество других благ, но если потеряете контроль в своем доминионе, вы будете заменены кем-то, кто хочет только эксплуатировать... вы видели людей в этих краях. У них не осталось никакой надежды.

Мы покинули земли Атратиса более суток назад и сейчас проезжали через доминион Бритис. Слухи, которые доходили до меня, не описывали в полной мере плачевного состояния прилежащих к дорогам деревень. Я помню пустые глаза бескрылой семьи, мимо которой мы проехали этим утром. Они стояли перед домом с окнами без стекол и наполовину отсутствующей соломой на крыше.

Дети даже не были обуты.

Люсьен качает головой и выглядывает из кареты.

- Как думаете, почему состояние этих дорог так ужасно?

Я хмурюсь, слежу за его взглядом и удивляюсь такой смене темы.

- Не знаю. Они сильно плохи?

- Да. Куча выбоин, отсутствие надлежащего покрытия... это даже дорогой не назовешь. Не сравнить с ситуацией во Фрайанландии. Но ничего и не предпринимается, чтобы их отремонтировать, потому что знать очень редко здесь проезжает, а бескрылые не в счет.

Пару минут никто из нас не произносит ни слова. Какая-то часть меня желает закончить разговор, приказать ему пересесть в другую карету, но я ничего не могу с собой поделать.

- Вы тоже относитесь к знати, - я пододвигаю к нему семейное древо. - И мы с вами родственники: ваше имя здесь, как и мое. Вы часть этой... прогнившей системы, которую, кажется, презираете. И я действительно знаю бескрылых. Мы с Летией большую часть времени провели вместе. Я доверяю ей...

- Она указывает вам, что делать?

- Конечно, нет. Но я люблю, когда она рядом.

- Будто домашняя зверушка?

Я ощущаю, как жар охватывает мое лицо.

- Я не позволю вам так говорить о ней. Она моя лучшая подруга.

- Неужели? Так вы спросили Летию, не хочет ли она покинуть Мерл и прибыть с вами к королевскому двору? Вы когда-нибудь спрашивали, чего она хочет, вместо того, чтобы давать приказы и ждать от нее подчинения?

- А вы спрашиваете у Тюрика?

- Он мой слуга, и я не притворяюсь в отношении него кем-то другим. Кажется, Летия - ни то, ни другое. Мне жаль ее.

От злости или вины у меня чешутся руки вцепиться пощечину по его красивому лицу.

- По крайней мере я знаю, что лучше не касаться Летии или любого другого бескрылого

без его разрешения, – мое упоминание о поведении Люсьена на пляже заставляет его покраснеть. Я продолжаю давить: – Почему вы здесь, Люсьен? Вы явно презираете меня. Почему не пустили меня ко двору одну, не позволили мне совершить смертельную ошибку? Вы словно жалеете, что не убили меня, когда у вас был шанс.

– Перестаньте драматизировать. Я не презираю вас. Я ненавижу то, что вы отстаиваете. Что мы отстаиваем. Но я... – он замолкает и скручивает дерево. – Есть множество людей, которые наделали бы дел похуже, чем вы. Ради всех, кто живет в вашем доминионе, я постараюсь сохранить вам жизнь.

До каких пор? Пока он не решит, что я больше не подхожу?

Он смотрит на меня, а его темные глаза, в которых под тусклым светом играют тени, как будто пытаются заглянуть мне глубоко в душу. Или, возможно, он просто ждет, что я отблагодарю его за терпение.

Я закрываю глаза и пытаюсь заснуть.

В конце концов, нам хотя бы повезло с погодой. Большая часть следующей недели оказывается солнечной, и по сухой земле мы едем быстрее. Я провожу еще немного времени, изучая семейное древо, пытаюсь запомнить имена и родственные связи. Все же Люсьен не так много рассказал мне о людях, с которыми я вскоре встречу. Он считает, что я лучше запомню детали, когда увижусь с ними. Его молчание заставляет меня нервничать, и я задаюсь вопросом, что он пытается скрыть. Иногда я спрашиваю его о семейной истории, пытаюсь найти информацию, которая могла бы мне помочь выяснить, кто убил мою мать, но у него либо нет ответов, которые я хочу получить, либо он не хочет говорить мне. Все остальное время, столько, сколько я могу выдержать, он учит меня сложным правилам поведения при дворе. Например, как дворянин более низкого ранга, Люсьен не должен обращаться ко мне без предварительного разрешения. Я не пытаюсь скрыть свое чувство довольства этим правилом.

В остальное время Люсьен и я ухитряемся игнорировать друг друга за чтением. Он, как я выяснила, предпочитает романы, а я тем временем работаю над книгой по астрономии. Попытка освоить некоторые математические концепции – желанное отвлечение, хотя оно и оказывается все менее и менее эффективным по мере нашего приближения к королевскому двору. Я не могу сконцентрироваться. Мысли о Цитадели и ее обитателях все сильнее затуманивают мне рассудок, вызывая сомнения по поводу мудрости моего решения, разбегают мою уверенность. Мы въезжаем в Собственность Короны, и теперь я не смогу повернуть назад, даже если захочу. Я не делюсь своими переживаниями с Люсьеном. Вместо этого провожу свое время, наблюдая за тем, как он читает. Он часто улыбается, практически не хмурится. Наблюдать за ним довольно приятно, пока однажды утром он не замечает на себе мой взгляд – на этом я заставляю себя остановиться.

Я прихватила с собой дуэльный набор. Мы играли дважды, дважды я выигрывала, захватив орла Люсьена, прежде чем мой компаньон не сообщил мне, что ему на самом деле не особо интересна игра.

Дальше едем в тишине, можно сказать, с комфортом, пока нашему счастью не приходит конец. Погода меняется. На смену солнцу приходит дождь, который льет как из ведра, замедляя наше движение вплоть до ползания, потому что карета с лошадьми увязает в грязи. В конце концов мы останавливаемся. Застряли.

Люсьен откладывает книгу в сторону и выглядывает в окно, тихо кого-то поругивая. Он вытягивает вперед шею со своего заднего сиденья в попытке разглядеть дорогу. И я даже не собираюсь предлагать ему пересечь на свою сторону. Вместо этого я не отрываю взгляд от книги в руках, пытаюсь сконцентрироваться на описании движения планет по эллиптическим орбитам, пока бормотание Люсьена не становится таким громким, что я больше не могу делать вид, что не замечаю его.

– Вы хотите что-то сказать, лорд Руквуд?

Он поворачивается ко мне:

– Это просто нелепо.

- Погода? Конечно, слякоть и дождь раздражают, но вряд ли это странно, учитывая время года. Крехс - достаточно дождливый месяц.

- Вы отлично знаете, что я имею в виду. Мы должны были лететь.

Я делаю глубокий вздох, крепко сжимая книгу.

- Мне известно ваше мнение по этому поводу. Вы четко дали мне это понять в тот день, когда разговаривали со своим отцом в библиотеке.

В ответ он хмурится.

- Я думал, только дети или бескрылые подслушивают чужие разговоры.

- Я не подслушивала, - парирую я, не в силах смолчать, - а если и так, то это только ваша вина, что вы так громко разговариваете.

- Не стоит оправдываться передо мной. Вас, вероятно, не волнует, что я думаю...

- Нет, не волнует.

- Но вам должно быть все равно, что подумают другие. Или что они могут сделать. И на случай, если мой отец недостаточно ясно выразился: если обнаружится, что вы не умеете летать, вы будете изгнаны, а следом убиты. Вы рискуете целым доминионом из-за... из-за неспособности отпустить прошлое, - он проводит руками по волосам, теперь я интерпретирую этот жест как признак раздражения. - Ради всего святого, Ваша Светлость, уже шесть лет прошло с тех пор, как ваша мать умерла. Наверняка уже...

Он замолкает, глядя на меня.

Понятия не имею, что он увидел, но я чувствую холод. Слово иней оседает на моей коже, а воздух замерзает в легких.

- Вас там не было. Вы не могли видеть, что те монстры сделали с ней. Вы ничего не знаете о кошмарах, о... - карета резко подсакивает, когда колеса вырываются из грязи и раздаются треск. Я смотрю вниз: я держала книгу так крепко, что случайно вырвала пару страниц. - Вы ни... - Мой голос срывается, и я начинаю фразу заново: - Вы ничего не знаете.

Люсьен молчит. На его лице застыло странное выражение, но я не собираюсь тратить время, чтобы понять, какое именно. Вместо этого я собираю разбросанные страницы и пытаюсь вложить в свою книгу. Это тяжело, потому что мои руки дрожат, а бумага такая тонкая и прозрачная, легкая, как пух, что я боюсь причинить книге еще больший вред. Я все еще пытаюсь разобраться с ней, когда слышу голос Люсьена.

- Смотрите, мы почти на месте. Серебряная Цитадель, город Фарн.

Я выглядываю из окна. Вдалеке виднеется бледно-серый замок, нависающий над городом, который спускается по склонам крутой долины прямо к морю. Я уже хотела спросить, почему его называют серебряным, но тут лучи солнца пробиваются сквозь облака, и я все понимаю. Замок на закате блестит.

- Это прекрасно.

Мой спутник откидывается к стене в своем углу кареты и пожимает плечами.

- Снаружи. Но я бы не променял все это ни на один камень Хэтчлендса.

Это первый раз, когда я слышу, как он упоминает свой дом, и глубина его взгляда удивляет меня. Но в следующий момент он слегка улыбается.

- Постарайтесь не выглядеть взволнованно, Ваша Светлость. У вас есть оправдание для прибытия в карете. У короля нет причин подозревать о существовании еще каких-то трудностей. Через шесть недель мы сможем вернуться в Мерл, если у вас будет на то желание.

Шесть недель. Слишком долго, чтобы утешиться, и, может, не так долго, чтобы найти ответы, которые я ищу. Облака закрывают солнце. Я вижу, как приближается темнеющий замок.

Глава третья

Нам приходится объехать замок и встать у специального входа для слуг и бескрылых посетителей. Я чувствую, как любопытные взгляды впиваются мне в спину, как только выхожу из экипажа, испытываю облегчение, что у меня есть трость. Мне бы хотелось держаться за Люсьена, но мой спутник не предлагает свою руку, а я слишком горда, чтобы просить о таком. Мы молча поднимаемся по широким каменным ступеням, следуя за провожатым – пожилым человеком, на мундире которого серебряной нитью вышит герб Сигнуса. Стук трости отдается эхом в тускло освещенном лестничном пролете. Позади нас шестеро вооруженных до зубов стражников в черных кольчугах, со спрятанными забралами лицами, «темные стражники», по словам Люсьена. Мне интересно, все ли посетители удостоиваются такого сопровождения? Лестница ведет все дальше и дальше; сквозь дверные проемы я вижу кухни, кабинеты и слуг в сером. Но в конце концов мы оказываемся на первом этаже вестибюля, в ослепительном сиянии; свет сотен свечей в хрустале, мраморе, стекле заставляет меня зажмуриться. Девиз семьи Сигнус высечен золотыми буквами в размахе крыльев по краям потолка: «НАША СИЛА – ЗАЛОГ НАШЕЙ СЛУЖБЫ». Это отсылка к роду Сигнуса I, он был дворецким при предыдущей династии, которая аккуратно замалчивает его безжалостный захват трона. Я верчу головой, чтобы взглянуть на него, и тут Люсьен внезапно останавливается.

– Стойте!

– Милорд? – сопровождающий останавливается, слегка склонив голову.

– Мы проделали долгий путь, Ее Светлость была недавно ранена. Ей стоит пойти прямо в свои апартаменты.

– Но Его Величество желает видеть Ее Светлость без малейшего промедления. Ваши слуги были только что отсланы, чтобы приготовить вам комнаты, милорд, – он отворачивается и продолжает идти, и нам ничего не остается, кроме как дальше следовать за ним. Двери перед нами распахиваются, и внезапно мы оказываемся в комнате, забитой людьми. Люсьен делает шаг назад и идет позади, хотя даже так я могу видеть его краем глаза, от ощущения одиночества у меня перехватывает дыхание. Но сопровождающий все еще идет вперед, и я шагаю следом за ним. Голос в моей голове становится все громче и громче: «Ты не должна быть здесь, ты не должна быть здесь, ты не должна быть здесь...» Большая часть стражи стоит на галерке по периметру верха комнаты. Из ярко раскрашенной толпы вокруг меня доносится удивленный и презрительный шепот. Кто-то смеется. Шум вскоре затихает, но я стараюсь не реагировать и не отрывать взгляда от того, что находится передо мной: огромное витражное стекло с изображением лебедя с распростертыми крыльями, а под ним возвышение, на котором стоит трон из темного дерева, богато украшенный золотыми перьями и гербом Сигнуса. Я не могу остановить приливающую к щекам кровь.

Наконец мы останавливаемся перед помостом. Сопровождающий бьет посохом по мраморному полу.

– Ее Светлость, леди Адерин, дом Сигнус Атратис, защитница доминиона Атратис, и Люсьен, лорд Руквуд.

Трон достаточно большой, чтобы на нем уместились двое – короли и королевы Соланума всегда правили парами, – но сейчас на нем одиноко восседает мужчина. Я протягиваю своему сопровождающему трость и склоняюсь в поклоне, опускаюсь низко и вытягиваю руки назад в имитации крыльев – порядок приветствия монарха при первой встрече. Я чувствую, как Люсьен, стоящий около моего плеча, делает тот же самый жест приветствия.

Несколько минут король пристально смотрит на меня, и я гляжу на него в ответ. Я вижу сходство с отцом, те же голубые глаза, упрямая линия рта, длинные конечности и пепельно-светлые волосы. Но человек передо мной старше и тучнее – несмотря на то, что он выглядит маленьким по сравнению с огромным позолоченным тронном. Король одет в ярко-синие шелка и бархат, его пальцы украшены тяжелыми кольцами. Он ерзает на месте, машет рукой, и к нам подходят слуги с серебряными бокалами в руках. Я беру напиток, и, когда король поднимает свой бокал в тосте и делает глоток, я повторяю. Жидкость в бокале – какое-то вино? – насыщенная и пряная; на глаза наворачиваются

слезы, и мне приходится подавить желание прокашляться. Король слегка улыбается, и, кажется, мне положено вернуть бокал на место; слуга протягивает поднос.

- Итак. Моя бескрылая племянница наконец-то приехала навестить меня.

Бескрылая? Это слово - мгновенное осознание того, что меня предали, - обрушивается на меня как удар. Меня парализует: каждый мускул тела слабеет. Позади тихо ахает Люсьен. Но король продолжает дальше; а я заставляю себя спрятать тревогу.

- Рад видеть тебя вновь, Адерин. Прошло много лет с тех пор, как мой брат заперся в Мерле. Я был огорчен, узнав о его смерти.

Почему-то я ему совсем не верю.

Я делаю глубокий вдох.

- Благодарю, Ваше Величество. Смерть моего отца стала большой трагедией для всего народа. Соболезнования, что мы получили от вас и королевы, были большим утешением, - этим словам научил меня Люсьен. О них мы договорились. - Но я не бескрылая, дядя. Я не могу представить, кто отважился на подобную ложь.

Рискованно бросать королю вызов, только прибыв ко двору. Но если я проиграю в игру, которую мы оба, очевидно, ведем, я потеряю все.

- Неужели? - Он откидывается назад, изучая меня. - И все же вы приехали на карете... - Еще один всплеск смеха в придворной толпе, немного громче, чем до этого.

- По рекомендациям моих врачей, Ваше Величество. Я была недавно ранена. Поездка в карете позволила мне отдохнуть и осмотреть королевство. Это правда, что я предпочитаю не летать с тех пор, как стала свидетельницей гибели моей матери. - Когда я произношу эти слова, за моей спиной раздается шепот, - но я не бескрылая.

Молодая пара направляется к помосту. Девушка, одетая в простое белое платье, настолько красива, что у меня перехватывает дыхание. У нее нет короны, пучок ее серебристо-светлых волос впечатляет и без украшений - и я предполагаю, что она, должно быть, принцесса Одетта. А юноша рядом с ней - ее брат Арон. У обоих один цвет волос, одинаково высокие скулы и похожи чувственно очерченные губы, хотя в линии подбородка Арона есть упрямое высокомерие, чего нет у его сестры. Он одет во все черное - поразительный контраст с копной его светлых волос - и мне требуется мгновение, чтобы заметить пустой рукав, приколотый к его тунике.

- Что ж, племянница, вот и твои кузены пришли тебя встретить. Одетта, - я кланяюсь, и девушка склоняет голову в ответ слегка неуверенно мне улыбаясь, - и Арон, - я кланяюсь принцу, но он игнорирует мой жест с презрительным выражением лица.

Он поворачивается к отцу:

- Моя кузина утверждает, что она не бескрылая. Но Атратис занимает второе место по значимости в Собственности Короны. Там находятся наши главные порты, основная часть наших железных рудников, наши леса... Если она достойна быть защитницей Атратиса и стоять второй в очереди на трон, то пускай докажет свою правоту. Пускай она обратится, если может.

Паника скручивает мои внутренности, словно острым ножом, между лопатками поднимается холодный пот. Если меня попросят раздеться здесь и сейчас, чтобы это доказать...

Король качает головой:

- Сейчас, сын мой? На глазах у всех придворных? Я и слышать не хочу о мысли подвергнуть нашу кузину такому испытанию, - мои плечи опускаются от облегчения, хотя я уверена, что дядя больше заботится о своей репутации, чем о моей скромности. - Но как бы там ни было, леди Адерин может убедить нас в своем статусе и другим способом, - он смотрит на меня, а потом указывает на слугу рядом с подносом. - Обожги его.

- Отец! - Арон делает шаг вперед. - Это не то, что я...

- Но ты прав, мой сын. Есть правила. Так что ты сделаешь мне одолжение, Адерин, если коснешься кожи этого человека.

Ужас заставляет меня открыть рот.

- Но, Ваше Величество, обычаи запрещают...

- Запрещают? - Тон короля мягкий и недоверчивый. - Разве не я король? Разве не я придумываю обычаи?

Я долю секунды медлю.

- Конечно, Ваше Величество.

Он поднимает руку и крутит ею, глядя на играющий свет в разноцветных камнях своих колец, вместо того, чтобы смотреть на меня.

- Слухи бегают куда быстрее карет. Хочешь знать, какие разговоры до меня дошли за последние несколько недель? - Не дожидаясь ответа, он продолжает: - Ходят слухи, что моя племянница была убита в результате инцидента, в котором погибла ее мать, а ее место заняла бескрылая самозванка. Что мой брат в своем горе был каким-то образом обманут.

- Но вы же не можете в такое поверить, - в моем голосе невольно звучит насмешка. - Это ложь.

Король поднимает на меня глаза.

- Тогда докажи это.

Я поворачиваюсь к Люсьену, ищу помощи, хоть какой-то выход. Но он качает головой - едва заметное движение - и опускает взгляд.

- Мы ждем, - бормочет дядя. Один из стражников у трона слегка шевелится, его пальцы тянутся к рукояти топора, висящего у него на боку.

Слуга пристально смотрит на меня. Его глаза полны страха - но что я могу сделать? Я беру поднос из его рук и передаю его Люсьену. На мужчине перчатки и туника с длинными рукавами.

- Закатайте рукава. Так будет болеть меньше. - Мужчина повинуется и протягивает мне руку; он дрожит. - Простите, - бормочу я.

Наконец я кладу руку на его кожу, сплетая пальцы вокруг его запястья. Мужчина вздрагивает, он сжимает рот вместе с растущим жаром, чтобы не закричать, но вскоре боль становится слишком сильной. Он начинает стонать, борясь с желанием выдернуть руку. Я чувствую запах горелых волос.

- Достаточно.

Я отпускаю его. Он отшатывается назад, плачет, прижимая руку к груди, она красная и покрыта волдырями. Мой живот сжимается.

Теперь уже никто не смеется.

- Очень хорошо, племянница. Я, конечно, не сомневался в твоей личности, так схожей с твоей матерью. Но это хорошо, что мы разрешили этот вопрос на глазах тех... кто подозрительнее меня. - Мой дядя лукавит с улыбкой на губах; он не может скрыть разочарование в голосе. - Видишь, Арон? Леди Адерин явно не бескрылая. Что же касается раны, что помешала ей отправиться сюда в форме лебедя, то она, я полагаю, - его улыбка искривилась, - почти зажила.

Лицо моего кузена источает холод.

- Действительно. Я с нетерпением буду ждать момента, когда она взлетит.

Когда Арон поворачивается к выходу, король протягивает ко мне свои руки; я ступаю на темно-синий ковер и заставляю себя поцеловать их.

- Я рад, что ты здесь, моя дорогая. Я подумываю о твоём браке. Как сказал Арон, доминион Атратис очень важен, и мы должны быть уверены в его будущем. - Он машет рукой в сторону собравшихся придворных. - Здесь есть несколько кузенов, которые уже выразили свою симпатию тебе.

Симпатию моим богатствам и землям. Интересно, кому из мужчин, буравящих взглядом мою спину, он собирается отдать меня.

Дядя поглаживает мою руку.

- А теперь иди и отдохни. Мы ещё поговорим сегодня за ужином.

Я снова кланяюсь и спускаюсь с помоста, забирая трость у сопровождающего. Толпа расступается, когда я направляюсь к двери в дальний конец тронного зала. Снова шепот и косые взгляды; опять я притворяюсь, словно ничего не замечаю. Другой слуга - один из подчиненных сопровождающего, по всей вероятности, - ждет, чтобы проводить меня в мои апартаменты. Мы поднимаемся по лестницам, проходим по коридорам, и все это время я смотрю прямо перед собой с каменным лицом. Затем нас вводят в комнату, и слуга, откланявшись, вручает нам ключи, дверь закрывается, и я наконец остаюсь наедине с Люсьеном.

- Я не могу здесь оставаться. Не могу. - Комната слишком большая, но мне не хватает воздуха. Я бросаюсь к одному из окон и нащупываю задвижку в попытке открыть его. - Мы должны выбраться отсюда, вернуться в Мерл... Он сумасшедший, он, должно быть...

- Ваша Светлость... - Люсьен хватается за запястье, бросая предостерегающий взгляд, - вы устали после поездки. Вам надо отдохнуть, - он прижимает палец к губам, потом тихо идет к двери, бесшумно ступая по толстому ковру, и широко ее распахивает. Слуга, который привел нас сюда, сидит за дверью на корточках; шок заставляет его распластаться на полу. Люсьен поднимает его. - Иди и приведи сюда служанку. А потом ступай вон.

- Да, милорд. Мои извинения.

Люсьен захлопывает дверь и возвращается ко мне.

- Следующий урок: здесь полно шпионов. - Он стоит, близко наклонившись надо мной, а его голос почти опускается до шепота. - Я не знаю, работает ли этот идиот на кого-то или он просто надеялся получить какую-то информацию и продать ее, но это не имеет значения. Большинство наших слуг, горничных и так далее, не умеют читать, им не позволено учиться, но слушать они могут. Вы должны следить за своим языком, даже если думаете, что вы одна. И всегда помните первое, чему я вас научил.

- Никому не доверять, - похоже, как здесь, так и дома. - Кто мог сказать ему, что я бескрылая, Люсьен?

Он качает головой.

- Я не знаю.

Как не знаю и я. Может быть, какой-нибудь гость, присутствовавший на последнем полете моего отца? Но я была в глубоком трауре - никто и не ждал, что я взлечу. Значит, этот кто-то живет в Мерле? Скрестив руки, я прокручиваю имена в голове.

- Ваша Светлость, вы выдержали испытание короля: пускай мой отец и беспокоится о том, чьи слова его спровоцировали. Я напишу ему перед вечерним банкетом. Но, по правде говоря, за последние пару лет распространилось множество слухов - о заговорах, возможном нападении, мятеже. Королем управляет страх. Страх, который не оставил места здравому смыслу. Или снисхождению.

По всей комнате расставлены диваны и стулья, все из позолоченного дерева и розового атласа. Я ощущаю, как сильно дрожат мои ноги, и опускаюсь на ближайшую кучу подушек.

- Но то, что он заставил меня сделать... Почему вы не предупредили меня?

- Я не хотел пугать вас, - он вздыхает и садится рядом. - Хотя, возможно, я так бы и сделал, если бы это удержало вас дома. Король, кажется, получает удовольствие, наблюдая за страданиями. Есть дюжина историй о том, что он делает наедине с бескрылыми женщинами. - Он замолкает, когда я прижимаю руку ко рту, живот снова скручивает. - Возможно, это всего лишь выдумки. Хотелось бы мне, чтобы король был похож на вашего отца. Трудно поверить, что они братья.

- Это невозможно. Мой отец был хорошим человеком, добрым, а король... - Желчь подступает к горлу от одной мысли о моем дяде, расprostертом на троне Соланума и оскверняющем его своими жестокостью и жадностью. Я пытаюсь представить своего отца здесь, рядом со мной. Отца, который защитил бы меня. Его образ придает мне сил.

- А что насчет моего брака?

- Я сомневаюсь, что он собирается втянуть вас во что-то; чем дольше он будет удерживать вас в подвешенном состоянии перед потенциальными женихами, тем больше выгоды он сможет извлечь из этой ситуации. И помните, вы совершеннолетняя. Он не может заставить вас выйти замуж.

В теории - да. На практике, кто знает, какое давление мой дядя может попытаться оказать? Я прячу лицо в ладонях, ногтями впиваюсь в кожу головы, зажмуриваю глаза и пытаюсь представить себя дома. В это мгновение шанс, что я могу сделать здесь что-то хорошее, смогу отомстить за свою мать или возместить проведенные в полном одиночестве годы своего отца, кажется таким далеким и таким же смешным.

- Что же мне делать?

Я чувствую, как Люсьен рядом со мной меняет положение, но не пытается ответить на мой вопрос.

Раздается стук в дверь, и входит Летия в сопровождении горничных с ведрами дымящейся душистой воды.

- Пора принимать ванну, Ваша Светлость. Вам нужно отдохнуть и переодеться перед банкетом. - Она поворачивается к Люсьену, уперев руки в бока: - Ваш слуга ждет вас, милорд. Он сказал, у вас обычная комната.

Люсьен принимает столь пренебрежительное отношение без каких-либо возражений. Он встает и кланяется мне.

- Увидимся через пару часов, Ваша Светлость, - а затем уходит, и Летия, в тонких кожаных перчатках, расстегивает мое платье, напевая под нос одну из наших любимых детских песен.

Теплая ванна перед большим камином расслабляет мое тело, но не может успокоить разум. Моя спальня такая же огромная и величественная, как и гостиница. Слишком просторная по сравнению с блеклым уютом моих комнат в Мерле. Но от вида из окон захватывает дух: отвесная скала и возвышающийся на самом конце фьорда замок. Чуть дальше от центра фьорда стоит высокая башня, построенная из того же сверкающего камня, что и замок. А в другой стороне - горы, теснящиеся друг к другу, словно рот, набитый острыми зубами. Потоки белой воды устремляются вниз по их бокам. Я вижу сине-зеленый край ледника, зажатого между самыми высокими, покрытыми снегом вершинами. Оборотни не чувствуют особого холода, но я замечаю, что на Летии новое платье из плотной лиловой шерсти. Пока мои волосы высыхают, она подбирает мне платье на банкет: зеленый струящийся шелк, высокая горловина, полоска золотой вышивки на талии, повторяющаяся на подоле. Без рукавов - этот фасон вечерних платьев вошел в моду. Длинный шлейф волочится за мной во время ходьбы, и Летия напоминает, что во время танцев его нужно заколоть. Она заплетает мои волосы в косу и закручивает ее на затылке. Как только я надеваю мамины изумрудные серьги, она обходит меня, склонив голову набок.

- Ты справишься. Просто старайся выглядеть не такой напуганной. Помни, кто ты.

Она, как всегда, права.

- Где мой пояс и меч?

- Дворяне не носят оружия. А еще это испортит линию платья.

Но я не просто дворянка, я защитница и имею право носить меч.

- Поверь мне. Именно он и поможет мне, как и всем остальным, вспомнить, кто я такая.

Летия улыбается:

- Верно, по крайней мере, он из золота и не будет выглядеть неуместно.

Я застегиваю пояс на бедрах и кладу мамин меч в ножны, пока Летия возится с подолом. Наконец она меня вновь оглядывает и одобительно кивает.

- Как бы мне хотелось остаться здесь и поужинать с тобой, - я протягиваю руку, стараясь на всякий случай не дотрагиваться до нее. - Я кажусь себе такой... такой незащищенной.

- Ну же, это просто банкет. Тебе нечего бояться. - Она вдруг усмехается, понизив голос:
- Если, конечно, это не танцующий демон...

Я смеюсь, вспоминая, как мы с Летией убедили мою легковерную няню, что в комнате лорда Ланселина обитает демон из преисподней. Он был не слишком удивлен, когда обнаружил, что она «очищает» его любимые вещи, бросая их одну за другой в огонь.

- Мы пережили столько неприятностей. Но, по крайней мере, мы всегда были вместе: если бы ты только могла прийти на ужин.

- Не беспокойся обо мне. Я поужинаю у себя в комнате и проведу вечер за шитьем и чтением, что меня вполне устроит.

Раздается стук в дверь. Летия передает мне трость (мы договорились, что я буду пользоваться ею еще несколько дней), затем открывает дверь и впускает Люсьена. Он одет в серую шелковую тунику без рукавов и в брюки, на шее у него золотая цепь дома Ансерис. Одежда ему к лицу: серый цвет оттеняет темно-синий его волос и глаз, а стиль туники подчеркивает крепкие мускулы.

- Вы готовы? Прозвенел первый колокол.

- Готова, - я расправляю плечи, когда мы покидаем мои довольно-таки безопасные покои.

Мой клерк оглядывает меня с ног до головы; его взгляд полон одобрения, чего я никак не ожидала. Я откашливаюсь, внезапно смутившись.

- Вы выглядите... как подобает, - бормочет он. - У Летии хороший вкус.

Всплеск раздражения заглушает мое смущение.

- Вы слишком добры, милорд. Я обязательно передам ей ваш комплимент.

Здесь есть и другие представители знати, все они направляются к большому залу, где и должен состояться ужин. Люсьен говорит, что большинство из них - лорды и леди Соланума. Некоторые из них - гости из других государств. Люсьен говорит, что пара с ярко-алыми волосами - члены семьи ибисов из королевства Герды. Высокий мужчина с голубоватой кожей и зелеными волосами, очевидно, павлин, смотрит мне прямо в глаза и склоняет голову.

Я крепче сжимаю трость.

- Я не знаю здесь никого...

- Это не имеет значения. Король принял вас, а также вы выше по рангу всех, кроме королевской семьи. Несколько следующих дней большинство, если не вся здешняя знать, будет обращаться ко мне с просьбой познакомиться с вами. Вам не нужно ничего делать, - мы проходим мимо, и еще двое, мужчина с женщиной, склоняют головы, а губы Люсьена дергаются. - Подозреваю, что скоро стану весьма популярен.

Я не могу сдержать вздоха восхищения, когда мы входим в зал. Это самое большое помещение, в котором я когда-либо была; оно даже больше, чем тронный зал: двойная высота, пол устлан красно-белыми мраморными плитками. Потолок с искусно украшенным сводом, увенчанным восьмиугольным стеклянным фонарем. В верхней половине каждой стены установлены огромные арочные окна, на светящихся витражах изображены одни и те же символы. Символ власти – Щит королевской семьи Сигнус по центру, обрамленный щитами семей (включая семью моей матери), которые правили Соланумом последние двести лет: семь домов Сигнус. Нижние стены покрыты гобеленами, изображающими историю королевского дома. Я ловлю взглядом Тавина из Ченориса, восседающего на троне, как Сигнус I, после того, как Война Хищников уничтожила дом Аквилы (обращающихся в орлов) и большинство их родственных семей. В другой половине зала расставлены столы, вышитые скатерти почти скрыты под грудями столового серебра, но придворные собираются здесь, ближе ко входу, разговаривая небольшими группами и поглядывая в сторону двери. По периметру расставлены вездесущие стражники в кольчугах. Люсьен ведет меня к центру, и люди освобождают нам место.

– Почему мы ждем здесь?

– После второго звона колоколов войдет королевская семья, никто не может сесть, пока не сядут они. Затем мы займем свои места в порядке ранжирования. Вы будете сидеть за самым высоким столом, рядом с принцем и принцессой.

– А как же вы? – Мой голос прозвучал громче, чем я предполагала, стоящий рядом вельможа приподнимает бровь. Я придвигаюсь ближе к Люсьену: – Вы, мой служащий, не можете сесть рядом со мной?

Он грустно улыбается.

– Временный статус не меняет моего ранга.

Откуда-то сверху раздается звон, и люди вокруг меня начинают двигаться, выстраиваясь по обе стороны дорожки от двери к высокому столу. Люсьен шепчет:

– После ужина в галерке будет концерт, я присоединюсь к вам. Старайтесь не говорить и не делать глупостей ближайшие пару часов, – улыбка исчезает, и его лицо становится серьезным. – Помните, сейчас важно не ваше будущее, мы делаем это ради Атратиса, – он коротко кивает мне и отступает в толпу аристократов более низкого ранга, в то время как арфисты на галерке над главной дверью начинают играть.

Первым входит король, он одет в белый шелк, на его голове сияет бриллиантовая корона, под руку он ведет женщину намного моложе его, полагаю, новую королеву. Она очень красива. Ее волосы белого цвета, лишь с одной длинной черной прядью, а кожа имеет серебристо-серый оттенок, характерный для семей цапель. В своем белом шелковом платье она словно вырезана изо льда. Под короной ее лицо бесстрастно, хотя легкая морщинка между бровями говорит о том, что она не испытывает особого удовольствия от происходящего. Однако, проходя мимо, она замечает, что я смотрю на нее, и одаривает меня быстрой, робкой улыбкой. За королем и королевой следует Одетта, облаченная в более изысканную версию белого платья, которое было на ней раньше, а затем Арон, все еще в черном. Я ожидаю, что принц пройдет мимо, но он останавливается рядом со мной и протягивает мне свою единственную руку.

– Кузина.

Мои глаза расширяются от удивления, на что он ухмыляется.

Но я вспоминаю слова Люсьена.

«Ради Атратиса».

– Кузен, – я склоняю голову – самый незначительный жест, который может сойти мне с рук, – и легонько кладу ладонь на его руку. Мы вместе направляемся к высокому столу.

Глава четвертая

Банкет обещает быть долгим и утомительным. По одну сторону от меня сидит Арон, который, как только мы сели, игнорирует меня, либо ест, либо болтает с женщиной слева от него. По другую сторону от меня – мужчина средних лет, мордастый, представившийся как Патрус, защитник доминиона Бритиса. Как и большинство потомков Сигнуса I, он блондин, но его желтые округлые глаза и пушистые рыжеватые волосы на висках и лбу указывают на совиную кровь в роду. Патрус говорит мне, что, во-первых, он овдовел, а во-вторых, что он онемел от моей красоты, прежде чем начать бесконечно рассказывать о своем доминионе: сколько у него домов, сколько охотничьих домиков, сколько акров земли. Сколько благородных семей обязаны ему верностью. У меня возникает искушение спросить его, сколько людей в его доминионе умирает от голода ежегодно – бедность, которую я наблюдала во время путешествия по Бритису, все еще свежа в моей памяти, – если бы только он хоть на минуту помолчал и дал мне вставить хоть слово. По крайней мере, еда вкусная и обильная: передо мной появляется одно блюдо за другим, названий многих из них я даже не знаю. Но я в курсе, что прекрасные хрустальные бокалы на высоких ножках, из которых мы пьем, были сделаны в Атратисе. Гордясь своим доминионом, я выпиваю немного больше вина, чем обычно. Мои веки тяжелеют, и я радуюсь, когда последнее блюдо – запеченные на солнце сливы из Южного Олориса – наконец уносят и король с королевой встают из-за стола.

Арон поворачивается ко мне, прерывая затянувшиеся комплименты Патруса:

– Пойдемте, кухня.

Я с облегчением беру его за руку.

Из большого зала мы направляемся в длинную галерку. Даже здесь ранг и этикет все еще имеют значение. В галерке есть отделы, отмеченные разноцветными мраморными плитками на полу, бледно-розовыми – в нижнем конце комнаты, темно-фиолетовыми – в верхнем, и все охраняются слугами. К этим слугам обращаются дворяне более низкого ранга; иногда их допускают в соседнюю комнату, ближе к монархам, иногда нет. В дальнем конце комнаты, где высокие арочные двери выходят на террасу, квартет бескрылых музыкантов играет на лютнях. Их трудно услышать за шумом разговоров прогуливающейся толпы.

Арон ведет меня к маленькому диванчику возле одной из дверей.

– Давай посидим немного, кухня, ты выглядишь усталой. Тем более не думаю, что мы должны беспокоиться о том, что недостаточно пробыли на ногах.

Я смотрю на него, подозревая скрытую отсылку к моей способности летать или ее отсутствию, но его лицо ничего не выражает. Мы садимся, и он поворачивается ко мне:

– Пояс с мечом – хороший штрих. Это просто ювелирное изделие или к этой рукояти крепится настоящий клинок?

Его тон застает меня врасплох, и я отвечаю резче, чем намеревалась:

– Настоящий клинок. И я даже знаю, как им пользоваться.

– Уверен, что знаешь, хотя сомневаюсь, что он поможет тебе здесь. Что думаешь о Патрусе? Искрометный, не так ли? И, возможно, хорошо продвинулся в торгах.

– В торгах?

– За тебя, – он смеется, наверно, над потрясенным выражением моего лица. – Конечно, не совсем верно сформулировано. Мой отец дал понять, что, по его мнению, ты уже должна выйти замуж, и различные заинтересованные лица совершенно случайно оказались вынуждены предложить Его Величеству кое-какие земли, сокровища или то, что есть у тебя.

Рядом с нами маячит слуга.

– Так заботливо со стороны моего дяди беспокоиться о моем будущем.

- Весьма, - Арон вздрагивает и слегка меняет позу, как будто потеря руки все еще причиняет ему боль. - Конечно, ты можешь отказаться. В теории, - он вытягивает ноги перед собой, скрещивая лодыжки. - Подумай об этом с точки зрения моего отца. Он был убежден, что ты бескрыла, это случается даже в лучших семьях. А Атратис так хорошо обеспечен природными ресурсами и удобными гаванями. Желательно было бы отобрать у тебя доминион и непосредственно подчинить его короне. Но если это невозможно, почему бы не продать тебя другому защитнику в обмен на один или два ваших самых важных порта или шахты? - Арон ухмыляется. - Его логика, согласись, безупречна.

Одной рукой я крепко цепляюсь за спинку дивана.

- Так кому еще я могу быть продана?

- Ну... - Арон оглядывает комнату, загибая пальцы. - Из пяти владельцев доминионов ты встретила Патруса из Бритиса. Олорис унаследует Зигфрид Редвинг. Безмозглый красавец, по крайней мере, по словам моего отца, но даже если ты захочешь, все равно не сможешь его заполучить: он помолвлен с моей сестрой. Грейлингу Рену двадцать лет, и он унаследует Фениан, - он указывает на слегка сутулого молодого человека, стоящего рядом с музыкантами, - но это бедный доминион, а его отец - расточитель. Он наверняка не сможет позволить себе тебя. Ланкорфис унаследует Нисса, леди Свифтинг - женщина по другую сторону от меня за ужином. Нисса болтушка, хоть и забавная. Но даже если она тебе понравится, - продолжает Арон, - защитники должны жениться, чтобы иметь возможность производить на свет детей. Независимо от твоих личных наклонностей, - он бросает на меня вопросительный взгляд, который я игнорирую. - А еще есть Дакия, защитник Арден. Воображает себя военным гением и уже женат. И все же я не очень удивлюсь, если с его довольно непривлекательной женой произойдет несчастный случай после того, как он увидит тебя, - он замолкает, разглядывая мое лицо. - Сожалеешь, что не осталась дома, в Атратисе, кухня?

В моей груди растет чувство паники, когда принц смотрит на меня, склонив голову, как будто намерен заставить меня ответить.

- Могу я что-нибудь выпить? Здесь жарко.

Арон щелкает пальцами, подзывая ближайшего слугу.

- Тоник из морошки со льдом для Ее Светлости.

Через несколько минут слуга возвращается с серебряным кубком. Жидкость внутри холодная, ароматная и травянистая; приятное лекарство от снотворного действия вина. Мой кузен по-прежнему молчит.

- Мой отец желал, чтобы я приехала ко двору, - начинаю я. - И если дядя действительно считал меня бескрылой, то хорошо, что я доказала обратное.

Арон поджимает губы.

- Ты доказала, что ты не бескрылая. Но ты еще не доказала, что можешь летать. Я бы не стал считать лебедят до того, как они вылупятся, кухня. Ты все еще можешь лишиться наследства.

Я стискиваю зубы, подавляя желание отплатить принцу за его колкость пинком. Но не могу удержаться, чтобы не стереть ухмылку с его лица.

- И ты, конечно, все об этом знаешь. Скажи мне, кузен, твой отец думал о том, чтобы оспорить законы? Искал способы обойти их? Или он вычеркнул тебя из наследства, даже не подумав об этом?

На мгновение щеки Арона вспыхивают, и он прищуривает свои зеленые глаза. Но его хмурый взгляд растворяется в смехе.

- Хорошая попытка, защитница. Но я потерял руку два года назад. Осталось не так много оскорблений, которых я еще не слышал. Конечно, если ты не придумаешь какой-нибудь новый способ поиздеваться надо мной... - Он слегка пожимает плечами. - Старейшины говорят, закон - это закон.

- Мне тоже так говорили, Ваше Высочество, - я вздыхаю; в голосе Арона слышится лишь легкая горечь, достаточная, чтобы мне стало стыдно. - Ты нашел какое-нибудь другое занятие, которое тебе нравится, помимо полета? Я начала ездить верхом после смерти матери. Мне потребовалось много времени, чтобы научить лошадь нести меня, но это того стоило. У меня... - громадный зевок съедает конец моего предложения. - Прости, я уже несколько ночей не спала в нормальной постели.

- Ты говорила, что у тебя в конюшне есть лошадь по имени Хенга, - Арон слегка улыбается. - В Серебряной Цитадели нет секретов, Адерин. И да, я тоже езжу верхом. Мы поедем вместе, как только у тебя будет возможность обжиться. Но сейчас, - Арон смотрит за мое плечо, и его губы кривятся в подобии усмешки, - Руквуд пытается привлечь твое внимание. Я надеюсь, что твой выбор лошади удачнее выбора советника, - он встает и склоняет голову, не сводя с меня глаз, прежде чем выйти через дверь на террасу.

Один из слуг кланяется мне.

- Лорд Руквуд желает поговорить с Вашей Светлостью.

От этой просьбы мне хочется рассмеяться, но я киваю, стараясь выглядеть достойно, и жду, пока слуга проводит Люсьена до дивана и снова уйдет.

- Добрый вечер, милорд. Вам понравился банкет?

Мой советник садится, не дожидаясь приглашения.

- Почему вы не послали за мной? Вы прекрасно знаете, что я не могу войти в эту часть галерки без вашего или чьего-либо еще разрешения.

- Откуда мне было знать, если вы мне об этом не сказали?

Люсьен фыркает и скрещивает руки на груди.

- Вы выглядите изможденной.

Я приподнимаю бровь, глядя на залегшие тени под его глазами.

- Я уверена, что не одна так выгляжу. Нам можно уйти?

К моему облегчению, он кивает. Как только я желаю спокойной ночи дяде - он погружен в разговор и неясно машет мне в ответ рукой, - я наконец-то могу идти.

Люсьен провожает меня. В коридорах через равные промежутки стоят темные стражники, а слуги ходят взад и вперед между комнатами, поэтому я жду, пока мы не окажемся в моих апартаментах, чтобы рассказать ему, что мне говорил Арон. Он опровергает мои страхи.

- Ему нравится заставлять людей извиваться, но также он не говорит ничего такого, чего бы мы уже не знали, - краем глаза он смотрит на меня. - Мы с отцом говорили с вами о рисках, которым вы подвергаетесь здесь, Ваша Светлость. Арон использует свой язык как оружие, но у него больше нет никакой реальной силы. И он совсем не похож на своего отца.

- Похоже, ему практически никто не нравится, - я смотрю на Люсьена, чтобы увидеть эффект моих слов. - Ты ему определенно не нравишься.

Мой служащий пожимает плечами:

- Нет ни одной весомой причины, по которой я мог бы ему нравиться. Хотя, честно говоря, мне его жаль, - Люсьен хмурится, его взгляд явно прикован к какой-то сцене, разыгрывающейся у него в голове, и мне интересно, что именно он вспоминает. - Постарайтесь быть с ним любезной, если сможете. Цель, ради которой был воспитан Арон, отнята у него. А бескрылый дворянин - это... - он замолкает, краснея.

Бескрылый дворянин - предмет насмешек. Причина для стыда. Я знаю, что именно это он собирался сказать.

Под тяжестью моего взгляда Люсьен пытается исправиться.

- Как бескрылый, Арон в опасности. Он выживает; его терпят потому, что он все еще принц. Но он уже никому не интересен. Ему нелегко видеть тебя здесь.

Он отпирает дверь, чтобы выйти.

- Он хочет, чтобы я прокатилась с ним верхом. В этом нет ничего плохого, не так ли?

На лице Люсьена мелькает раздражение.

- Конечно, нет. И вам не нужно искать моего одобрения на такие вещи: пока ваши досуговые занятия не занимают все ваше время, вы можете делать все, что пожелаете.

Он говорит со мной так, словно я ребенок.

- Я не идиотка, милорд. Знаете ли вы, сколько центнеров древесины Атратис экспортирует в другие доминионы каждый год? Или стоимость оборудования, которое мы импортируем из Риски для поддержки нашей металлургической промышленности? Потому что я знаю.

- Я рад это слышать. Но уже поздно обсуждать добычу полезных ископаемых. Вам надо поспать.

Я стискиваю зубы.

- Вам тоже, лорд Руквуд. Отправьте Летию ко мне, - я захопываю перед ним дверь. Эффект от удара немного портится тем, что мой шлейф застревает в проеме, и тем, что мне приходится снова открыть дверь, чтобы освободить его. Но это не важно, потому что Люсьен уже ушел.

Скоро я оказываюсь в постели. На удобном мягком матрасе, пахнущем лавандой постельным бельем, - но я отдала бы почти все, чтобы вернуться в Мерл прямо сейчас. Оставшись одна, я прокручиваю в голове слова Арона. Его комментарии о том, что мне нужно летать, и о желании короля заполучить Атратис... Что бы там ни говорил Люсьен, принц вряд ли мог выбрать лучший способ напугать меня.

Диптих, который дал мне Ланселин, лежит на столике рядом с кроватью. Я кручу его в руках, и моя тревога о будущем поглощается волной тоски по прошлому: по моим родителям и моему дому.

Но мой дом не поможет мне сейчас. Я крепче сжимаю раму, заставляя себя вспомнить не счастливый кокон моего раннего детства, а сломанное тело моей матери, лежащее там, где она упала, на дамбе Мерла. Крики горя и ярости моего отца, когда он нашел нас там. Чтобы вспомнить, зачем я здесь.

Гнев вытесняет мою тоску. Я уверена, что ответы, которые я ищу, находятся здесь, в Цитадели, в бьющемся сердце королевства. Я не уйду, пока не найду их.

В течение следующих нескольких дней я начинаю задаваться вопросом, почему Люсьен упомянул о досуге, так как график, который он мне составил, совсем не оставляет мне времени для себя. Каждый день забит бесконечными совещаниями: с надзирателями, контролерами, губернаторами, лордами и леди того, другого и третьего. Я улыбаюсь и стараюсь быть обаятельной, обещать много - в плане торговли и так далее - в то время как на самом деле соглашаюсь на очень малое. Некоторые люди знали моего отца, или мать, или их обоих, поэтому я стараюсь вести разговоры так, чтобы выяснить, кто из них был другом моей матери, а кто - врагом. Но Люсьен безжалостно кладет этому конец.

- Ее Светлости трудно говорить о родителях, учитывая ее недавнюю потерю - вы, конечно, понимаете, - и поэтому мои посетители кивают и переходят к менее личным темам.

Каждый вечер я провожу почти так же, как и вечер до этого: три часа мне приходится беседовать с теми же людьми, с которыми я беседовала накануне вечером, стараясь не

обращать внимания на фальшивые комплименты и намеки от мужчин, соперничающих за право стать моим мужем. Люсьен, кажется, наслаждается своими вечерами куда больше. Когда я замечаю его, сидящего за одним из нижних столов, мне всегда кажется, что он улыбается или весело болтает с кем-то, а после обеда он часто проводит время с леди Ниссой, наследницей владений Ланкорфиса. Ей он тоже улыбается.

Каждую ночь, после того, как Летия считает, что я забралась в постель, я снова встаю и пытаюсь перевоплотиться.

Я не могу перестать беспокоиться о том, что сказал Арон: я доказала, что не бескрылая, но не доказала, что могу летать. Какая-то часть меня начинает надеяться, что с течением дней мне не придется это подтверждать. Но все равно я боюсь. Поэтому каждую ночь я снимаю ночную рубашку и стараюсь расслабиться настолько, чтобы изменить свою форму. И каждую ночь я терплю неудачу. Я просто вспоминаю тот день, когда умерла моя мать: жуткую боль в крыльях, когда мы пытались сбежать, а затем удар когтей по позвоночнику. Я никогда этого не забуду.

Прошло две недели, как мы прибыли в Цитадель, и я чувствую себя совершенно выдохнувшейся. Но наконец подворачивается удобный случай: День красных угольков, время воздержания от алкоголя и долгих размышлений. День, в который нельзя вести никакие дела. Выходной день. Несмотря на усталость, я заставляю себя встать пораньше, сверяюсь с набросками замка, которые сделал для меня Люсьен, и иду в библиотеку.

В моей руке зажат листок бумаги, который я нашла среди вещей отца после его смерти. На нем почти ничего нет, только имя и адрес, написанный отцовским почерком: «*Дикс (?) Флейфезер, Кроуснест-корт, рядом с Лонгшип-стрит, Нижний Фарн*». Мне не удалось найти никаких упоминаний о семье Флейфезеров в библиотеке, но я надеюсь узнать что-то большее здесь, в столице королевства, в замке, где вырос мой отец. Бумага лежала среди писем, которые он написал, когда еще искал информацию об убийстве моей матери, еще до того, как прекратил поиски. Может быть, это знак, что это важно.

В библиотеке никого нет. Или почти никого: я могу различить в тишине царапанье пера по бумаге, доносящееся из какого-то укромного уголка, но звук слишком отдаленный, чтобы беспокоиться, и я немедленно приступаю к поиску книги по каталогу. Я читала, что некоторые библиотеки за пределами Соланума упорядочивают свое содержимое по темам. Но здесь, в королевстве, главное – это семейство. История, наука, открытие – каждое событие связано с вовлеченными в него людьми. Когда я добираюсь до каталогов, прикованных цепями к полкам, то вижу пять толстых томов на букву «Ф». Я перетаскиваю нужный том на ближайший стол и начинаю просматривать страницы. Списки имен написаны от руки мелкими буквами, но в конце концов я нахожу то, что ищу: «*ФЛЕЙФЕЗЕР: малая ветвь дома Аксипта Олорис. См. АКСИПТА: Война Хищников; АКСИПТА: наемники...*»

Статья продолжается, но я не утруждаю себя чтением остального. Мне это не нужно. Члены Дома Аксипта умели обращаться в ястребов.

В Ястребов. Знать после всех этих лет, что я не ошиблась в определении нападавших, что я не виновата в том, что мой отец не смог их найти... Я смотрю на листок бумаги, смагивая набежавшие на глаза слезы. У меня трясутся руки. Неужели я вижу имя одного из убийц моей матери?

– Могу я вам помочь, миледи?

Я резко оборачиваюсь, быстро комкая листок бумаги в кулаке. Скромно одетая женщина с книгой в одной руке и ручкой в другой пристально смотрит на меня.

– Могу ли я вам помочь? – повторяет она. – Я летописец.

Теперь я вижу, что у нее такие же испачканные чернилами кончики пальцев, как у нашего летописца в Мерле, но розовато-серые волосы этой женщины указывают на то, что она принадлежит к семейству голубей.

– Я ищу последние семейные хроники. За последние двадцать лет или около того.

- Конечно, - она кланяется и ведет меня к большим книжным шкафам в дальнем углу комнаты. - У нас есть современные хроники всех главенствующих семей. Все ветви Сигнуса, естественно, Ардриэда, Корвус...

- А что насчет Аксипты?

В тишине, которая следует за моим вопросом, я слышу, как ветер свистит вокруг замка. Я вспоминаю свист крыльев ястребов и вздрагиваю.

- За последние двадцать лет? Думаю, что нет, миледи. Этот дом был разрушен во время Войны Хищников. Их хроники закончились более двухсот лет назад.

- Но наверняка остались дети...

- Нет, - она указывает на раздел полок. - Все наши записи о войнах, включая свидетельства очевидцев, находятся здесь. Аксипта, Аквила и все родственные им семьи были полностью уничтожены. Все остальное, что вы слышали, - просто непристойные слухи, - ее тон говорит о личном оскорблении. - Исторические книги не лгут, миледи.

Я хочу отметить, что, конечно, это зависит от того, кто их пишет. Но взгляд женщины падает на кольцо защитницы на моей левой руке, и ее глаза расширяются от осознания того, кто я. Поэтому я склоняю голову в знак благодарности и убегаю, стремясь избежать вопросов.

Я подумываю вернуться в свои покои, а после отправиться в город, чтобы попытаться найти адрес на бумаге. Может быть, найти и этого Флейфезера. Мне было бы удобнее носить на поясе мамин кинжал, но либо Летия, либо Люсьен, либо они вместе могут ждать меня в моей комнате. Люсьен, несомненно, выведает у меня причины, по которым я покидаю Цитадель, или попытается запретить мне. Летия, наверное, захочет пойти со мной. Но рисковать самой - это одно; я не собираюсь подвергать свою подругу опасности. Вместо этого я в одиночестве направляюсь к главному входу в замок, но не успеваю далеко уйти, как кто-то зовет меня по имени.

- Адерин! Кузина...

Это Одетта. Она торопливо спускается по ступенькам, одетая, как обычно, в белое. Шелковая юбка развеивается у нее за спиной. Но прежде чем подойти ко мне, она резко останавливается, внезапно смутившись.

- Я просто хотела узнать, кузина, не направляешься ли ты в храм? - Она указывает на мой плащ. - Я собиралась пойти с Ароном, но он ушел... он сегодня не в настроении. - Она смотрит на меня с некоторым беспокойством.

- Хм... я не собиралась в храм, пока нет. Но я пойду с тобой позже, если хочешь.

- Да, благодарю. - Она шагает рядом со мной. - Куда ты направляешься?

- Решила прогуляться. По городу.

- По городу? - Ее голос повышается от удивления. - Но почему?

- Ну... мой отец вырос здесь. Он рассказывал мне о местах, в которых часто бывал, я решила попытаться найти их. - Полная чуждость, но Одетта, похоже, верит. - Ты не знаешь, где находится Лонгшип-стрит? Это в Нижнем Фарне...

Моя кузина сразу качает головой.

- Нет. Я не была ни в одной части этого города, - она смотрит на меня и слегка краснеет (хотя я стараюсь скрыть свое удивление). - Видишь ли, я не должна была стать королевой. Знать о королевстве, бескрылых и подобное... никогда не казалось мне чем-то важным. Я не такая, как Арон; я ненавижу политику и изучение бумаг, а еще необходимость принимать решения, - понизив голос, она наклоняется ко мне: - Я знаю, что в королевстве что-то не так. Но я не знаю, как это исправить. А вот мой муж будет знать. Я надеюсь, - ее румянец становится еще ярче. - Ты слышала, что я выхожу замуж, кузина? За лорда Зигфрида, - она вдруг усмехается. - Я еще не знаю, много ли у нас с ним общего, но я буду счастлива, просто разглядывая его. Он удивительно красив.

- Правда? Я счастлива за тебя. - Я не знаю, что еще сказать. Мы расстаемся в главном зале, и я спускаюсь по лестнице во внутренние двory тыльной стороны замка, к конюшням и складам. Оттуда я совершаю свой побег в город.

Широкие мощеные дороги Верхнего Фарна оказались достаточно приятны, вдоль них стоят крепкие каменные особняки дворян более низкого ранга и дома богатых торговцев. Здесь есть сады и деревья, и я прохожусь по нескольким оживленным торговым улицам. И все же не могу как следует насладиться свободой подальше от Цитадели. Здесь тоже есть темные стражники, стоящие на углах или патрулирующие аркадные аллеи. Никто из них, кажется, не обращает на меня никакого внимания, но я все же набрасываю на голову капюшон и спешу вперед, а затем вниз.

Постепенно город вокруг меняется. Дороги превращаются в узкие переулки, через многие из них прямо по центру тянутся зловонные и жужжащие от мух канавы. Здания здесь построены из дерева, а не из камня, и сколочены вместе до такой высоты, что закрывают над головой большую часть неба. Я больше не вижу Цитадели и начинаю терять чувство ориентации. Здесь совсем нет охраны, вместо стражи дорожки кишат людьми. Плохо одетыми, плохо обутыми и, судя по всему, голодающими. Мне приходится просить помощи, чтобы найти дорогу. Те, к кому я подхожу, отвечают достаточно любезно, но смотрят на меня так, словно не понимают, кто я и что происходит. Я перехожу на быстрый шаг. Назойливое ощущение, что за мной наблюдают, никак не покидает.

В конце концов я добираюсь до того места, которое, по словам одного мальчика, называется Лонгшип-стрит; названия улицы я нигде не вижу, но, судя по вывеске, трактир на углу улицы именуется «Лонг Шип». Я прохожу мимо нескольких грязных лавок, где на шатких столах выставлены товары: не самая свежая рыба, сальные свечи, ассортимент заложенных вещей. Остальная часть улицы, извивающаяся и спускающаяся к берегу фьорда, кажется, состоит из плохо ухоженных многоквартирных домов, возведенных вокруг крошечных, сырых дворов. Повсюду лежат кучи мусора.

Пожилая женщина сидит неподалеку, на ступеньках одного из домов, и смотрит на меня.

- Не могли бы вы показать мне, где находится Кроуснест-корт?

Она не отвечает. Но поблизости больше никого нет. Я проверяю свои карманы, жалея, что не додумалась взять с собой чуть больше денег, - и показываю ей серебряные полсоверена.

- Я говорю...

- Я слышала. Я могу, - она переводит взгляд на монету в моей руке. - Да, могу.

Как только я кладу монету ей в руку, стараясь не дотрагиваться до нее, она встает, подзывает меня и идет дальше по улице.

Я иду следом.

Женщина ведет меня в лабиринт еще более узких переулков, по ширине не больше проходов между многоквартирными домами. Должно быть, уже почти полдень, но здесь, внизу, настали сумерки. По крайней мере, постоянный мрак не позволяет мне увидеть, во что я ввязываюсь. Еще несколько минут, и она останавливается в тупике, указывая на покрытое сажей здание, возвышающееся над нами с трех сторон.

- Кроуснест, - она смотрит на меня с усмешкой. - Какая же ты хорошенькая. Что ты здесь потеряла?

- Я ищу человека по имени Дикс Флейфезер. Кажется, он живет здесь. Или жил раньше.

- Кого-то ищешь, говоришь? - Она кричит что-то в сторону здания, и я не улавливаю слов, но через мгновение в одном из дверных проемов появляется рыжеволосый коренастый мужчина, за которым сразу появляется молодой человек под руку с женщиной. Они оба выглядят голодными, у женщины под глазом красуется синяк. Мой проводник подзывает их ближе. - Эта прекрасная леди ищет человека по имени

Флейфезер.

Мое сердце начинает бешено колотиться, как только они окружают меня. Я не знаю, почему боюсь их, ведь если я прикоснусь к ним, то обожгу, но все же нервы в животе скручиваются в комок.

- Я могу заплатить вам, - я вытаскиваю еще одну монету. - Я просто хочу поговорить с ним.

Старик протягивает руку за монетой, оглядывая меня с головы до ног.

- Я слышал, здесь жил человек с таким именем, лет пять назад, а может, и больше. Парень из Олориса. Но однажды он уехал в Фарн, - он мотает головой в сторону верхнего города, - и больше не вернулся.

У меня перехватывает дыхание: снова Олорис. И, возможно, примерно в то же время, когда умерла моя мать.

Мужчина подходит ближе, а в его глазах читается жадность.

- Может быть, я прямо сейчас и скажу тебе, с кем он там собирался встретиться. Возможно, даже поведаю, что с ним случилось.

Я проверяю карманы: пусто, если не считать ключа.

- У меня больше нет денег. Но если вы расскажете мне все, что знаете, я пришлю сюда слугу с вознаграждением.

- А как насчет твоего кольца? - Он показывает на золотое кольцо защитницы.

Я отрицательно качаю головой. Я сомневаюсь, что этот человек в самом деле владеет информацией, которую он мне пытается продать, но даже если бы он ее предоставил, я бы никогда не отдала ему кольцо моей матери.

- Оплата будет позже, или ее вообще не будет, - я выпрямляюсь, стараясь выглядеть храбрее, чем чувствую себя на самом деле, и в этот момент кто-то дергает меня за юбку. Пожилая женщина держит в руках кусок ткани.

- Прекрасный шелк - стоит много серебра. Мы могли бы взять его в обмен.

Я вырываю у нее из рук свою юбку.

- Спасибо за помощь. Но мне нужно идти.

Мужчина смеется:

- Идти? Думаешь, найдешь дорогу обратно?

Он прав - я понятия не имею, как выбраться из этих переулков, не говоря уже о том, как вернуться в главную часть города. Когда я оборачиваюсь, надеясь хоть мельком увидеть Цитадель, то понимаю, что у входа во двор собралась целая толпа.

Я в ловушке.

- Предупреждаю вас... - Я поднимаю руки вверх. - Я благородных кровей. Не хочу причинять вам боль...

Пожилая женщина хихикает.

- Благородных кровей, говоришь? Такое красивое лицо, и такая ложь. Кто-нибудь слышал о пешем дворянине в Нижнем Фарне? - Ее улыбка исчезает. - Кто слышал о знатном лице, заботящемся о том, больно ли нам? Мы здесь гнием и умираем, а они ничего не делают. И если ты не отдашь мне это кольцо, то тоже умрешь здесь...

Она хватается за пальцы и визжит от боли, как только дотрагивается до моей кожи.

Остальные люди - вокруг нас собралась целая толпа - теперь отступают, но не

разбегаются. Рыжеволосый мужчина достает из-под одежды нож, а затем молоток и передает его своему младшему товарищу. Но женщина, держащая его за руку, пытается оттащить его.

- Отпусти ее, Мосс, пожалуйста...

- Стой на месте, Мосс! - кричит старик. - Если мы ее отпустим, она натравит на нас стражников.

- Я не буду, обещаю... - Я широко раскидываю руки, проклиная свою неспособность перевоплотиться, в надежде, что смогу захватить одного из них в качестве заложника. С верой, что смогу сделать хоть что-то, чтобы защитить себя, прежде чем Мосс раздробит мои кости молотком.

Внезапно у входа во двор раздаются крики. Я оборачиваюсь на шум и вижу пожилого мужчину с полным ненависти лицом и готовым к удару ножом...

Глава пятая

Резкий взмах клинка словно из ниоткуда возникнувшего вращающегося топора рассекает воздух. Лезвие вонзается в спину мужчины; он роняет нож, слабо стонет и падает к моим ногам. Тишина, возникшая на мгновение, нарушается криками, и в этот момент два темных стражника начинают пробиваться сквозь толпу, пока бескрылые обитатели Кроуснест-корта топчут друг друга в панике, пытаясь бежать.

- Ваша Светлость, сюда, - третий стражник в ожидании стоит передо мной.

- Но... - Я беспомощно машу рукой в сторону царившего вокруг меня хаоса.

- Ваша Светлость... прошу, скорее сюда.

Я следую за ним. У входа во двор нам приходится перешагнуть через чье-то тело. Это тот самый молодой человек, которого другие звали Мосс, он все еще сжимает в руке молоток.

Всего минута пробежки, и мы снова на Лонгшип-стрит - улица кажется широкой и наполненной светом, по сравнению с лабиринтом переулков позади, - Арон ждет меня, сидя верхом на высоком гнедом коне, вокруг него собралось еще больше темных стражей.

- Я не смогу помочь тебе забраться на лошадь, - он держит в одной руке поводья. - Тебе придется поставить ногу в стремя.

Я неуклюже забираюсь в седло, стараясь не касаться лошади голыми руками. Устроившись позади него, я кладу руки на талию Арона, когда он разворачивает коня и пускает его рысью обратно по улице.

Я в безопасности.

От волны тошноты и усталости кружится голова; и я крепче прижимаюсь к кузену, закрывая глаза.

- Можешь спуститься.

Я оглядываюсь по сторонам. Мы вернулись в конюшню за Цитаделью. Арон останавливает лошадь рядом с балкой, и я прыгаю вниз. Даже умудряюсь не споткнуться, несмотря на трясущиеся ноги.

Арон спрыгивает с лошади и передает поводья конюху.

- Пойдем, - говорит он мне. - На сегодня ты обеспечила мне достаточно развлечений, - он показывает на окна замка; наверное, оттуда за нами наблюдают другие дворяне, и от стыда мне становится дурно. - Иди и поешь чего-нибудь.

Я опускаю глаза и следую за ним внутрь здания.

Арон ведет меня в ту часть замка, где я до этого еще не бывала, кажется, в одну из верхних башен. По обе стороны двери стоят темные стражники, но Арон стучит, и слуга быстро впускает его в выложенный плиткой вестибюль. Впереди еще одна лестница, ведущая в башню, и я оказываюсь в круглой гостиной, окольцованной высокими застекленными дверями, сплошь покрытой позолоченным серебром и тонкими белыми кружевами.

Одетта там. Она тотчас же вскакивает, когда мы входим.

- Дорогая кузина, о чем ты только думала? Подойди и сядь. - Она подводит меня к дивану и сует мне в руки чашку теплого шоколада. Я вся дрожу, но сладкий напиток немного успокаивает меня.

- Мне очень жаль. Я не хотела доставлять столько хлопот, - у меня в горле стоит ком, и я смахиваю слезу. - А эти бедняги...

- Ты имеешь в виду тех, кто буквально собирался убить тебя? - Голос Арона звучит сухо.

- По-моему, только один из них действительно хотел меня убить. - Я содрогаюсь, вспоминая ненависть на лице рыжего человека. - Если бы стражники могли просто отпугнуть остальных...

Я недоверчиво качаю головой.

- Разве ты не ждала того, чтобы тебя спасли? Если хочешь, я могу отвезти тебя обратно... - Он смеется над моим молчанием. - Не волнуйся, кузина. В кои-то веки мне понравилось быть полезным. Сегодня годовщина моего отстранения от престола, и твоя маленькая выходка послужила тем, что мне нужно. Кроме того, они были бескрылыми и угрожали тебе. Они нарушили закон. Я попросил охранников не предпринимать никаких действий после того, как толпа рассосется - нет смысла подливать масло в огонь сплетен, - но по закону каждый из них должен быть повешен.

Он констатирует факт. По его голосу нельзя сказать, считает ли он такой исход желательным.

- Арон, не надо. - Одетта наливает мне еще шоколада и передает тарелку с печеньем. - Мне повезло, что я сказала Арону, куда ты ушла. Хотя я полагаю, темные стражники доложили бы о случившемся. Рано или поздно.

Я чуть не подавилась шоколадом.

- Они следили за мной? Тогда почему они не вмешались?

- О, они не станут этого делать без прямого приказа короля. Или приказа Арона, ему они тоже подчиняются, - она одаривает брата улыбкой. - Но, в самом деле, кузина, что ты делала в таком месте?

Я перевожу взгляд с Одетты на Арона. Я бы хотела сказать им правду. Они оба выросли здесь, как и мой отец, и могли бы помочь.

Но я не могу игнорировать предупреждение Люсьена. Никому не доверять.

- Я искала место, о котором рассказывал мой отец. Он любил бывать там во времена, когда был принцем. Но я заблудилась.

- Твой отец упоминал Лонгшип-стрит? - Арон хмуро смотрит на меня. - Что могло привести его туда?

Я быстро соображаю.

- Он говорил о театре. Хотя, возможно, я неправильно запомнила название улицы.

Мой кузен пожимает плечами:

- Должно быть, так оно и есть. В Верхнем Фарне есть пара театров, которые, как я полагаю, мог бы посетить твой отец. Хотя не могу представить, чтобы наш отец ходил туда с ним... - Он делает паузу, размышляя. - Ты можешь спросить лорда Хоукина. Он прожил здесь всю свою жизнь. И любит поговорить.

Я ставлю чашку на маленький серебряный столик рядом с диваном и замечаю грязь на своей юбке.

- Мне надо переодеться. Я благодарна вам обоим.

Одетта отвечает мне улыбкой.

- Я рада, что Арон нашел тебя. А еще я заметила, что ты уже ходишь без трости.

Возможно, я слишком рано отказалась от своего реквизита.

- Моя лодыжка заметно окрепла.

- Так ты полетишь со мной? Я знаю, ты говорила, что тебе это не нравится, но что, если

мы будем вместе?

Неужели ловушка? Но Одетта выглядит взволнованной больше, чем кто-либо другой, и я задаюсь вопросом: не одинока ли она, даже несмотря на то, что рядом с ней брат?

- Моя спина, - я прикасаюсь к голой коже на своих плечах. - Видишь ли, все дело в шрамах. По идее, я могу превращаться, конечно. Но это больно. Поэтому я предпочитаю этого не делать.

- О, понимаю. - Волнение Одетты сменяется сочувствием. Арон в кресле подается вперед, как будто ему действительно интересно то, что я только что сказала; его обычная манера поведения - это тоска или презрительное осуждение, либо и то, и другое.

- Очень жаль, сестра. Вместо этого ей придется ехать со мной верхом. Конечно, если Руквуд ей позволит.

Люсьен. Невозможно, чтобы он не знал о моей выходке. Я прощаюсь со своими кузенами, гадая, насколько сильно он рассержен...

Что неудивительно, он и в самом деле оказывается очень зол.

- Я действительно не могу этого понять, Ваша Светлость. Мы не в Атратисе. Это не замок Мерл. Мы здесь всего две недели. Две недели! Не могу поверить, что вы подвергли себя такой опасности. - Люсьен ждал моего возвращения из комнаты Одетты. Теперь он ходит взад и вперед по гостиной, окидывая меня негодующим взглядом. На замену словам приходят взгляды; я бесстыдно отказываюсь отпускать Летию - я прекрасно знаю, что Люсьен не скажет при ней всего, что он действительно хочет сказать, так что мой советник должен держать рот на замке. И по нему заметно, как он борется со своим желанием. - И вы говорите, что просто пошли прогуляться и заблудились?

Он мне не верит. Но я придерживаюсь своей истории.

- Именно. Возможно, милорд, если бы вы позволили мне хоть на минуту расслабиться за последние две недели, я не впала бы в такую крайность, - я поднимаю подбородок и смотрю ему прямо в глаза.

- Что ж, - хмурится он, - возможно, Ваша Светлость, вам следовало рассказать мне о своих проблемах, прежде чем улизнуть из замка.

- Или, может быть, - замечает Летия, - вам стоило больше думать о комфорте моей госпожи, прежде чем забивать все ее время встречами.

Люсьен краснеет. И хотя до него ясно дошли слова Летии, кажется, он все же решил не признавать их. Взгляд Люсьена устремлен только на меня.

- Вас могли убить. Что стало бы с Атратисом? Неужели вы так легко предадите наследие своей матери? А как насчет бескрылых, которые умерли сегодня днем, и все потому, что вы захотели прогуляться?

Его слова и сверкающее в глазах разочарование остро жалют меня. Не знаю, на кого я злюсь больше: на себя или на него.

- Вы забываетесь, лорд Руквуд. Нравится вам это или нет, но я - защитница Атратиса.

Он приоткрывает рот, и я почти вижу, как рождается его очередной ответ: «Тогда, возможно, Ваша Светлость, вам пора начать вести себя подобающе». Но слова остаются невысказанными. Он кланяется и выходит из комнаты.

Мы с Летией ненадолго умолкаем. Затем она говорит:

- Знаешь, он прав. Ты хочешь узнать, почему убили твою мать. Это, конечно, хорошо. Но теперь ты защитница. Разве твоя мама не сказала бы, что это важнее?

Она бы так и сделала. Но я не могу быть защитницей - у меня не получится думать о

будущем Атратиса, – пока не отпущу свое прошлое. А для этого я должна знать правду об убийстве моей матери.

Правду, а может, и нечто большее.

Когда я снова ухожу в свои мысли и вновь вижу перед собой умирающего рыжеволосого мужчину, Летия вздыхает и дергает меня за подол платья.

– По-моему, оно непоправимо испорчено, – никто из нас не говорит о пятнах крови.

Гнев Люсьена не утихает. В течение следующих нескольких дней он разговаривает со мной как можно меньше, хотя, кажется, получает злобное наслаждение, докладывая мне о слухах, которые теперь обо мне ходят: или я отправилась в Нижний Фарн, чтобы поднять бескрылое население на восстание, или же я пошла туда, потому что сама являюсь бескрылой («сожжение» мною слуги в день прибытия, по-видимому, было частью заранее задуманного заговора). Я замечаю кучу косых взглядов и шепотков и убеждаюсь, что мой клерк не просто пытается напугать меня. Я все еще занята делами; когда я прошу Люсьена организовать мне встречу с лордом Хоукином, он говорит, что мое расписание заполнено на три недели вперед и что Хоукин в любом случае отсутствует при дворе весь последний месяц или даже больше. Тем не менее мои враждебные чувства к Люсьену смягчаются, когда я обнаруживаю, что он перенес мои встречи так, чтобы я могла проводить вторую половину дня в одиночестве, однако он не дает мне возможности поблагодарить его.

В свободное время я снова езжу верхом с Летией или с Ароном. Несмотря на то что кузен пришел мне на помощь, он все еще полон решимости мучить меня. Арон рассказывает мне о своем детстве и о сельской местности вокруг Цитадели, но столько же часов он проводит, описывая успехи людей, претендующих на роль моего мужа или размышляя о том, найдет ли его отец какой-нибудь другой способ заполучить Атратис. И все же, когда он приглашает меня покататься, я соглашаюсь. Отчасти из жалости, я полагаю. Но также и потому, что из всех придворных он в некотором смысле больше всех похож на меня, хотя я скрываю свои раны, а он их утаить не может. Единственное, что мы никогда не обсуждаем, – это полеты.

Оставшись в одиночестве, я пытаюсь решить, что мне делать дальше. Летии так и не удалось выяснить, когда лорд Хоукин должен вернуться, а другого очевидного направления расследования у меня нет. Я обдумываю и неохотно отбрасываю идею попросить лорда Ланселина официально написать своему коллеге в Олорис, чтобы получить информацию. Я все еще прокручиваю эту проблему в голове по дороге в большой зал в один из вечеров. С тех пор как Арон спас меня, прошло чуть больше недели. В честь прибытия нового посла из Риски королева пригласила знаменитую труппу артистов балета из Фрайанландии посетить двор и дать представление, и мы все собрались, чтобы посмотреть. На этот раз рассаживали не по рангу; по просьбе королевы это собрание являлось неофициальным, и я не могу не задаться вопросом, какие еще изменения она могла бы внести в жизнь королевского двора, если бы ей позволили. Стулья, столы и диваны были расставлены по комнате. Королева сидела с Одеттой и послом, маленькой женщиной с темно-фиолетовыми волосами и фиолетовым оттенком кожи. Я оказалась в небольшой группе, с леди Ниссой по одну сторону от меня и придворным, которого я раньше не встречала, по другую. Это пожилой мужчина, его редкие седые локоны больше напоминают перья, чем волосы. Я понятия не имею, где Люсьен. Первую половину балета мы смотрим молча. Но в промежутке, когда Нисса отходит подкрепиться, мужчина поворачивается ко мне:

– Простите мою самонадеянность, но вы случайно не защитница Атратиса?

– Да... – Я жду, гадая, будут ли меня допрашивать о моем визите в Нижний Фарн.

– Я полагал, что не мог ошибиться. Сначала пытался взглянуть на печать у вас на кольце, но зрение уже не то, что раньше. Однако вы так похожи на свою мать в ее юном возрасте. Вот почему я занял это место. «Хоукин, – сказал я себе, – это, должно быть, дочь леди Диандры». Я, конечно же, слышал, что вы приехали ко двору...

Я слегка поворачиваюсь на стуле, с трудом веря в свою удачу.

- Вы лорд Хоукин? Я надеялась встретиться с вами. Думаю, вы знали моего отца.

- Да, я знал. Хотя и не очень хорошо. Ваш отец был принцем, к тому же на двадцать лет моложе меня.

- Конечно, - разочарование гасит мое возбуждение. Из слов Арона я заключила, что Хоукин и мой отец дружили и были сверстниками. По другую сторону от меня леди Нисса возвращается на свое место.

- А вы знали мою мать?

- Да, до того, как она вышла замуж. Она провела при дворе три года, прежде чем достигла совершеннолетия, как и все дворяне, - он нервно моргает и откашливается. - Я имею в виду, почти все.

- Значит, вы были...

- Ваша Светлость, - перебивает леди Нисса, - не желаете ли попробовать один из этих превосходных маленьких бисквитов? - Она протягивает мне тарелку с украшенными конфетами.

- Очень мило с вашей стороны, но нет, благодарю вас, - я снова поворачиваюсь к Хоукину: - Вы были здесь, когда познакомились мои родители?

- Да, безусловно, - продолжает он. - Принц Ротбарт и Диандра из Атратиса. Они были очень яркой парой. Хотя, конечно, им пришлось уехать, когда они решили пожениться. Тогда-то они и сбежали в ее доминион.

- Почему?

- Ну, Его Величеству это не понравилось. Совсем не понравилось. Он отказывался дать согласие, но это было очевидно, потому что...

- О, смотрите, танцоры возвращаются! - Леди Нисса наклоняется вперед, обращаясь к нам. - Представление было замечательным, не правда ли? Я и понятия не имела, что бескрылые могут быть настолько грациозными.

Оркестр настраивает инструменты. Но неизвестно, когда выдастся другая возможность, поэтому я игнорирую леди Ниссу и наклоняюсь ближе к лорду Хоукину.

- Но это было очевидно из-за чего?

- Ну, мало кто помнит об этом... немногие жили здесь так долго, как я... - он гордо смотрит на меня, - но король сделал предложение твоей матери. Я имею в виду до того, как он женился на Розе Дакийской, которая стала его первой женой. Твоя мать видеть его не хотела. А потом она сбежала с твоим отцом, - он кивает. - Помню, словно это было вчера. Жаль, правда, из нее вышла бы хорошая королева.

Я смотрю на него с открытым ртом. Я знала, что мои родители были преданы друг другу; отец стал другим человеком после смерти моей матери. Но я не знала, на какой риск они пошли, чтобы быть вместе. Не знала, что у моей матери был шанс править. Что у нее в руках был престол - престол и все, чего она могла на нем достичь, - и она отказалась от всего этого ради любви.

А мой дядя... Мой взгляд устремляется к передней части комнаты, где король присоединился к собравшейся вокруг королевы группе.

Действительно ли дядя любил мою мать?

Или его интерес всегда был обусловлен только Атратисом?

Король поворачивается на стуле, ловит мой взгляд и улыбается.

Я не слежу за остальной частью представления. Следующее, что я слышу, - это аплодисменты, балет закончился. Леди Нисса уже встала со своего места, и я вижу, как

она на другом конце комнаты разговаривает с Люсьеном, их головы склоняются близко друг к другу. Я снова поворачиваюсь к лорду Хоукину, надеясь услышать еще какие-нибудь воспоминания, но он, кажется, задремал. Я раздумываю, разбудить его или дать поспать – слуги уже убирают стулья, – но тут Люсьен хлопает меня по плечу:

– Мы возвращаемся в вашу комнату, Ваша Светлость. Сейчас же.

Гнев в его глазах удивляет меня, и я тотчас же подчиняюсь. Вскоре мы возвращаемся в мою гостиную. Люсьен удостоверяется, что Летия отсутствует, и поворачивается ко мне.

– Клянусь кровью Жар-птицы, что вы делаете, Адерин? – Он говорит тихо, несмотря на свой характер, как будто все еще боится, что кто-то нас услышит. – Нисса рассказала мне, о чем вы говорили с Хоукином. Вы пытаетесь дать королю повод забрать у вас Атратис? Вы действительно настолько глупы?

– Я ничего не делала! – Я бубню себе под нос, стараясь соответствовать тону Люсьена. – Хоукин говорил, а я слушала, вот и...

– Хоукин старый дурак. Он ничтожная личность и не заслуживает таких рисков. Но вы... – В его голосе слишком много презрения. Он начинает ходить взад-вперед по мягкому ковру. – Побуждать его сплетничать о короле, вторить слухам о его отношениях с вашей матерью...

– Я его даже не просила. Но я хочу знать, кто убил ее, Люсьен. И почему. И я собираюсь... – У меня перехватывает дыхание, когда я впервые осознаю истинность слов, которые собираюсь произнести вслух. – Я собираюсь заставить заплатить за это того, кто ее убил. Он должен страдать за то, что он сделал с ней. За то, что он сотворил с моим отцом и со мной.

Он разочарованно качает головой и сердито шепчет:

– Неужели вы не понимаете, как шатко ваше положение здесь? Особенно после того, что случилось на прошлой неделе. Любой другой намек на скандал или измену уничтожит все, чего я пытаюсь добиться.

Я впиваюсь ногтями в ладони.

– И чего же вы добиваетесь, Люсьен? Все, что вы делали до сих пор, – это устраивали бесконечные встречи с...

– Большинство людей, с которыми вы встречались, являются государственными служащими или членами Собрании. Они могут быть полезны...

– А Собрание помешает королю принудить меня к браку? Оно поможет мне снова взлететь? – Люсьен не отвечает. Я выпрямляюсь, жалея (уже не в первый раз), что он не настолько выше меня. – Все это в вашу пользу, милорд. У вас здесь есть друзья. Никто не наблюдает за вами и не осуждает вас. Но я могу расслабиться только тогда, когда оказываюсь одна или с Летией. Почти каждую вторую минуту я думаю о том, попытается ли человек, с которым я разговариваю, убить меня или отнять у меня власть. В то время, как вы, кажется, проводите большую часть своих вечеров в каком-нибудь уголке, флиртуя с леди Ниссой...

Он останавливается прямо передо мной, его красивое лицо искажает усмешка.

– Нисса? По-вашему, происходит именно то, о чем вы подумали?

– А что я должна думать? – шиплю я в ответ. – Мне было видно, как вы на нее смотрите. Вы даже не улыбаетесь мне... – Я останавливаю себя. Мне следует быть защитницей, а не плаксивым ребенком. – Она, должно быть, обожает вас, потому что была так добра, что подбежала к вам и рассказала все, что говорил лорд Хоукин.

Люсьен почти смеется.

– Да, она была очень добра. Она моя кузина и хочет мне помочь. Как и вы, что довольно странно. Но раз уж мы заговорили об этом: в будущем, если мне удастся выжить, я стану хозяином одного относительно незначительного поместья. Я не могу претендовать на

брак с защитницей. Ни один правитель доминиона никогда бы не рассмотрел мою кандидатуру, – в темных глазах Люсьена читается вызов, и на мгновение он задерживает на мне взгляд, но я понятия не имею, что он ожидает от меня услышать.

– Если вы пытаетесь предостеречь меня, чтобы я не влюблялась в кого-то неподходящего, вам не стоит беспокоиться, милорд. Я не увидела здесь никого, за кого могла бы выйти замуж.

Его лицо вспыхивает, и он отстраняется от меня, направившись в другой конец комнаты, прежде чем повернуться обратно.

– Я делаю все, что в моих силах, Ваша Светлость. Но я не смогу защитить вас, пока вы хотя бы не попытаетесь обуздать эту детскую склонность говорить и делать все, что взбредет вам в голову. – Его слова обжигают, несмотря на низкий тон голоса, которым они произнесены. – Вам нужно сосредоточиться на том, чтобы вернуть себе способность к трансформации. А что касается этих романтических грез о мести, которыми вы развлекаетесь, – забудьте о них. Ваша мать умерла и улетела, и вам пора позволить прошлому умереть вместе с ней...

Я отвечаю ему настолько хлесткую пощечину, что болит даже ладонь. На его щеке горит красный отпечаток моей руки.

– А вам не приходило в голову, милорд, что я тоже делаю все, что в моих силах?

Люсьен смотрит на меня, тяжело дыша. Он не отвечает.

– Я знаю, что вы презираете меня. Что вы считаете меня слишком незрелой, сомневаетесь, что я должна быть защитницей. – Мой голос становится все громче, но уже все равно. – Я знаю, вы злитесь на отца за то, что он послал вас сюда. Но, по крайней мере, ваши родители живы. И вы не единственный, кто любит Атратис...

На глаза наворачиваются слезы. Не знаю, вызваны ли они гневом или горечью чувств, но одно я знаю точно: я не позволю Люсьену Руквуду видеть, как я плачу.

Дверь в комнату распахивается, и я вижу Летию. Долю мгновения она стоит на пороге, широко раскрыв глаза и рот от изумления.

– Что здесь происходит? Адерин?

Я не отвечаю на вопросы, проскакиваю мимо нее и выбегаю в коридор.

Глава шестая

Я бесцельно и неосознанно бреду по коридорам. Моя единственная мысль – убраться как можно дальше от Люсьена. Наверное, я таким образом пыталась избавиться от гнева и боли, но они никуда не рассеиваются, а оседают тяжелой массой у меня под ребрами. В конце концов я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, и оглядываюсь.

Я заблудилась.

В этой части Цитадели мне ничего не знакомо. Я снова иду, на этот раз медленно, пытаюсь понять, где в лабиринте коридоров, дворов и башен я очутилась. Я уже готова сдаться и попросить о помощи, как натываюсь на лестницу, которую, как мне кажется, я узнаю – ту, которая должна привести меня обратно в вестибюль с его украшенным гербом девизом. От облегчения у меня кружится голова. Я подхватываю юбку и бегу вверх по изогнутым, небольшим ступенькам, пока наконец не оказываюсь прямо под лучами пылающего послеполуденного солнца. Слепленная и удивленная, я утыкаюсь прямо в грудь...

Кого-то. Передо мной мужчина, совершенно голый, но с зажатым в руках темным халатом. Под моими растопыренными пальцами колется теплая от недавней трансформации кожа.

Я чувствую, как настойчиво бьется его сердце. Кровь приливает к моему лицу, и я поднимаю руки, пытаюсь отшагнуть от него.

– Мне очень жаль...

– Осторожно! – Он хватает меня за запястье свободной рукой. – Оглянитесь назад.

Я поворачиваю голову и глубоко выдыхаю, мои коленки начинают дрожать. Я стою на самом краю отвесного обрыва, в сотнях размахов крыльев над фьордом. Наконец я осознаю, где нахожусь: на посадочной платформе Цитадели. Передо мной огромное зеленое пространство, засаженное деревьями, выступающими над водой озера. Слуги в кожаных одеждах, в капюшонах и перчатках, ждут, чтобы вручить мантии дворянам, прибывшим в замок в своем перевоплощенном состоянии. Мужчина стоит передо мной и усмехается так, будто вот-вот рассмеется...

– Я потерялась, – мне не удастся придумать, что еще сказать.

– А теперь вы нашлись, – он улыбается мне. – Я пойду задом наперед. Если вы будете двигаться одновременно со мной, мы найдем более безопасное место для разговора, – все еще держа меня за запястье, он отводит меня от края платформы. – Вот так, – я опускаю глаза, когда он вытряхивает халат и надевает его. – Теперь мы можем быть должным образом представлены друг другу. Зигфрид Редвинг, наследник владений Олориса, к вашим услугам.

– Адерин из Атратиса.

Он коротко кланяется.

– Защитница. Я очень рад познакомиться с вами. Я должен извиниться за то, что так неофициально одет, – он снова улыбается мне, и я невольно расплываюсь в улыбке в ответ.

– Я пыталась найти дорогу к главному входу.

– К счастью для вас, я знаю самый безопасный путь, – он предлагает мне руку, и мы спускаемся по лестнице, по которой я только что бежала. Зигфрид болтает о своем первом пребывании при дворе и о том, как долго он искал дорогу. Я не уверена, что верю его словам, но ценю его попытку успокоить меня. Возникшее чувство дискомфорта практически пропадает к моменту, когда он спрашивает:

– Ну, как вам визит?

– Замечательно, благодарю вас, – я помню о предостережениях Люсьена, хоть и

ненавижу его сейчас. – Все очень приветливы, – вспоминая, как Одетта описывала Зигфрида, я бросаю на него косой взгляд. Он определенно привлекателен: серебристо-светлые волосы, загорелая кожа и темно-синие глаза. Но, на мой взгляд, не так красив, как Одетта, и не так привлекателен, как Люсьен. Но все же Зигфрид и моя кузина будут выглядеть, по крайней мере, так, словно созданы друг для друга. – Вы пришли повидаться с моей кузиной, принцессой?

– По идее, чтобы помочь с приготовлениями к свадьбе, хотя я думаю, что буду только мешать, – он пожимает плечами. – Я не возражаю, если они придерживаются канонов. Королевская свадьба должна быть традиционной, не так ли?

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что я даже не задумывалась об этом, но он продолжает:

– Мне было жаль услышать о вашем отце. Я познакомился с ним примерно за полгода до его смерти. Он был хорошим человеком, – Зигфрид на мгновение отводит взгляд. – Моя мать умерла три года назад. Я помню, как это было. Если есть какая-то помощь, которую я могу оказать...

– Благодарю вас. – Его предложение звучит очень любезно, хотя, возможно, и не слишком серьезно. Мы снова в вестибюле, поэтому я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. – Вы хорошо знали моего отца? Я не помню, чтобы вы приезжали в Мерл.

– Он приезжал к нам в Эль'Аммергея, – Зигфрид склоняет голову. – Он никогда не упоминал об этом?

Я колеблюсь. У моего отца были секреты; я всегда это знала, и подобные откровения меня не удивляют. Но достаточно того, что Люсьен ведет себя высокомерно. Я не хочу, чтобы этот красивый незнакомец думал, что мой отец не доверял мне.

– Кузина... – Арон шагает навстречу нам по мраморному полу. – Можно тебя на пару слов, если не возражаешь, – он слегка приподнимает брови, узнав Зигфрида. – Редвинг.

– Ваше Высочество, – Зигфрид отвешивает безупречный поклон и поворачивается ко мне. – Надеюсь снова увидеть вас сегодня вечером, защитница, – он посылает мне еще одну лучезарную улыбку, потом подмигивает. – При условии, что вы не заблудитесь...

Когда он уходит, Арон бормочет:

– Итак, ты познакомилась с лордом Мозг-с-Семечко. У него красивое лицо. И я полагаю, моя бедная сестра все же должна выйти за кого-нибудь замуж.

– Он показался мне достаточно приятным.

– Хм. Твоя горничная ищет тебя, – он смотрит на меня с любопытством. – Очевидно, вы с Руквудом поссорились.

Досада от нескромности Летии, но больше от наглости Люсьена, заставляет меня сжать ладони в кулаки.

– Ничего особенного. Но спасибо за сообщение, кузен. Думаю, еще увидимся за ужином, – я кланяюсь и спешу обратно в свою комнату, где меня ждет Летия.

– Адерин, я искала тебя повсюду.

– Мне очень жаль. После того, что сказал Люсьен и что я сделала... Я должна была уйти. Где он сейчас?

– Он куда-то умчался. Возможно, потому, что я угрожала написать лорду Ланселину и доложить ему, что его сын издевается над тобой, – ее губы дергаются. – Он знает, что я могу так сделать.

– О, Летия, – ее забота вызывает у меня новые слезы. – Что бы я без тебя делала?

– Будем надеяться, что нам никогда не придется это выяснять, – ее улыбка исчезает. – Не понимаю. Может быть, это место пробуждает худшее в лорде Люсьене, – она дергает

себя за мочку уха. – Здесь слишком много пространства и чересчур много людей. А от этих темных стражников меня бросает в дрожь.

– Ты хочешь домой?

Летия качает головой:

– Конечно, нет. Я останусь здесь столько же, сколько и ты, – она вдруг усмехается. – За это мне и платит лорд Ланселин.

– Хорошо, – я вздыхаю. – Но мне кажется, сегодня к вечеру у меня будет болеть голова. Скажем Люсьену, что я больна и не смогу явиться на ужин, и я поем здесь с тобой. А после ужина мы будем читать, разговаривать, играть в дуэль и делать вид, что мы вернулись домой в Мерл.

– Ты уверена?

– Да. – Мое настроение немного приподнимается, когда я представляю себе вечер без придворной болтовни. Без королевской семьи и других защитников. Без Люсьена. – Да, я уверена.

У нас с Летией был приятный вечер, хотя я не могла перестать думать о словах Люсьена, о смещении потрясения и боли в его глазах после моей пощечины. Оказавшись в постели, я не могу перестать размышлять. Можно ли наладить наши отношения; хочу ли я, чтобы они были восстановлены. Я могла бы попросить лорда Ланселина прислать мне нового советника. Кого-то, кто не будет спорить со мной, не станет сверлить меня взглядом и не будет считать, что имеет право меня отчитывать. Я могла бы отослать Люсьена и никогда больше его не видеть.

Эта мысль, возможно, наполнила бы меня радостью, учитывая то, как он со мной разговаривает.

Я засыпаю, удивляясь тому, что этой радости нет.

Люсьен приходит ко мне на следующее утро, сразу после завтрака. На нем длинный свободный халат, вроде того, что вчера надел Зигфрид. А это значит, что он либо превратился из ворона в человека, либо планирует очень скоро перевоплотиться.

– Ваша Светлость, – он кланяется. – Я хотел бы получить разрешение покинуть двор на несколько дней. Я получил весть из Атратиса, дома есть дела, требующие моего внимания.

Вот и все. Никаких извинений. Никаких намеков на нашу ссору. Наверное, не я одна лежала прошлой ночью в постели и думала о будущем нашего общения.

– Понимаю. Вы возвращаетесь в Хэтчлендс?

– Да.

Интересно, какую игру он ведет. Он пытается доказать мне, как сильно я нуждаюсь в нем? Неужели его гордость не позволила ему смириться с тем, что я ударила его? Или он бросает меня в надежде, что я потерплю неудачу?

– Вы, кажется, абсолютно уверены в том, что я дам вам свое разрешение, – я указываю на его халат.

– Если мое отсутствие будет некстати... – Он краснеет еще сильнее. – Я бы не спрашивал, если бы обстоятельства не требовали этого... – На его руках, сжатых в кулаки, пульсируют вены. Он прочищает горло, кажется, в попытке совладать с тем, что провоцирует его беспокойство. – Надеюсь, вы запомните мои предупреждения и будете вести себя подобающим образом, Ваша Светлость.

Неужели он хочет, чтобы я его невзлюбила?

– Вам нет нужды напоминать мне о моем долге, лорд Руквуд. Проведите в отъезде

столько времени, сколько необходимо. Передайте мою благодарность вашей матери. – Я отворачиваюсь, слишком раздраженная, чтобы смотреть, как он уходит. Злюсь на Люсьена за то, что он посмел меня расстроить. Злюсь на себя за то, что так легко огорчаюсь. Усевшись у окна, я смотрю на сверкающую воду фьорда. За моей спиной закрывается дверь.

Я сажусь в кресло в размышлениях: о поведении Люсьена, о короле и моей матери, о местонахождении Дикса Флейфезера, пока не появляется Летия. Она прибирается в спальне (обычно не подпускает горничных замка к моей одежде и драгоценностям), и я не обращаю на нее особого внимания, пока не слышу, как она в ужасе вскрикивает.

Я оглядываюсь.

– В чем дело? Что-то сломалось? Застежка на янтарном ожерелье на днях показалась немного хлипкой, но я уверена, что ее можно починить.

– Дело не в этом, – она выходит из спальни, держа что-то в руке. – Это было в одном из ящиков...

То, что она мне дает, похоже на грубо сотканную куклу, из плотной ткани с длинными черными нитками, торчащими из головы вместо волос. Лицо нарисовано: голубые глаза, красные губы. Очевидно, это я. Белое перо – с крыла настоящей чайки, по моим предположениям, – крепится к кукле короткой цепочкой. И еще кое-что...

– Что это такое? – Я указываю на диск из серебристого металла, выпирающий примерно там, где должно быть сердце, если бы кукла была человеком. Летия молча переворачивает куклу: из ее спины торчит конец длинного серебряного гвоздя.

Мой живот сжимается.

– Просто ужасно.

– Это проклятие, Адерин, вот что это такое. Злое проклятие, предназначенное причинить тебе вред... – Она дрожит, плачет и пытается одновременно бормотать про себя молитву.

– Летия, успокойся, – я встаю и указываю рукой на стул. – Сядь и положи эту штуку на стол, – она повинуется, и я приношу ей бокал вина из графина, стоящего на буфете. – Выпей это.

– Но мы должны уничтожить ее, мы должны сжечь ее...

– И мы это сделаем. Но сначала покажем ее гостевому мастеру, – хотя я не уверена, что он мог бы это сделать. У меня бегут по коже мурашки, когда я заставляю себя поднять куклу. В мою комнату не составляет труда кому-либо проникнуть. Горничные приходят и уходят каждый день, как и мальчик, таскающий дрова. У Люсьена тоже есть ключ...

Я вздрагиваю и прогоняю эту мысль прочь.

Летия все еще плачет.

– Не расстраивайся так сильно. Это просто ткань с набивкой. Она не может причинить мне никакого вреда, – на ее лице появляется упрямое выражение, но я пытаюсь снова. – Это не более чем суеверие, вот и все. Честное слово, что бы сказала госпожа Глэб?

Наша наставница – в теории, только моя наставница, но я настояла на том, чтобы Летия сопровождала меня на большинстве уроков, – часто отчитывала мою подругу за древние поверья, выученные ею в раннем детстве.

Я кладу куклу на стол. Понятно, что это не может быть проклятием, но это угроза. Кто-то хочет меня напугать. Кто-то знает, что я обнаружила новую информацию о смерти моей матери, и хочет, чтобы я прекратила поиски.

Но я не собираюсь останавливаться.

Ближе к вечеру мы с Летией идем к гостевому мастеру. Он в потрясении и растерянности и в то же время признает, что мало что может сделать. Он предлагает

поставить у моей двери темную стражу, но я отказываюсь. Я не хочу, чтобы им было еще легче шпионить за мной. Потом мы возвращаемся в мои покои и бросаем куклу в огонь. Когда пламя разгорается, я замечаю, что тот, кто сделал эту штуку, не потрудился даже дать ей оружие.

Любопытно. И все же кукла быстро сгорает. Вскоре среди пепла остается только серебряный гвоздь.

Погода меняется. С севера проносятся ливни, и Цитадель, окруженная туманом и водой, остается стоять на своем высоком утесе. Здесь слишком сыро для верховой езды и для полета даже для моей кузины Одетты. Вместо этого она приглашает меня провести обед второго дождливого дня с ней и Зигфридом. Она немного расстраивается, узнав, что я уже виделась с ним, но все же сидит с нами в приподнятом настроении, а ее решимость любить избранника очевидна в каждом взгляде и жесте. Я не вполне уверена, что Зигфрид так же увлечен Одеттой, как она им. Но он обращается к ней уважительно, внимательно, и, поскольку у меня самой нет опыта в такого рода отношениях, я сомневаюсь в своем суждении. С Зигфридом легко разговаривать, и мы втроем проводим несколько приятных часов вместе. На следующий день мы снова встречаемся за обедом. Впервые с тех пор, как я прибыла в Цитадель, я чувствую, что обрела друзей.

Дождь продолжается уже четвертый день. Утром после долгих собраний, устав от заточения, я направляюсь в большой уединенный сад рядом с храмом. Я думаю об Одетте и Зигфриде, гадая, что они делают в этот момент, и как бы мне ухитриться поговорить с Зигфридом наедине, как он внезапно появляется на тропинке прямо передо мной.

- Ваша Светлость, - он улыбается и кланяется. - Какой приятный сюрприз. Вас не хватало сегодня за обедом; надеюсь, вы не слишком много работали. Могу я присоединиться к вам?

- Конечно, - он идет рядом со мной, и я беру его за протянутую руку. - Я провела последние несколько часов, обсуждая торговые соглашения. Это важно, но утомительно. Надеюсь, вы с моей кузиной нашли себе более приятное занятие?

- Мы были в храме, обсуждали свадебные планы.

- Дата уже назначена?

- Пока нет. Все зависит от короля, - он слегка улыбается. - Но я не думаю, что Его Высочество особо торопится. И я - нет.

Я удивлена его словам.

- Возможно, вы недооцениваете привязанность моей кузины к вам. - Какое-то время мы идем молча, дождь барабанит по каменным колоннам и брызжет на мраморные плитки, и мы меняем места, когда Зигфрид говорит мне, что боится, что мое платье может промокнуть. - Вы не желаете жениться?

- В конце концов, каждый хочет жениться. И быть избранным наследником престола. Каждый хочет получить корону... Не думаю, что найдутся те, кто откажется.

- Но ведь у вас был выбор, верно?

- У меня был выбор. Но я должен думать о благе своего доминиона. - Я понимаю, что он столкнулся с тем же выбором, что и моя мать много лет назад. Но он пришел к другому решению. - Мне жаль принцессу, - продолжает он. - Как наследница престола, она должна выйти замуж, - он пожимает плечами. - Ее выбор тоже ограничен. На ее месте я бы, наверное, тоже выбрал себя, - внезапная улыбка озаряет его лицо. - Это прозвучало ужасно тщеславно?

Я ухмыляюсь.

- Может быть, немного. И все же, как бы вы ни были красивы, - он кланяется в ответ на мой комплимент, - мне жаль ее. Быть вынужденной выйти замуж, прежде чем научиться

править королевством... Я не знаю, почему законы настаивают на этом.

- Но это так. Старейшины говорят...

- Закон - это закон. Я знаю, - я вспоминаю свой первый разговор с Ароном и его описание Зигфрида. - Некоторые люди считают, что у вас просто красивое лицо.

Он смеется над этим.

- Я в этом не сомневаюсь. Но, возможно, и не отрицаю, - веселье в его глазах исчезает, когда он добавляет: - Мы все делаем то, что должны, чтобы выжить, - он вглядывается в меня, проводя большим пальцем по подбородку. - Могу я вас кое о чем спросить?

Я киваю.

- Что ж... дискомфорт, который вы ощущаете при трансформации; я думаю, что в силах помочь вам. Вы позволите мне это сделать?

Я инстинктивно напрягаюсь. Одетта, должно быть, повторила ему то, что я ей рассказала. Я не должна удивляться. Но все же эта тема оказывается затронутой таким образом, так открыто. Этот относительно незнакомый человек напоминает мне, хотя он и не знает всей правды, о моей неудаче...

- Мне очень жаль, - он легонько кладет руку мне на плечо. - Я не хотел вас смущать.

- Не сомневаюсь. Я благодарю вас за ваше предложение о помощи. Но мне она не нужна.

- Конечно, как пожелаете, - он улыбается. - А теперь ваша очередь. Спрашивайте меня о чем угодно.

- О чем угодно? - Я улыбаюсь ему в ответ. - Очень хорошо. Я хотела бы знать, о чем говорил с вами мой отец, когда навещал вас, - доказательства, которые я обнаружила - записи в библиотеке, показания рыжеволосого человека в Нижнем Фарне, - явно указывают на Флейфезера из Олориса. Если кто-то и может помочь мне узнать больше, то это должен быть человек, который унаследует этот доминион.

Мой спутник кривит лицо в попытке вспомнить.

- Ну, мы обсуждали торговлю, как и вы. Насколько я помню, ваш отец страдал подагрой, поэтому я принимал его у себя. И мы говорили о музыке, книгах... и немного о вас. Он очень любил вас.

Я решаю рискнуть.

- Он случайно не упоминал о выживших в Войне Хищников? Члены семей Аксипта, возможно, все еще тайно живут в Олорисе?

Зигфрид на мгновение растерялся, а потом рассмеялся.

- Вы думаете, это смешно?

- Нисколько. Я был бы удивлен, если бы члены этих семей не выжили где-нибудь. Но ваш отец не поднимал эту тему. Вряд ли это обсуждается в приличном обществе.

Очевидное любопытство в его взгляде заставляет меня попытаться объяснить.

- Мой отец собирал материал для истории королевства. Я подумала, что могла бы попытаться закончить проект, но его заметки неполны.

- Понимаю, - он приподнимает бровь. - Вы очень необычная, Адерин из Атратиса.

Его тон теплый, не критикующий, и это замечание заставляет меня снова улыбнуться.

- Честно говоря, я и не пытаюсь такой быть. Есть еще что-нибудь, что вы могли бы вспомнить?

Зигфрид снова хмурится.

- Хм... он спрашивал меня о книге. Или, вернее, о писателе. Олоранин по имени Франт. Или это был Франт. Но я никогда о нем не слышал. Что не обязательно что-то значит, - еще одна быстрая улыбка. - Мои молодые годы были растрчены впустую, поэтому я не могу утверждать, что начитан.

Писатель? С того места, где мы стоим, открывается вид на башню библиотеки. В глубине моего живота рождается чувство возбуждения.

- Много вы читали или нет, но вы мне очень помогли, милорд. Спасибо.

Зигфрид кланяется.

- Я весьма рад. Я знаю, что вам доставляет удовольствие говорить о своем отце с человеком, который хоть немного его знал.

Мы переходим к другим темам, пока не расстанемся у входа в храм. Я держу путь прямо в библиотеку.

Мне требуется некоторое время, чтобы отыскать в библиотечных каталогах чаек Франта: он не из знати. Но, в конце концов, я нахожу его и название книги: «Сказки о бескрылом из Олориса». У книжного шкафа есть даже номер, так что мне нет нужды просить помощи у летописца. Книга прикована цепью, как и все остальные, и, кажется, ее мало читали; она скрипит, когда я раскрываю ее, и хотя корешок выцвел, остальная часть синей матерчатой обложки все еще яркая и незапятнанная. Я сажусь за ближайший стол, все еще в плаще, и начинаю читать.

Как следует из названия, книга представляет собой сборник рассказов, народных сказок, некоторые из которых были написаны до войны, часть - совсем недавно. Рассказы о бескрылых собирал тот, кто умел летать. Некоторые кажутся фантастическими, описывая такие небылицы, как племя бескрылых, которые невосприимчивы к нашему прикосновению и скрывающиеся до того дня, когда их призовут на помощь королевству. Я пропускаю рассказ о бескрылом человеке, путешествующем на Луну на спине Орла. Но почти в каждой истории, правдоподобной или нет, мы злодеи, монстры, порождение кошмаров. Я читаю об охоте, где бескрылые - добыча; о голоде, где бескрылые голодают, а дворяне копят зерно; о рабстве, как о явлении, показывающем ожидаемую и допустимую преданность со стороны бескрылых. Меня тошнит от этих историй. Но я продолжаю переворачивать страницы, плотно заполненные словами.

Ближе к концу книги я нахожу нечто интригующее. Совсем недавняя история - написанная менее пятидесяти лет назад - о дворянине, затаившемся среди бескрылых, скрывающем свою личность. История описывает человека, превращающегося в ястреба и парящего на ветру над полем овец. И указано даже месторасположение. Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что за мной никто не наблюдает, затем очень осторожно вырываю страницу.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, Люсьен стоит у окна, глядя на фьорд.

- Лорд Руквуд. Вы вернулись.

Он кланяется.

- Как и обещал, Ваша Светлость, - он проводит пальцем по внутреннему краю высокого воротника своей туники. - Я хочу извиниться за свое поведение накануне отъезда. Это было... - он кашляет, - невежливо.

- Хорошо. Я принимаю ваши извинения.

- Благодарю вас. Пожалуйста, позвольте мне... - Люсьен подходит и обнимает меня за плечи, чтобы расстегнуть плащ, и я вдыхаю его запах; он пахнет открытым небом, бескрайними просторами и морем. Его близость, когда он стоит позади меня, вызывает ощущение покаяния моей кожи между лопатками; я понимаю, к своему раздражению, что скучала по нему.

- Как прошел ваш визит? В Хэтчлендсе все хорошо?

- Да, спасибо, - отвечает он, лишь слегка колеблясь. - Мой визит был полезным, но

прошел без происшествий.

Он кладет мой плащ на спинку одного из диванов. Это движение обнажает глубокую красную рану на затылке, лишь частично скрытую туникой.

- Что с вами произошло? - Я протягиваю руку в тревоге - рана выглядит болезненной, - но Люсьен отступает.

- Ничего. Несчастный случай, вот и все. Всего лишь моя... неуклюжесть.

Его лицо ничего не выражает. Но мы едва ли находимся в достаточно хороших отношениях, чтобы я настаивала на получении дополнительной информации.

- Что ж, может быть, вы расскажете мне о сегодняшнем мероприятии? Я умею танцевать, но не знаю этикета.

- Как и в большинстве случаев при дворе, правила поведения на балу основаны на статусе. Вы можете пригласить любого равного или более низкого ранга танцевать с вами. Если кто-то попросит вас об этом, вы, конечно, можете отказаться, но будет считаться дурным тоном, если впоследствии вы будете танцевать с другим.

- Значит, если я откажусь, то не смогу танцевать до конца вечера?

- Совершенно верно.

Я задумываюсь об этом.

- Вы любите танцевать, Люсьен?

Он пожимает плечами с легкой улыбкой на губах.

- Не очень. Я могу придумать другие варианты, как лучше провести этот вечер. Но, конечно же, буду присутствовать.

Предполагалось, что я буду отдыхать до конца дня, но сон от меня ускользает. Когда приходит Летия, мне не терпится одеться.

- Я подумала, что надену сегодня вечером серый шелк с...

- Нет, - Летия качает головой, отбирая у меня платье. - Лучше синюю тафту.

Я невольно закатываю глаза, но доверяю мнению Летии.

Она протягивает мне струящееся платье градуированного синего цвета: темно-синее, как крыло сороки, на шее переходящее в более яркий цвет, как у зимородка. Юбки расшиты крошечными пушистыми маргаритками - белыми цветами, которые все лето цветут на холмах вокруг Мерла, - подобранными серебряной нитью. Пока я одеваюсь, Летия полирует пару сапфировых сережек и дюжину серебряных заколок с бриллиантами. Она скручивает мои локоны в замысловатые спирали, которые скрепляет заколками; они сверкают, как крошечные звезды на фоне моих темных волос.

И только когда она приносит пару туфель, я подаю голос:

- Я их не ношу.

- Но они прекрасны. - Она не ошиблась: туфли из льдисто-голубого шелка, украшенного морскими кристаллами. Но каблуки длиннее, чем моя рука.

- Пожалуйста, Летия, позволь мне хотя бы насладиться танцами.

Она что-то бормочет себе под нос, но потом убирает обувь и достает пару плоских атласных туфель на мягкой подошве.

- В других ты была бы выше.

- Я знаю, - как только тесемки тифель оказываются завязаны вокруг лодыжек, я встаю и смотрю на себя в зеркало. - Ты права насчет платья, Летия. Оно прекрасно, - я поворачиваюсь к ней. - Станцуете? - Она смеется, но встает напротив. Нужная поза привычна после всех наших совместных уроков танцев. Мы начинаем репетировать шаги как в паспье, протягиваем наши руки все ближе (но недостаточно близко, чтобы коснуться) и кружимся вокруг друг друга. Нас прерывает стук в дверь: Люсьен в темно-зеленых бархатных одеждах ждет, чтобы проводить меня в большой зал.

Комната выглядит по-другому, и я понимаю, что столы убрали; еда будет подана позже в длинной галерке. Как обычно, мы ждем прибытия королевской семьи. Вместо арфистов в галерке над главным входом собрался небольшой оркестр. Зигфрид и Одетта открывают бал - он проводится в честь их помолвки, - и я не очень удивляюсь, когда Арон приглашает меня на первый танец, медленную и элегантную павану. На этот раз он не одет в свое обыденное черное. Вместо этого на нем синяя с серебром туника, которая могла бы почти соответствовать моему платью. У меня мелькает мысль, что Летия, возможно, пытается устроить какое-нибудь портновское сватовство. После Арона я танцую с Одеттой, которая двигается так элегантно, как я и представляла, а затем с Грейлингом Реном. Он не говорит много - как и обычно, - но танцует хорошо, и я с радостью обещаю ему кантри-танец позже вечером. К сожалению, мое обещание означает, что я также должна станцевать с Патрусом. Он наступает мне на ноги, держит меня потными ладонями и все время говорит о стоимости своего бального зала в Бритисе: окна, ковры, камины. Когда наш танец наконец заканчивается, я замечаю Люсьена, прислонившегося к стене и скрестившего руки на груди. Как обычно, он хмуро разглядывает мир вокруг себя.

- Люсьен, вы будете моей парой в следующем танце?

Его глаза расширяются.

- Почту за честь, Ваша Светлость, - он берет меня за руку - впервые, как я понимаю, - и ведет обратно.

- Вы должны были сказать «нет», - шепчу я.

- Что? - раздражение делает его голос резким. - Если вы не хотели танцевать со мной, то зачем пригласили?

- Потому что я пыталась быть вежливой. Вы должны были сказать «нет». Тогда вам не пришлось бы ни с кем танцевать до конца вечера.

Понимание мелькает на лице Люсьена, а за ним следуют другие эмоции, которые я не могу прочесть. Он открывает рот, чтобы ответить, но его перебивает Зигфрид:

- Вы не возражаете, если я вмешаюсь, Руквуд?

Короткая пауза, затем Люсьен кланяется.

- Конечно, нет, милорд, - он уходит прежде, чем я успеваю понять, в каком тоне он говорит - с облегчением или с сожалением.

Зигфрид, должно быть, прочел в моих глазах досаду.

- Мне очень жаль, но я надеюсь, что вы и Руквуд простите меня. Но я не мог удержаться, чтобы не воспользоваться этой возможностью. Я особенно люблю этот танец.

- Почему?

В ответ он обнимает меня одной рукой за талию, притягивая ближе к себе.

- Что вы делаете? Почему не встали напротив?

- Вам не нравится? - Он поднимает бровь, но его губы дрожат, как будто он пытается не рассмеяться.

- Я не об этом.

- Это новый танец из Селонии: лавольта. Танцуется в парах, а не в линию.

Я осматриваю комнату. Он говорит правду: вокруг меня другие пары, стоящие в той же позе, что и мы (включая короля и королеву, хотя Ее Величество выглядит неловко в объятиях моего дяди). Но я не испытываю неприязни к тому, что Зигфрид держит меня.

- Но я не знаю шагов.

- Это просто. Я наблюдал за вами - вы хорошо танцуете. Думаю, что вы быстро учитесь, Ваша Светлость, - он берет мою правую руку в свою левую, а другую кладет мне на пояс и улыбается. - Вы быстро поймете.

На споры нет времени. Оркестр начинает играть, и Зигфрид ведет меня. К счастью, шаги достаточно просты, и я естественно попадаю в ритм музыки. Время от времени Зигфрид сжимает обеими руками мою талию и поднимает меня высоко в воздух, и я не могу удержаться от смеха. Первый раз за долгое время я оказалась так близка к полету.

Бал заканчивается ранним утром, и мне кажется, что я только заснула, как меня будит звон дворцового колокола. Он звонит настойчиво, снова и снова: глубокий, звучный перезвон, который отдается эхом среди башен и вибрирует сквозь фундамент здания. Протирая глаза, я подхожу к ближайшему окну и открываю длинные ставни. Еще рано - очень рано. Солнце только-только поднялось над горизонтом, позолотив облака на востоке. Кто-то стучит в дверь моей спальни.

- Войдите.

Это Летия, с затуманенными глазами, в халате и ночном колпаке. Люсьен жестко наступает ей на пятки.

- Что происходит?

- Вам нужно одеться, - он проводит пальцами по волосам. - Нас вызвали.

Глава седьмая

Я обхватываю себя руками, но Люсьен отрицательно качает головой.

- Не только нас, весь двор, - Летия роется в моем гардеробе. - Поторопись, Ее Светлости нужен только халат или что-нибудь, чтобы накинуть поверх ночной рубашки.

Летия достает серый атласный халат; я просовываю в него руки и застегиваю пуговицы, пока она оборачивает пояс вокруг моей талии.

- Этого достаточно, - Люсьен берет меня за руку и быстро идет; мне приходится бежать, чтобы не отстать от него.

- Вы все еще не сказали мне, что происходит.

- Наказание. Королевский двор был вызван на арену, чтобы стать свидетелем.

- Наказание? По какой причине? И кто же это?

- Скоро все узнаете, - он резко останавливается в коридоре, оглядывается по сторонам и берет меня за плечи. - Что бы вы ни увидели, Адерин, ничего не говорите и не делайте. Не реагируйте вообще, - он так крепко сжимает мои плечи, что мне больно. - Пожалуйста, обещайте мне.

- Я обещаю.

Приближаются голоса. Люсьен снова хватается за руку, и мы спешим вперед. Все больше и больше людей присоединяются к нам, все двигаются в одном направлении.

Наконец мы выходим на открытый прохладному утреннему воздуху балкон с перилами. Балкон тянется вдоль одной стороны цитадели, а тот, что поменьше, но более высокий, стоит под прямым углом к нему. Оба окна выходят на открытое пространство: на природный, покрытый травой амфитеатр на склоне горы, той, на которой построен дворец. Бескрылые слуги, работающие в цитадели, толпятся за заборами, окружающими арену на земле. Сама арена в данный момент пуста. Но мой взгляд прикован к двум высоким каменным колоннам с различными металлическими кольцами и наборами кандалов, свисающими по бокам.

Я крепче сжимаю руку Люсьена. Он пытается протолкнуться к дальнему концу балкона сквозь толпу, которая продолжается за амфитеатром. Но прежде чем мы туда добираться, кто-то зовет меня по имени.

К нам подходит слуга и кланяется.

- Ваша Светлость, Его Величество просит вас присоединиться к нему в королевской ложе.

Я медленно поворачиваюсь и вижу, что король наблюдает за мной, Одетта и Арон рядом с ним. Он зовет к себе. Отпустив Люсьена, я присоединяюсь к ним на маленьком балконе.

Король энергично кивает.

- Совершенно верно. Подойди и встань здесь со своими кузенами, - он проводит рукой по изгибу моей спины, когда я прохожу мимо, и я задерживаю дыхание, чтобы не вздрогнуть. Глаза Одетты покраснели.

Арон шепчет мне на ухо:

- Помни, кухня, здесь нет никаких секретов.

- Что ты такое говоришь, сын мой? - король наклоняется ближе.

- Просто пожелал своей кухне доброго утра, отец.

- И это действительно прекрасное утро. Хотя, возможно, не для всех. Мы здесь, чтобы

увидеть наказание за измену, племянница. Измена ведет к нестабильности, а нестабильность угрожает всему королевству. Скажи мне, дорогая, ты когда-нибудь слышала, чтобы дворянам подрезали крылья?

- Нет, дядя.

- Это устаревшее наказание. Но Сигнус I решил сохранить его, когда реформировал кодекс чести. А вот и негодяй.

Из комнат под балконом появляются темные стражники. А между ними, склонив окровавленную голову, стоит лорд Хоукин.

Я прикусываю губу, но мой пульс бьется так сильно, что я уверена, король в состоянии услышать его. Один из охранников отдает честь балкону.

- Мне зачитать обвинение, Ваше Величество?

Король машет рукой в знак согласия, и стражник разворачивает свиток.

- Риз, лорд Хоукин, обвиняется в злонамеренной агитации против короны и сотрудничестве с иностранными агентами. Признавшись в том же, он настоящим приговаривается к обрезанию крыльев.

- Вам есть что сказать, лорд Хоукин? - спрашивает король. - Мы выслушаем вас, если вы хотите попросить пощады.

Хоукин поднимает голову, хотя, кажется, ему трудно сосредоточиться на королевской ложе.

- Я старик, Ваше Величество. Я хорошо служил королевству. Я ничего не говорил... ничего, кроме правды. Если бы я говорил не с теми людьми, истинный король простил бы мне мою неосторожность...

- Достаточно, - король машет рукой, и Хоукину затыкают рот кляпом. - Приведите приговор в исполнение.

На главном балконе пожилая женщина - жена лорда Хоукина? - начинает умолять о помиловании, но никто не обращает на нее ни малейшего внимания. Охранники приковывают плечи и запястья Хоукина к столбам, растянув его руки между ними. Еще двое стражников выходят вперед с зажженными факелами, а третий - с топором. Дым от факелов поднимается вверх; от его запаха у меня сводит живот. Я хочу ухватиться за перила перед собой, чтобы удержаться, но Люсьен велел мне не реагировать...

Пальцы Одетты внезапно сплетаются с моими. Внезапная вспышка любви к кухне успокаивает меня; мы держимся за руки, скрывая их в складках платьев.

- Выше нос, мои дорогие, - бормочет король. - Мы, по крайней мере, окажем лорду Хоукину любезность и уделим ему все свое внимание.

Я поднимаю голову и смотрю на клочок земли прямо перед тем местом, где прикован Хоукин, чтобы не лицезреть то, что сейчас произойдет.

Но я все еще слышу. Я слышу, как он стонет от ужаса. Я слышу его вопли агонии, когда ему отрубают обе руки. Вопли, которые раздаются снова и снова, эхом отражаясь от склона горы, когда обрубки прижигают.

Внезапно крик обрывается. Раздается долгий, протяжный хрип, а затем тишина, и вонь крови и горелой плоти поднимаются вверх по ветру.

- Прискорбно, - замечает король. - Похоже, травма оказалась для него слишком тяжелой.

Я отваживаюсь бросить взгляд на жену лорда Хоукина. Она лежит на земле без сознания, вокруг нее пусто, как будто другие придворные боятся, что его измена или ее горе могут быть заразны. Внизу, в амфитеатре, темные стражники уже утаскивают тело, оставляя пятна крови на изумрудной траве. Отрубленные конечности оставлены

болтаться на столбах; на них жадно смотрит ворона.

И это из-за меня? Из-за того, что Хоукин говорил со мной о моей матери?

- Пойдем со мной, Адерин. - Король протягивает мне руку. Я беру ее, и мы направляемся к двери в дальнем конце маленького балкона. - У меня есть... - Он замолкает, слегка морщась и теребя пальцем красную воспаленную кожу на подбородке. - У меня есть для тебя особый подарок.

- Благодарю вас, Ваше Величество, - я удивлена, что могу говорить, дивясь тому, как ровно и буднично звучит мой голос.

- Ты же знаешь, что твоя кузина скоро выйдет замуж.

Я киваю.

- Увидев вчера, как ты восхитительно танцуешь, я решил, что ты будешь одной из ее девиц. Это не обременительная роль. Ты просто должна полететь с ней к священному озеру на вершине горы, провести там ночь в образе лебедя, а затем вернуться вместе с ней на церемонию бракосочетания. По обычаю, это происходит на посадочной платформе на восходе солнца.

Он продолжает говорить что-то о мантиях и музыке, но я не могу сосредоточиться. Одноединственное слово «лететь» поглощает все остальные мысли. Оно бьется в меня, как крылья.

- Адерин, ты ответишь мне? Надеюсь, ты не забыла о той великой чести, которую мы с твоей кузиной оказываем тебе.

Лицо моего дяди выглядит бледным, но в его глазах не скрывается торжество.

Я сглатываю и пытаюсь думать об Атратисе и Люсьене.

- Конечно, дядя. Я глубоко польщена. Была... была ли назначена дата?

- Первая ночь Пандиона, если позволит погода. Ранние осенние звездопады - благоприятное время для свадеб.

Мы добираемся до королевских покоев. Я кланяюсь, как только король покидает меня, и машинально направляюсь к своим покоям. Моя грудь сдавлена, и, кажется, я не могу нормально дышать.

- Возьмите меня за руку.

Люсьен стоит рядом со мной. Я послушно опираюсь на него, сосредоточившись на том, чтобы переставлять ноги, шаг за шагом. Наконец мы добираемся до моих комнат.

Как только за нами захлопывается дверь, слова вырываются из меня наружу.

- Несколько недель, Люсьен. Это все, что у меня осталось. Я должна суметь взлететь уже к свадьбе, а если я не смогу...

- Успокойтесь. Мы придумаем какой-нибудь выход.

- Но вы были правы. Если выпадет шанс, он прикажет меня казнить, - я вспоминаю безрукую куклу. - Он заявит права на Атратис, а потом прикует меня к этим столбам и...

- Адерин, послушайте меня! - Люсьен хватается за плечи. - Я не позволю этому случиться. - Его темные глаза впиваются в меня, как будто он пытается убедить нас обоих, что он действительно может волшебным образом решить эту проблему. - Я знаю, что наговорил на днях, но вы не сделали ничего плохого. Даже если Собрание поголовно потеряло рассудок и позволило королю выступить против вас... - он замолкает.

Потому что мы оба знаем, что Собрание не может игнорировать законы. Если выяснится, что я не могу трансформироваться, меня могут избавить от публичной казни. Но лучшее, на что я могу надеяться, - это изгнание, а вскоре после этого - клинок убийцы.

Или, может быть, ястребиные когти...

- Атратис - я не могу позволить ему все разрушить, Люсьен, - я представляю себе замок Мерл, окруженный трущобами Нижнего Фарна, а на месте аккуратных домов в Хите - разрушенные лачуги Бритиса. - Я не могу, вы должны мне помочь.

- Мы найдем способ защитить Атратис. Я что-нибудь придумаю. Я обещаю, - он отпускает меня и собирается уйти. - Еще рано, вам нужно немного отдохнуть, миледи. Я пришлю Летию к вам.

- Но, Люсьен.

Слишком поздно - он ушел.

Я остаюсь смотреть на дверь, тоскуя по ощущению его рук на моих плечах.

Когда приходит Летия, я все еще стою на месте. Она помогает мне снять тяжелый атласный халат, приносит чашку шоколада и садится на диван рядом.

- Я видела, что случилось с лордом Хоукином.

- Я убила его, Летия. Я заставила его рассказать мне о моей матери, а теперь...

- Ты его не убивала. Король это сделал, этот злобный монстр, - она вздыхает. - Как бы мне хотелось обнять тебя. Я имею в виду, как следует обнять.

Я понимаю: она хочет обнять меня, крепко прижать к себе и не отпускать.

- Мне бы тоже хотелось обнять тебя, Летия.

Моя подруга носит перчатки. Я - нет. Но все же она на мгновение сжимает мою руку в своей.

День смерти лорда Хоукина приходится на День красных угольков. К счастью, сегодня вечером не будет ни банкета, ни необходимости собираться в Большом зале. Я принимаю ванну и иду в храм, чтобы зажечь свечу за возвращение души лорда Хоукина. Остаток дня я провожу с Летией в своих покоях.

На следующее утро я снова пытаюсь трансформироваться. Возможно, мне сейчас хуже, чем когда-либо, потому что теперь моя потребность летать из «если мне придется взлететь» превратилась в «когда мне придется взлететь». Как всегда, ток струится под моей кожей, но я ничего не могу с ним поделать. Я даже не могу найти искру, которая побуждает трансформацию, тот переломный момент, при котором сила, которой я обладаю от рождения, должна практически заставить меня принять форму лебедя. Я пытаюсь снова и снова, пока не начинаю кричать и бить кулаком по зеркалу.

Оно разбивается.

Летия перевязывает мне руку, когда приносит завтрак. Но когда я прошу ее найти Люсьена, она ничего не может сделать.

Я не думаю, что это возымело бы какое-то действие; он все равно не сможет мне помочь. Даже если бы захотел.

Но, возможно, кто-то другой сможет.

Мне нужно время, чтобы выследить Зигфрида. Я ищу его в библиотеке, в тронном зале, большом зале и длинной галерке. Гостевому мастеру кажется, что он видел, как Его Светлость заходил в храм. Одна из почтенных сестер говорит мне, что он был там, но уже ушел. Его нет в комнате, и он не с Одеттой. Я даже спрашиваю Арона; мой кузен высмеивает меня за то, что я поддаюсь чарам Зигфрида, и говорит, что он не знает и не волнуется о том, где может быть будущий король. В конце концов, я решаю, что он, должно быть, улетел. Я беру одну из своих книг и иду в сад, надеясь успокоить нервы.

Зигфрид лежит на каменной скамье в саду. Его глаза закрыты, а лицо обращено к солнцу, словно он спит. Я колеблюсь и уже собираюсь отступить – в конце концов, все это смешно; что может сделать Зигфрид или кто-то еще, чтобы помочь мне измениться? – но он смотрит на меня и улыбается.

– Ваша Светлость. Я только что думал о вас, – он похлопывает по скамейке рядом с собой.

Я сажусь, все еще прижимая книгу к груди. Я знаю, что хочу сказать. По крайней мере, мне так кажется. Но что касается того, должна ли я это говорить...

Зигфрид откашливается.

– Как я уже говорил, я не очень начитан, но мне кажется, вам нужно открыть книгу, если вы действительно хотите извлечь из нее максимум пользы, – он постукивает по книге в моих руках. – По крайней мере, мне так говорили, – юмор в его голосе приятно отличается от обычного тона Люсьена с едва скрываемым нетерпением или насмешливым презрением Арона.

Я заставляю себя улыбнуться.

– Простите. Я отвлеклась.

– Нет – вы расстроены, – он хмурится и всматривается в мое лицо. – Я могу что-нибудь сделать, Адерин?

Я тороплюсь ответить, прежде чем могу передумать.

– Недавно вы говорили, что можете помочь мне.

Он выпрямляется, внезапно становясь серьезным.

– Я могу.

– Как?

Скамья, на которой мы сидим, сделана из красного мрамора, с отпечатками морских раковин, каким-то образом оказавшихся в ней. Зигфрид проводит указательным пальцем по контуру одной из этих раковин.

– Что вы знаете о зельях и эликсирах?

– Не так уж много. Мой отец экспериментировал, пытался создать лекарства. Но он впускал меня в свою лабораторию лишь несколько раз. – Я мысленно вижу эту комнату: столы, заваленные тетрадами, банки и стеклянные сосуды, воздух густой от дыма и странных запахов. Она была заперта с тех пор, как он умер. – А что?

– Я знаю кое-кого, своего рода алхимика. В основном он работает с растениями за пределами королевства. Пытаясь выяснить, как они могут навредить, а как могут помочь. Пару лет назад он открыл редкую траву, и из этой травы разработал зелье. Когда его дают бескрылым, это зелье подчеркивает доминирующий аспект их личности: храбрость, безрассудство, что угодно. Но когда его принимает наш вид, оно имеет более экстремальный эффект. Если вы выпьете его, оно заставит вас трансформироваться. Ваше сознание не будет иметь права голоса в этом вопросе, – он замолкает, барабанив пальцами по скамье. – Так вот, я точно не знаю, какие у вас трудности. Одетта упомянула о боли...

Он ждет, оставляя предложение зависнуть в воздухе.

Я прижимаю руки к груди от неуверенности, бурлящей под моей грудной клеткой, изучая лицо Зигфрида. Выражение его лица открыто, в нем нет ни следа обмана, который я могла бы обнаружить. Если я продолжу, то отдам свою жизнь – и будущее своего доминиона – в его руки. Но если я ничего не сделаю, то через несколько недель...

Крики агонии лорда Хоукина слишком свежи в моей памяти.

– Правда, что есть боль. Кожа на моей спине... она не зажила должным образом. Но я

солгала Одетте. Дело не в том, что я не хочу трансформироваться. А... - Я закрываю глаза и выдавливаю из себя слова. - Дело в том, что я не могу, - мой голос дрожит, когда я раскрываю свою тайну. Но еще чувствую внезапный, неожиданный всплеск облегчения. - Вы действительно можете мне помочь, Зигфрид? Это зелье безопасно? - Я знаю достаточно, чтобы понять, есть ли у эликсиров побочные эффекты.

- Я обещаю вам, что оно безопасно. Зелье было тщательно протестировано. Хотите попробовать?

Я не отвечаю. Первое, что сказал мне Люсьен, - никому не доверять. Все это может быть частью плана убить меня или искалечить.

- Я понимаю, почему вы нервничаете, - тихо говорит Зигфрид. - Язва, которая сидит в самом сердце нашего королевства, представляет угрозу для всех нас. Но скоро я женюсь на наследнице престола. Я могу вам помочь, я могу защитить вас. Но только если вы мне позволите.

Мы смотрим друг на друга.

- Хорошо.

Он кивает.

- Я очень рад. И польщен вашим доверием ко мне, Ваша Светлость, - он легонько кладет свои пальцы на мои. - Продолжайте доверять мне. У вас не будет причин сожалеть о своей честности.

Я вздыхаю, надеясь, что он прав.

- Вы знаете озеро в дальнем углу сада? - спрашивает он. - То, что окружено можжевельником?

- Да.

- Луна сейчас растущая. И, похоже, что вечер будет ясный. Ускользните после ужина, и найдете меня там, - он сжимает мою руку. - Сегодня вечером вы снова взлетите.

Не знаю, как пережить остаток дня. Я пытаюсь учиться, но не могу сосредоточиться. Я беру последнее письмо от лорда Ланселина, в котором он просит меня принять решение по пограничному спору, возникшему на родине, но ловлю себя на том, что снова и снова перечитываю одну и ту же строчку. В конце концов я сдаюсь и сижу, глядя в окно, пока не наступает время одеваться к ужину. Люсьен сопровождает меня, как обычно. Я не спрашиваю его, где он был сегодня утром, а поскольку он не спрашивает меня о моем дне, я избавлена от необходимости лгать. Арон замечает отсутствие у меня аппетита и обращает на это внимание, спрашивая, по какому из моих поклонников я тоскую, подвергая меня подобострастному вниманию Патруса. Но в конце концов банкет заканчивается. Как только мы оказываемся в длинной галерке, я извиняюсь, говорю, что у меня болит голова, и ускользаю.

Сначала я возвращаюсь в свои покои, где меняю голубое вечернее платье на длинный халат и запираю мамино кольцо в шкатулку с драгоценностями. Я уже сказала Лети, чтобы она меня не ждала. К тому времени, как я спускаюсь в сад, избрав самый окольный путь, который только могу придумать, чтобы сбить с толку наблюдающих за мной стражников, сухожилия на моей шее и плечах ноют от напряжения. Озеро находится в сорока минутах ходьбы от верхней террасы позади дворца. Мои ноги слишком громко ступают по гравии. Каждая тень среди деревьев и клумб, кажется, скрывает врага.

К моему облегчению, Зигфрид уже ждет меня. Его серебристо-светлые волосы мерцают в темноте; как и я, он в халате.

- Вы пришли, - кажется, он немного удивлен.

- Я ведь сказала, что приду, - у него в ладони маленький стеклянный пузырек. - И это

все?

- Да. Боюсь, вкус у него не очень приятный. Противоядие, - он похлопывает по маленькому кожаному мешочку, висящему на шнурке на своей шее, - немного более приемлемое на вкус.

- Противоядие?

- Для обратного превращения. Я дам его вам, когда мы вернемся. Не волнуйтесь: я пробовал и то, и другое. С вами ничего не случится, - он идет к берегу озера, и я следую за ним. Вместе мы проходим вперед, пока вода не доходит нам почти до колен. Он поворачивается ко мне лицом: - Идем? - Мне вдруг кажется, что мое дыхание застряло в легких. Я знала, что мне придется раздеться - можно трансформироваться и в одежде, но определенно не рекомендуется. Но теперь, когда дело дошло до этого, мысль о том, чтобы открыться ему, приводит меня в ужас. - Это было так давно...

- Я понимаю. Может, я пойду первым?

Не дожидаясь ответа, Зигфрид расстегивает застёжки своего халата и позволяет ему соскользнуть в озеро.

В лунном свете его кожа сияет, как мрамор. Я стараюсь не отрывать взгляда от его лица.

- Моя спина... она вся в шрамах, после нападения...

- Это неважно, - возможно, он видит, что у меня дрожат руки, потому что идет позади меня и тянется к застёжкам моего халата. - Можно мне?

Я не могу говорить, но киваю и закрываю глаза, пока не чувствую, как ткань падает с моих плеч. Прохладный ночной воздух обдувает мое тело.

- Вот. Это было не так уж и сложно, не так ли? - стоя все еще позади меня, Зигфрид передает мне пузырек. - Здесь одна доза. Выпейте все.

- А что потом?

- Потом зелье сделает свое дело.

Быстро, чтобы не передумать, я подношу пузырек к губам и запрокидываю голову. Зелье горькое и землистое. Я выпиваю его одним глотком, стараясь не дышать, и вытираю рот тыльной стороной ладони. Зигфрид берет пустой пузырек. И потом...

А потом я чувствую, как внутри меня словно зажигается огонь. Это похоже на тепло, которое приходит с вином, но гораздо более сильное: оно проникает в мое сердце и пульсирует по венам и, кажется, вытекает из моей кожи, обволакивая меня, поднимая меня вверх. Возможно, я спотыкаюсь, потому что чувствую руки Зигфрида на своих руках, а его дыхание - на своей шее.

- Спокойно, Адерин, - его голос успокаивает. - Вам действительно нечего бояться. Эликсир просто заставит вас быть той, кем вы были рождены.

Я делаю медленный, глубокий вдох, потом еще один, а потом...

Короткий, далекий отзвук боли и ужаса, когда на меня обрушивается момент перевоплощения. Но он слишком далек, чтобы потревожить меня, слишком абстрагирован, как и сама я, пойманная в теплые объятия зелья. Гораздо более быстрый переход, чем мне помнится, когда я сама инициировала этот процесс: руки удлиняются быстро, бесцеремонно, внезапно, кости светлеют, и наконец сквозь кожу прорезаются перья, сбивая меня с ног.

Мгновение уходит на паническую борьбу с ветром и водой, как какое-то воспоминание, поселившееся глубоко в моих мышцах, захватывает контроль.

Я лечу. Мой человеческий разум - погруженный глубоко внутрь, выглядывающий из-под век, которые стали будто чужими за все это время, - знает, что я лечу. Я чувствую, как мои крылья, отбивая воздух, поднимают меня все выше. Я узнаю извилистые улицы

города и темные воды фьорда, расстилающиеся подо мной. Передо мной большой белый лебедь, освещенный луной на фоне ночного неба: Зигфрид. Я слышу его голос в своей голове, и мое сердце колотится от воспоминаний. Как я могла забыть тайную, безмолвную связь полета? Но я подчиняюсь указаниям Зигфрида; я следую за ним без всякого волевого акта, без сознательного контроля над своими действиями.

Мы парим над Цитаделью, мои крылья ловят воздушные потоки, проносятся над фьордом, прежде чем повернуть обратно к городу. Посадочная платформа вместе с длинным ярким пятном воды тянется прямо под нами, и Зигфрид ведет меня вниз...

Подо мной вода, и потому я складываю крылья. Зигфрид, уже вернувшийся в человеческую форму, ступает на траву, покрывающую остальную часть посадочной платформы. Слуга в капюшоне спешит вперед, протягивая халат. Зигфрид облачается в него и берет еще один.

Он хватает меня за плечо, помогает встать, накидывая халат на плечи.

- Я летела!

- Да, Ваша Светлость. Вы счастливы?

Он смотрит на меня, ожидая ответа. И я счастлива, если счастье можно найти в облегчении. Я рада, что зелье сработало, что есть способ избежать приговора, который будет вынесен мне, если моя неспособность перевоплотиться станет достоянием общественности. Я также рада, что полет был окончен. Этот опыт был совсем не таким, каким я его помню.

Но это вряд ли вина Зигфрида.

- Да, я счастлива. Спасибо, мой друг. Вы спасли меня.

Он расплывается в улыбке.

- Не за что, Адерин.

Мы возвращаемся в Цитадель.

- И спасибо, что доверяете мне. Вы даже не представляете, что это значит для меня.

- Я рада, что сделала это, - мои мышцы покалывает, они дергаются, как будто часть моего мозга все еще думает, что я смогу подпрыгнуть в воздух и улететь.

Зигфрид обнимает меня за плечи.

- Осторожнее, я не хочу, чтобы вы упали во фьорд, - тепло его тела рядом с моим кажется очень приятным; холод противоядия постепенно углубляется, просачиваясь из моей кожи в суставы и мышцы.

- Как долго я буду чувствовать себя так?

- Наверное, пару часов. Холод может усилиться, прежде чем вам станет лучше. Может, попробуем еще раз завтра вечером? Священное озеро находится высоко в горах. Полет на такой высоте будет непростой задачей.

Так что мне лучше продолжать тренироваться.

- Да, пожалуйста.

- Тогда после ужина. Мы можем остаться на озере в саду на некоторое время. Когда вы почувствуете уверенность, мы сможем вернуться сюда при свете дня.

- А мы должны?

- Конечно. Вы должны показать людям, что слухи о вашей неспособности трансформироваться или летать ложны. Или, по крайней мере, - он приподнимает бровь, - вы должны заставить их думать, что они ложны.

Потому что зелье – это, конечно же, обман. Я уже солгала королю, Арону и Одетте, – так что не совсем понимаю, почему эта ложь ощущается по-другому. Куда хуже.

– Не волнуйтесь Адерин, – Зигфрид наклоняется ближе и шепчет мне на ухо. – Я никогда не предаю вас королю. Вам просто нужно доверять мне.

Я киваю.

– Да, знаю. И я доверяю, – я оглядываюсь, осматривая окрестности. – Я найду дорогу отсюда.

– Тогда до завтра. Если вы не против моего совета, – он тепло улыбается мне, – постарайтесь немного отдохнуть. Спокойной ночи, Ваша Светлость.

Когда Зигфрид поднимается по ближайшей лестнице, я иду обратно по коридорам в свои покои. Уже поздно, и я знаю, что должна поспать. Я даже переодеваюсь в ночную рубашку. Но в конечном итоге понимаю, что не могу заснуть. То ли потому, что мне холодно, и поэтому неудобно, то ли из-за какого-то другого побочного эффекта противоядия я едва могу усидеть на месте. После почти часового блуждания по комнате я больше не могу этого выносить. Я накидываю халат и иду обратно в сад.

Вокруг никого нет. Я брожу по тропинкам, наслаждаясь одиночеством, уединением и тем, как каждый цветок посеребрен луной.

Пока не слышу голоса, доносящиеся из-за ближайшей изгороди. Озадаченная, я замедляюсь и подхожу ближе, осторожно ступая по травяным обочинам.

Люсьен. И второй человек, я думаю, это Тюрник, его слуга. Голос Люсьена раздается так, словно он диктует письмо.

– ...гораздо хуже, чем мы ожидали. Собрание продолжает увеличивать налоги на бескрылых, несмотря на то, что многим практически не на что жить. Любое предложение о реформе сейчас отвергается с ходу. Я верю, что если есть возможность... нет, если мы хотим добиться успеха, – он вздыхает. – Я не знаю. Я слишком устал, чтобы думать. На этом мы пока остановимся, Тюрник, прости, что не начали раньше.

– Я не возражаю, милорд. Надеюсь, вы хорошо провели вечер? Вам понравился ваш разговор с леди Трессой? Осмелюсь предположить, что ваш отец был бы доволен, если бы вы привели ее домой в Хэтчлендсе.

– Так и есть. Но я не думаю, что мы подходим друг другу.

– Ах, мне очень жаль это слышать, милорд. Хотя, конечно, она ниже по рангу леди Адерин. Я помню, что вы были очень увлечены Ее Светлостью, когда мы впервые приехали в Мерл.

– Мне кажется, ты все неправильно понял, Тюрник, – голос Люсьена холоден. – И, кроме того, леди Адерин...

– Милорд?

– Не важно. Честно говоря, мне жаль того, кто женится на ней. И это буду не я. – Наступает тишина – тишина, которая заставляет меня с удивлением задуматься, почему слова Люсьена так ранили меня. Он продолжает: – Очевидно, тебе все еще есть что сказать по этому поводу.

– Простите меня, милорд. Но нас беспокоит, за кого выйдет замуж Ее Светлость. Если она заключит контракт с кем-то вроде Патруса из Бритиса... Я знаю, что означает такой защитник: голод и страх. Мы едва спаслись. Я думал, что в Атратисе будет безопасно.

– Он безопасен.

– Пока. Но... из вас вышел бы хороший защитник, милорд. Если бы у вас был способ убедить Ее Светлость отойти в сторону...

– Это не так работает, Тюрник. И ты напрасно беспокоишься. Ее Светлость глубоко

переживает о своем доминионе.

- Как скажете, милорд, - голос Тюрика звучит угрюмо и неубедительно.

- Я знаю. Тебе просто придется довериться мне. Моя верность в первую очередь принадлежит Атратису, а не его правителю. Если я ошибаюсь и леди Адерин сделает все, чтобы поставить под угрозу наш доминион, если придется выбирать между защитой Ее Светлости и защитой Атратиса, тогда я обещаю тебе: я принесу ее в жертву. Я пожертвую ею, не задумываясь.

Глава восьмая

Он пожертвует мной?

Я напрягаюсь, не желая верить тому, что слышу.

– Уже поздно. Мы должны вернуться в замок, – тон Люсьена становится резче. – И я не желаю больше слышать ни слова на эту тему, Тюрлик. Ты слишком полагаешься на мое терпение.

– Да, милорд. Прошу прощения.

Голоса приближаются. Я поднимаю подол юбки и бегу назад по дорожкам во дворец и обратно в свою комнату, где захлопываю и запираю дверь на замок. А потом я сажусь на край дивана и смотрю на запертую дверь, слишком потрясенная, чтобы пошевелиться.

Ничего не понимаю.

Я привыкла полагаться на Люсьена. Доверять ему, несмотря на его предупреждения. И всего два дня назад он сказал мне, что не позволит королю причинить мне боль.

Для чего? Чтобы он сам причинил мне боль, если решит, что я каким-то образом не справляюсь?

Я догадываюсь, что он мне не друг.

Но я и не знала, что он сам выбрал роль моего судьи. Моего палача.

Внутри нарастает головная боль. Леденящий эффект противоядия неуклонно усиливается. Холод впивается глубоко в мои кости. Начинает затуманивать мои мысли.

Возможно... возможно, Люсьен просто сказал то, что должен был сказать, чтобы успокоить страхи Тюрлика. Тюрлика, который откуда-то выбрался живым, из Бритиса?..

У меня стучат зубы. Тлеющие угольки все еще пылают в очаге, поэтому я дую на них и добавляю еще немного дров, присаживаясь как можно ближе к огню, пытаюсь вернуть тепло в свои почти онемевшие руки. Но толку почти никакого. Я не могу перестать дрожать. Мое тело холодеет, грудь болит, и, несмотря ни на что, я хочу, чтобы Люсьен был здесь и я могла умолять его обнять меня.

Но его здесь нет. Я совершенно одна. И весь ужас, от которого зелье позволило мне укрыться раньше, ожидает меня, спрятавшись в темных углах моей комнаты. Я стараюсь думать о том, что чувствовала, когда летала с Зигфридом. Чтобы вспомнить мой опыт полета в детстве.

Но все, что я помню, – это последний полет с мамой. И теперь я снова слышу ее голос в своей голове и не могу от него спрятаться. Я вынуждена слушать, снова и снова, как она говорит мне бежать, как она сопротивляется ястребам, которые преследуют нас, как кричит от боли, когда они убивают ее...

– Адерин?

– Хм?

– Адерин, тебе нехорошо? – Я открываю глаза. Летия смотрит на меня сверху вниз с озабоченным выражением лица. Мои руки и плечи ужасно болят. Кожа на спине ноет, ногти покалывает, даже корни волос болят. И почему-то я лежу на полу в своей гостиной. Я со стоном поднимаюсь на ноги.

Летия ахает.

– Я позову лекаря...

– Нет, мне не нужен лекарь.

– Но твоя спина... – Она указывает на мои плечи.

Я с трудом выпрямляюсь и подхожу к огромному золоченому зеркалу, висящему на стене. Тут выше выреза ночной рубашки на ключице и плечах проступают фиолетовые синяки. Я совсем забыла, как тяжело телу учиться менять форму.

- Это просто синяк, Летия, он пройдет. Я преобразилась прошлой ночью. Это... - Я тычу пальцем в синяки и морщусь. - Это и утомило меня. Должно быть, я заснула перед камином.

- Ты смогла перевоплотиться? Хвала Творцу.

- Я расскажу лорду Руквуду, но что касается остального двора, то я никогда и не теряла этой способности. Убедись, что сохранишь это в секрете.

Как только эти слова слетают с моих губ, я жалею о них.

Летия краснеет.

- Как будто я когда-нибудь скажу что-то такое, что может подвергнуть вас опасности, Ваша Светлость, - наедине со мной, она обращается по титулу только тогда, когда сердится. Я открываю рот, чтобы извиниться, но волна боли заставляет меня схватиться за плечо. Моя подруга вздыхает и качает головой. - Ложись в постель. Я попрошу горничную принести горячей воды для ванны. И платье с высоким воротом сегодня, я думаю...

Из-за Летии я чувствую себя немного менее раздраженной к тому времени, когда мне приходится встретиться с Люсьеном. Он ждет в гостиной с блокнотом наготове. Когда я вхожу, он оглядывает меня с ног до головы.

- У вас такой вид, будто вы с кем-то дрались.

- Вы выглядите не намного лучше. - Он не может этого отрицать. У него темные круги под глазами, он небрит, и по состоянию его одежды вполне возможно предположить, что он одевался в темноте.

- Я работал допоздна... по предложению, которое мы представляем министру рынков относительно снижения тарифов на экспорт олова.

- Вот как?

На мгновение я думаю о том, чтобы забросать его вопросами. Я могла бы сказать ему, что слышала его в саду с Тюриком. Могла бы обвинить, осудить - прогнать его. Защитить себя, отправив его обратно в Атратис с позором. Я смотрю на него, надеясь прочесть на его лице хоть какой-то признак того, что услышанное прошлой ночью было ошибкой. Что я все еще могу доверять ему. Но выражение его лица, как всегда, тщательно сдержанное.

Я смотрю слишком долго.

- Что-то случилось, Ваша Светлость?

- Нет, - пожалуй, лучше держать его на виду. - Я с нетерпением жду вашего доклада.

Он слегка хмурится.

- Могу я узнать, что вы делали вчера вечером, Ваша Светлость?

- Я обращалась в лебеда.

Мое заявление произвело такое сильное впечатление, на какое я только могла надеяться. У моего советника отвисает челюсть, и он молча смотрит на меня целых полминуты.

- Но... но как?

Я колеблюсь. С одной стороны, я вовсе не собиралась рассказывать Люсьену о зелье. С другой стороны, если я продолжу летать, Люсьен не сможет понять, что Зигфрид каким-то образом замешан в этом деле. Я пожимаю плечами:

- Лорд Зигфрид смог мне помочь. С его... воодушевлением, я обнаружила, что могу преодолеть трудности, которые испытывала. Нам даже удалось совершить короткий перелет.

Волнение исчезло с лица Люсьена, оставив один только холод.

- Какое счастье. Я не знал, что у Его Светлости такой дар к учению. Возможно, вам двоим стоит совершить полет на публике, это может заставить замолчать распространителей слухов.

Я борюсь с искушением сказать ему, как мало ему подходит этот презрительный тон.

- Нет, до тех пор, пока мой полет не станет увереннее, я не могу этого сделать.

- Как пожелаете, - Люсьен кланяется и открывает блокнот. - Я думаю, как только свадебная церемония закончится, мы вернемся в Атратис. Если вы согласны, я попрошу разрешения у секретаря Его Величества. Мы могли бы уехать уже на следующий день.

Так рано? Несмотря на опасность, в которой я нахожусь, вопреки тому, что король вызывает у меня отвращение и ужас, я все еще не могу уйти. Я не нашла места, упомянутого в книге Франта. Я так и не узнала, что случилось с Флейфезером. Но я ничего не могу объяснить Люсьену. Я отмахиваюсь от него.

- Я обдумываю ваше предложение.

- Благодарю вас, Ваша Светлость. По крайней мере, наш обратный путь будет легче, теперь вы можете летать.

Он уходит, а я закрываю глаза и массирую виски. Головная боль, которая мучила меня прошлой ночью, грозит вернуться. Полагаю, Зигфрид мог бы дать мне зелье и отправить обратно в Мерл. Но кто-то - Люсьен? - должен будет дать мне противоядие. И как я буду продолжать летать после этого?

Эти вопросы все еще не дают мне покоя, даже когда через восемь часов я направляюсь сменить одежду к обеду. До прихода Лети я снова пытаюсь преобразиться. Я делаю все возможное, чтобы вернуть ощущение перемены, которое зелье дало мне прошлой ночью, для преодоления части меня, продолжающей переживать нападение, но это не срабатывает. Страх и боль все так же невыносимы, как и всегда. По крайней мере, сейчас я полностью завишу от доброй воли Зигфрида.

Начнем с того, что мои уроки пилотирования идут хорошо. Кажется, я становлюсь сильнее. Синяки и боль от трансформации немного ослабевают, а озноб, вызванный противоядием, становится менее интенсивным. Но к концу второй недели что-то, кажется, меняется. Мне все труднее сосредоточиться. Мой разум во время полета и сразу после него кажется отупевшим и непослушным, он сужается до самого ближайшего момента, до следующего взмаха крыльев, до всего лишь механического восприятия движущихся против ветра крыльев. И я становлюсь забывчивее: пару раз, когда мы летим, я изо всех сил стараюсь вспомнить названия своих конечностей. Однажды вечером, когда мы возвращаемся через сад, я неохотно делюсь своими опасениями с Зигфридом.

- Я не могу позволить себе прекратить летать. Но что, если это зелье действует на меня каким-то другим образом? Что, если это навсегда? - Я прикусываю нижнюю губу, думая о том полете, который мы только что совершили. - Я должна быть в состоянии запомнить слова «холм» и «озеро».

Зигфрид обнимает меня за плечи.

- Не беспокойтесь. Я свяжусь со своим другом, узнаю, нужно ли что-то добавить к зелью или что-то изменить в дозе. Он умный человек. Он найдет лекарство.

- А что, если он не сможет?

- Он сможет, - Зигфрид одаривает меня улыбкой. - Я тщательно выбираю друзей.

- Возможно, я смогу встретиться с ним. Я могу описать симптомы...

- Боюсь, что нет: он больше не живет в Солануме. Жаль, потому что я уверен, что вы бы хорошо поладили. Вот, - он срывает с клумбы рядом с нами прекрасный красный георгин и передает его мне, - подарок от одного друга другому. Вы мне доверяете, не так ли?

- Конечно.

- Ну, тогда продолжайте практиковаться, и позвольте мне беспокоиться о побочных эффектах.

У меня действительно нет выбора. Моя странная забывчивость, ограниченность моих мыслей, пока я лечу, состояние не улучшается. Но, по крайней мере, хуже не становится.

Примерно через три дня после того, как я рассказала о своих трудностях Зигфриду, он предлагает дневной полет. Мы выбираем ранний час утра, пока большая часть придворных еще в постели после вчерашнего гулянья, и взлетаем с посадочной площадки. Эксперимент проходит хорошо. Слишком хорошо: возможно, потому, что мой разум затуманен, возможно, от удивления. Увидев под собой залитую солнцем местность, я забываю об осторожности. После того как мы приземляемся и снова принимаем человеческий облик, я иду с Зигфридом, все еще одетым, обратно в прихожую.

Арон ждет там. Его рот кривится в усмешке, когда он видит нас. И только в этот момент я вспоминаю, что договорилась с ним покататься верхом.

- Адерин. Я вижу, что ты весьма счастлива летать, - он бросает взгляд на Зигфрида, - при должном стимуле. Поздравляю.

- Кузен... Мне так жаль! Я не хотела...

- Обманывать меня и мою сестру? Или заставлять меня ждать здесь, бескрылого лакея, пока у тебя не появится время на меня?

Я не могу придумать ответ.

Лицо Арона краснеет.

- Не важно, - он отворачивается. - Мне совершенно не нужна твоя компания.

- Арон, подожди.

Он не останавливается.

- Забудь о нем, - шепчет мне на ухо Зигфрид. - Он бессилен и не так значим, как раньше, он и сам это знает. И просто завидует, что вы восстановили свои способности, а он - никогда не сумеет их вернуть.

Недоброжелательность замечания Зигфрида шокирует меня.

- Но мне не следовало его подводить. И я еще не восстановила свои способности, не так ли?

- Никто, кроме меня, этого не знает. Вы забыли о встрече, вот и все. И действительно, у вас больше нет времени на верховую езду. Нам еще многое предстоит сделать, чтобы укрепить ваши силы, - он касается пальцами тыльной стороны моей ладони. - Не беспокойтесь об Одетте, я поговорю с ней.

- Но...

- Не беспокойтесь, - он подмигивает. - Увидимся за ужином, Ваша Светлость.

Вернувшись в свою комнату, я пишу записку с извинениями Арону, но он не отвечает, и мне остается только гадать, какую месть он придумает; я уже достаточно хорошо знаю своего кузена, чтобы понимать, что он этого так не оставит. Когда я прибуду на пир, весь двор будет знать, что я летала с лордом Зигфридом. Как неоднократно говорил мне Арон,

здесь нет никаких секретов. Но чего я не ожидаю, так это шепота и косых взглядов, которые приветствуют мое появление в Большом зале. Я определенно не ожидала бесстыжих взоров, которые получила от некоторых придворных мужчин.

- Я не понимаю, - шепчу я Люсьену, пока мы ждем прибытия королевской семьи. - Все остальные обращаются. Почему тот факт, что я летала, должен был вызвать так много... слухов?

- Дайте мне минутку, - Люсьен исчезает в толпе придворных, столпившихся у двери. Когда через несколько минут он возвращается, то выглядит смущенным.

- Ну, так что?

- По-видимому, распространился слух, что вы с лордом Зигфридом... - Он откашливается и неловко натягивает тунику. - Что вы спите друг с другом.

Я прижимаю руки к груди.

- Но это неправда.

Люсьен смотрит на мраморный пол.

- Это действительно не мое дело.

- Но это не так. Клянусь кровью Жар-птицы, - человек, которого я едва знаю, мелкий лорд какого-то ничтожного острова, смотрит на меня через зеркальце. Я свирепо смотрю на него и поворачиваюсь спиной. - У меня будут неприятности? Будет ли король...

- Нет. Для принцессы было бы неприемлемо иметь любовника. Но мужчинам - членам королевской семьи или будущим членам, я полагаю, - предоставляется больше свободы.

Почему-то меня это не удивляет.

Люсьен тербит цепочку у себя на шее, все еще избегая моего взгляда.

- Постарайтесь не волноваться. Все забудут об этом через несколько дней. И, возможно, мне удастся выяснить, откуда пошли эти слухи...

Он замолкает при появлении короля и королевы, на руках у короля повязки, но они не могут полностью скрыть раны, которые, кажется, быстро распространяются по его коже - за ними следуют Зигфрид и Одетта. Арон останавливается рядом со мной, как обычно предлагая мне руку; его ухмылка говорит мне обо всем, что мне нужно знать.

На следующий день я иду к Одетте. Я хочу, чтобы она знала, что слухи обо мне и Зигфриде беспочвенны; я готова, если понадобится, рассказать ей все: и о своей неспособности к превращению и о зельях. Но когда я поднимаю эту тему, она обрывает меня.

- Мне действительно все равно, кузина. И Зигфрид уже объяснил мне это.

- Он объяснил?

- Конечно. Я понимаю, что ты нечасто летаешь, что ты беспокоилась о том, хватит ли тебе сил совершить путешествие к Священному озеру, но на самом деле ты могла бы сказать мне. Я могла помочь тебе, знаешь ли.

Зигфрид поговорил с ней, как и обещал. Но он не сказал ей всей правды.

- В любом случае, - продолжает Одетта, - при дворе полно злых языков. К сожалению, в том числе, и мой брат. Я просто отказываюсь их слушать. Я презираю сплетни.

- Как и я, кузина, - я наклоняюсь вперед, пытаюсь подчеркнуть свою мысль. - Но этот слух не соответствует действительности. Я бы никогда...

- Я тебе верю, - она слегка улыбается и смотрит на свои руки, крепко сжатые на

колених. – Ты же знаешь, я не слепая. Я понимаю, что мой жених еще не испытывает ко мне того же чувства, которое я уже испытываю к нему. Но со временем...

– Конечно.

Ее глаза встречаются с моими.

– Как у наследницы престола, мой выбор ограничен, кузина. Я должна любить Зигфрида. Поэтому я должна доверять ему. А ты, – она берет мои руки в свои. – Мне нравится, что ты здесь. И я не хочу думать о неприятных вещах. Я бы лучше поговорила о том, что ты наденешь на свадьбу, и куда мы сможем полететь вместе, и когда я смогу приехать навестить тебя в Атратис. Хотя я надеюсь, что ты останешься при дворе подольше, – улыбка озаряет ее лицо. – Я люблю Арона, но мне всегда хотелось иметь сестру.

Я ухожу, так и не упомянув эликсир Зигфрида.

В эту ночь мне снятся странные сны. Я с Одеттой у одного из озер в саду, и с нами мужчина, но я не могу ясно разглядеть его лицо. Иногда мне кажется, что это Зигфрид, а иногда – Люсьен. Одетта снова и снова спрашивает меня: «Кому ты доверяешь, Адерин? Кому ты доверяешь?» Когда я просыпаюсь утром, то чувствую себя куда более усталой, чем когда ложилась спать, но, по крайней мере, я приняла решение. До сих пор я доверяла Зигфриду.

И я никогда не стану той защитницей, какой хочет видеть меня Люсьен, если не сделаю этого первой. Я пишу записку и прошу Летию отдать ее Зигфриду.

Через полчаса он уже в моей гостиной, ходит со мной взад-вперед по ковру, и я показываю ему страницу, вырванную из книги в библиотеке.

– Это место, о котором идет речь, предположительно где-то в Олорисе. Вы знаете о нем?

Он хмуро смотрит на страницу.

– Я не уверен... Откуда это?

– Из книги, которую искал мой отец: «Сказки о бескрылом из Олориса», Гульвинг Франт.

– Ах да, ваш проект по истории.

– Ну... – Я играю с перламутровыми пуговицами на платье. – Это не совсем так. Я не интересуюсь историей. Но мне очень интересно узнать, кто убил мою мать.

Пауза. Прежде чем Зигфрид задает вопрос.

– Так это те самые ястребы, о которых вы спрашивали? – Его тон серьезен, но не скептичен.

– Да. Я думаю, они из семьи Флейфезер. По крайней мере, один из них был здесь, в городе, примерно в то время, когда умерла моя мать. И я думаю, что они живут где-то в Олорисе. Прячутся. История, которую написал Франт, по-видимому, случилась пятьдесят лет назад. Если это правда, то, возможно, вот отсюда, – я постукиваю пальцем по названию места на тонком листе бумаги, – они и пришли. И, возможно, они вернулись обратно, – у меня вырывается вздох. – Может быть, это и неправильно, Зигфрид, но если они живы, я хочу, чтобы они заплатили за то, что сделали. А если нет... я все еще хочу знать правду. Кто приказал им напасть на нас? И почему?

Зигфрид берет страницу и щурится, разглядывая мелкий шрифт.

– *Дафлор*... Я не знаю. Я полагаю, здесь может быть опечатка. На побережье есть небольшой городок под названием Дофлер. Мы пойдем и посмотрим.

– Неужели?

– Конечно. Он находится слишком далеко, чтобы долететь туда и обратно за день, но у меня есть поместье неподалеку. Мы можем отдохнуть там же и вернуться на следующий

день. Я бы хотел показать вам кое-что в моем доминионе, Адерин.

Я все кручу и кручу на пальце мамино кольцо. После всего времени, что было упущено зря, возможность наконец-то принять меры против напавших возбуждает меня. Но меня это также и пугает. Особенно после того, что случилось с лордом Хоукином.

Мне нужно быть осторожной.

Зигфрид наклоняет голову ближе.

- До меня дошли слухи, что король собирается попробовать водное лечение на следующей неделе в спа-салоне в Ламминге, надеясь, что оно поможет его коже. Он уедет на одну ночь. Мы улетим в тот же день и вернемся на следующее утро. Никто даже не заметит, что мы пропали, - он возвращает мне страницу и улыбается. - Будет весело.

Но когда Зигфрид уходит, в моих мыслях ничего не остается от предвкушения веселья. Я ловлю себя на том, что представляю себе столкновение с двумя мужчинами, убившими мою мать, представляю, что хочу им сказать, что могу с ними сделать. Тревога расцветает в глубине моего живота и сидит там несколько следующих дней, ощущаясь фоном в каждый миг моего бодрствования. Неважно, еду я верхом, ем, пытаюсь работать или спать. Даже когда я лечу, а зелье Зигфрида течет по моим венам, я все еще слабо осознаю происходящее.

Однако время идет, и наступает утро отъезда короля. Я иду в храм; к моему удивлению, там Люсьен вполголоса разговаривает с почтенной монахиней. На его лице и в осанке проступают нотки напряжения. Несмотря на то, что он сказал Тюрику, часть меня жалеет его; он выглядит несчастным. Но я ухожу, даже не попытавшись заговорить с ним. Когда же наконец настает время принять зелье, я с облегчением осушаю флакон.

Этот долгий перелет до Дофлера, самый длинный из всех, что я когда-либо совершала.

Я нервничаю после проблем с концентрацией внимания, что полет будет слишком тяжелым для меня, но Зигфрид успокаивает.

Как только я преображаюсь, я почти не замечаю, как проходит время - ничего особенного, кроме постепенного потепления воздуха, - пока не оказываюсь голой на корточках в мелком, заросшем сорняками озере. Зигфрид развязывает непромокаемый сверток, который он нес, и протягивает мне халат.

- Добро пожаловать в Олорис, Ваша Светлость. Ваше присутствие придает моему доминиону новую красоту.

Еще одна банальная фраза, хотя Зигфрид хорошо ее подает. Я смеюсь.

- Благодарю вас, милорд.

Мы проходим небольшое расстояние до городских стен. Как только стражники видят Зигфрида, они отступают и низко кланяются.

- Ваша Светлость, мы вас не ждали.

- Мы пришли поговорить с советником.

- Сию минуту, милорд, - между стражниками происходит торопливый обмен взглядами. - Адаин проводит вас в дом советника, милорд, - говорит тот, что постарше. - Мы польщены вашим присутствием, - он толкает локтем своего коллегу. - Перчатки, мальчик. Быстро!

Адаин бежит к караульному помещению за воротами и возвращается в латных рукавицах.

- Сюда, милорд. И миледи.

Мы следуем за стражником в город. Улицы узкие, но вымощенные камнем, с арочными дверными проемами. Некоторые из зданий с красной черепицей кажутся домами,

некоторые – магазинами. Есть киоски, где выставлены рулоны ткани, миски со специями и сушеными продуктами питания, посуда. Несколько арок выходят во внутренний двор и сад. Мелькают образы, утопающие в темно-фиолетовых цветах, и маленькие деревца с какими-то незнакомыми мне плодами. Весть о нашем прибытии распространяется быстро. Те, мимо кого мы проходим, кланяются и крадутся как можно дальше. Люди замолкают, а матери зовут своих детей домой.

Из дома советника открывается вид на центральную площадь с фонтаном посередине. Адаин ведет нас по короткой лестнице на крытую дорожку, которая окружает первый этаж дома, и стучит в дверь. Она открывается, и он торопливо беседует с кем-то внутри, в результате чего из дома выходит женщина. Она приседает в реверансе, вытирая испачканные мукой руки о фартук.

– Прошу прощения, Ваша Светлость, но Его Чести здесь нет. Он сейчас в Гилдхолле с шерифом, присматривает за партией, которая прибыла из...

Зигфрид обрывает ее, поворачиваясь к Адаину:

– Отведите меня туда. Адерин. – Он отводит меня немного в сторону от стражника и экономки и, понизив голос, говорит. – Может быть, вам лучше подождать здесь, пока я поговорю с советником? Я мог бы получить больше информации от него в одиночку.

– Но...

– Я знаю, как это важно для вас. Но на самом деле я думаю, что так будет лучше. Вы мне доверяете, так ведь?

Мне трудно с этим спорить. Он знает свой доминион, а я – нет.

– Вы знаете, что доверяю. Я немного осмотрю город.

– Я ненадолго. А вы, – он указывает на экономку, – покажите Ее Светлости все, что она пожелает увидеть, – Зигфрид берет меня за руку, как делал это раньше, но, к моему удивлению, он поворачивает ее и целует мою ладонь, прежде чем они с охранником уходят.

Зачем он это сделал?

– Ваша Светлость?

Я понимаю, что женщина задала мне вопрос.

– Что вы сказали?

– Можно мне взять перчатки, Ваша Светлость?

– О, конечно.

Женщина возвращается через пару минут, тяжело дыша. Я думаю, она бегала вверх и вниз, по крайней мере, по одной лестнице.

– Что бы вы хотели увидеть, миледи?

– Я хотела бы знать названия некоторых местных вещей. На прилавке стояло какое-то странное голубое стекло и какой-то розоватый фрукт...

Она кивает и ведет меня вниз на площадь. Во-первых, мне нравится мой тур. Своим знаниям о мире за пределами Мерла я почти полностью обязана книгам, и у меня есть длинный список мест, которые я хочу посетить. Такие достопримечательности, как пламя погребального костра к северу от Фениана и руины города Палия на острове Маррис. Увидеть новые места своими глазами – это увлекательно. Мы находим стеклодува, который говорит мне, что синий цвет стекла происходит от добавления типа металла, называемого гоблином. Мой проводник ведет меня к кружевнице, серебрянику и бакалейщику, где я обнаруживаю, что розовый фрукт – это цитрин. Все люди, которых я встречаю, кажутся преуспевающими и здоровыми.

И все же, они также, очевидно, боятся меня. Они отвечают на мои вопросы, потому что

должны. Но не поднимают на меня глаз. Они предлагают мне свои товары и кажутся смущенными, когда я отказываюсь, потому что у меня не оказывается средств заплатить за них. Я тоже в замешательстве, пока моя проводница не объясняет мне местный обычай: дворяне Олориса не обязаны платить за то, что берут у бескрылых.

Мне стыдно, что я ничего не знаю об остальном королевстве. Возможно, Тюрлик прав. Возможно, из Люсьена получится лучший защитник, чем я. Я решаю вернуться в дом, подождать там Зигфрида, и начинаю докладывать о своем желании проводнице, когда меня отвлекают доносящиеся неподалеку крики и вопли со двора большого здания.

- Что это такое?

Экономка вертит в руках фартук.

- Это всего лишь Дом правосудия, Ваша Светлость, ничего такого, что бы вам захотелось видеть.

- Но что происходит?

- Сегодня были созваны члены королевского двора, Ваша Светлость, так что, возможно, нам следует... - Она замолкает, прижимая руку к груди, как только детский голос перекрывает шум:

- Мама! Мама, пожалуйста, не позволяй им...

Крик замирает в моем сердце. Я бегу к двери. Охранники кричат мне, чтобы я остановилась, но я не обращаю на них внимания: они узнают, во что я одета, и не смеют меня задерживать. Люди, толпящиеся во дворе, сначала не замечают меня, но я приказываю им дать дорогу, вкладывая в свой голос столько власти, сколько могу. Они оглядываются и понимают, что я дворянка, и убираются с моего пути, и вскоре я оказываюсь впереди толпы.

На площади стоит семья, окруженная охраной. Сомнений нет, что это семья - двое детей являются очевидной копией своих родителей, - но каждый из них привязан к столбу с поленьями и растопкой, сложенными у ног. Связанные веревками и с заткнутыми кляпом ртами. Даже самый младший ребенок, которому, может быть, не больше трех-четырёх лет. Двое охранников несут горящие факелы.

- Что здесь происходит?

- Я думаю, Ваша Светлость, вопрос в том, - раздаётся чей-то голос, - что вы здесь делаете.

Я узнаю этот голос. Но это ведь точно не может быть...

Патрус из Бритиса, мой возможный будущий муж, сидит на галерке, выходящей во двор. Рядом с ним угрюмый мужчина с ярко-оранжевыми волосами, желтоватой кожей и голубыми веками - член семейства олушей. Он переводит растерянный взгляд с меня на Патруса.

Я игнорирую его и говорю с Патрусом.

- Прошу, скажите, милорд, почему эти люди связаны? - Мои конечности начинают дрожать, когда холод противоядия проникает в самое сердце; я плотнее закутываюсь в халат и надеюсь, что никто этого не заметит.

Патрус встает и спускается с галерки, чтобы встать передо мной.

- Вам незачем беспокоиться, моя дорогая миледи. Эти бескрылые были обвинены в нарушении закона, они сознались и потому должны быть наказаны соответствующим образом. Поскольку преступление произошло на территории Бритиса, я здесь, чтобы увидеть исполнение приговора.

Я смотрю на молодую женщину, привязанную ко второму столбу. Она не намного старше меня и смотрит на меня, тихо рыдая.

- Какой закон они нарушили?

- У этого человека обнаружили лук со стрелами. Карается смертной казнью, как вам известно. К счастью, британские стражники хорошо обучены. Я надеюсь, что однажды у меня будет возможность ввести аналогичные стандарты для Атратиса, - он кланяется и улыбается мне.

Я прикусываю губу, гадая, что же мне делать. Патрус прав: владение луком карается смертью. Так было всегда. Но я также знаю из слов лорда Ланселина, что бескрылые, живущие в сельской местности, часто идут на риск; лук позволяет им ловить дичь, которая в противном случае сбежала бы. И если выбрать - охотиться с луком или голодать...

- Но почему осуждены его жена и дети?

- Назначенное наказание состоит в том, что преступник должен стать свидетелем казни всей своей семьи, прежде чем его самого казнят. В указе совершенно ясно прописаны эти слова.

- Но никто не следит за соблюдением закона подобным образом! И исполнять их таким образом... В Атратисе...

- Ах, - Патрус поднимает вверх короткий палец. - Но мы не в Атратисе, Ваша Светлость, - его улыбка исчезает. - У вас здесь нет никакой власти.

- У вас тоже - мы не в Бритисе.

Патрус всего лишь кивает ближайшему факелоносцу.

- Подождите их.

Предвкушение в его голосе вызывает у меня отвращение. Я бегу между окружившими меня стражниками, чтобы преградить путь молодому человеку с факелом.

- Ни шагу больше! Я защитница, вы понимаете? Я племянница самого короля. А если вы их сожжете, - я угрожающе поднимаю голые руки, - я сожгу вас.

Он останавливается. В его глазах страх, сомнение и нежелание.

Лицо Патруса багровеет.

- Выполняйте приказ, или вы все будете наказаны! - Он поднимает толстый деревянный прут и опускает его на спину ближайшего стражника. Мужчина пошатывается и хрюкает от боли.

- Поторопись!

Один из стражников делает полшага в мою сторону.

- Миледи, пожалуйста...

- Адерин? - Зигфрид идет сквозь молчаливую толпу. - Все в порядке? - Он долго смотрит на Патруса. - Может быть, Его Светлость из Бритиса объяснит, что он делает в городе моего доминиона?

- Этот человек был найден с луком, лорд Редвинг. В Бритисе. Его местный лорд, - он скидывает руку, указывая на рыжеволосого мужчину, скорчившегося на галерке, - кажется, склонен к снисхождению. Поэтому я присутствую здесь, чтобы обеспечить исполнение правосудия.

- Зигфрид, - я иду к нему, и стражники отступают от меня. - Они всего лишь дети. Я знаю, что закон - это закон, но это варварство.

Он качает головой:

- Закон, Адерин. Бескрылые должны знать свое место.

Патрус согласно кивает.

Я молчу. Я не знаю точно, чего я ожидала – что он согласится со мной? Что он отдаст приказ о пересмотре дела? Но дело было не в этом.

Зигфрид вздыхает.

– Перестаньте, не смотрите на меня так. Я не могу подрывать работу местного правосудия, особенно в пограничных землях. Люди должны знать, что законы будут поддержаны, иначе мы рискуем погрузиться в хаос.

Самый маленький ребенок стонет – бессловесная, испуганная мольба.

– Прошу вас, милорд. По крайней мере, пощадите жену и детей. Они невиновны. Их смерть не служит никакой цели, – я подхожу ближе к нему, вглядываясь в его лицо. – Зигфрид, не заставляйте меня умолять.

Пауза. Затем Зигфрид переплетает свои пальцы с моими.

– Хорошо.

– Лорд Редвинг, я должен протестовать... – начинает Патрус.

– Не должны, Ваша Светлость. Если все еще хотите быть желанным гостем при дворе, когда я стану королем.

Патрус на этот раз лишается дара речи.

Зигфрид оглядывается на меня.

– Я пощажу женщину и детей ради вас, Адерин. Я дарую вам их жизни, – он поворачивается к стражникам. – Освободите их и уведите отсюда. Потом уберите этого человека.

Стражники спешат выполнить его приказ. Через несколько секунд женщина и ее дети освобождаются. Она пытается подойти к мужу, но стражники тащат ее прочь, увлекая за собой детей. Я все еще слышу, как она выкрикивает его имя, когда другой стражник сует факел в растопку, сложенную вокруг ног мужчины, и поджигает ее.

Зигфрид обнимает меня за плечи.

– Нам пора уходить. Я не хочу, чтобы вы были свидетельницей этого.

Я закрываю уши и прислоняюсь к нему, когда мы уходим. Но этого недостаточно, чтобы заглушить вопли отчаяния женщины и крики боли умирающего мужчины.

Глава девятая

Мы не останавливаемся, пока не возвращаемся к озеру за городом. Зигфрид отпустил стражников, которые пытались нас сопроводить. Он протягивает мне еще один флакон с зельем, и я быстро осушаю его, отчаянно желая забыть, хотя бы ненадолго, то, чему только что стала свидетелем. Вместе мы преображаемся, и я следую за Зигфридом в упомянутый им особняк на побережье. Путь неблизкий, скоро мы добираемся до посадочной платформы, где нас ждет слуга, чтобы вручить нам свежую одежду. Здание построено из камня медового цвета с большими многостворчатыми окнами, центральной башней и двумя крыльями, простирающимися вперед, чтобы окружить английские сады. На дальней стороне дома земля уходит в сторону пляжа с мягким розовым песком, а за ним – море. Оставшись одни, мы спускаемся в вестибюль.

– Какой приятный вечер, – начинает Зигфрид. – Думаю, ужин подадут на террасе на крыше. У нас здесь есть прекрасные виноградники, которые...

– Как вы можете думать о еде?

Он улыбается:

– Сейчас время ужина, Адерин.

– Но тот бедняга...

– Он был преступником.

– Возможно, он просто пытался прокормить свою семью. И никто не должен так умирать. Мои родители никогда бы этого не допустили.

На лице Зигфрида мелькает раздражение, но он снова улыбается, и я задаюсь вопросом, способно ли что-нибудь когда-то нарушить его самообладание.

– Возможно, вы не помните точных взглядов ваших родителей на подобные вопросы. Вы так уверены, что ничего подобного не происходит в Атратисе? Посещали ли вы всех местных землевладельцев в вашем доминионе и сообщали ли им, как вы хотите, чтобы исполнялись законы?

Конечно же, нет. Я молчу, но мой желудок предательски урчит. Мой спутник хихикает и дергает за веревку звонка.

– Вы почувствуете себя лучше, когда поужинаете. А завтра мы должны вылететь пораньше и лететь быстро, поэтому я советую вам последовать моему совету и спуститься к ужину.

Я хочу продолжить спорить с ним, дать ему пощечину за его покровительственную самоуверенность. Но я гостья в его доме. Поэтому сжимаю пальцы в кулаки и жду.

В зал входит официантка в перчатках с серьезным лицом и делает мне реверанс.

– Это Гита, – говорит мне Зигфрид, прежде чем повернуться к слуге. – Проводи Ее Светлость в восточную комнату, убедись, что у нее есть все необходимое, а когда еда будет готова, отведи ее на вершину башни.

Гита кивает и ведет меня по освещенным свечами коридорам и вниз по лестнице. Восточная комната очень красива, стены обклеены обоями с голубыми веточками, а в выложенном плиткой камине уже горит огонь. Я сажусь на подоконник, обняв колени, и смотрю на горизонт, где море и небо сливаются в сумерки. Гита, все еще молча, раскладывает на кровати сменную одежду и наполняет таз горячей ароматной водой. Я умываюсь, причесываюсь и одеваюсь; красное платье соскальзывает с плеч, оно сшито из какой-то мягкой, легкой ткани. Интересно, кому из семьи Зигфрида наряд когда-то принадлежал? Я расчесываю волосы, затем выбираю книгу и читаю, пока Гита вновь не возвращается за мной.

Она ведет меня почти до самого верха центральной башни, прежде чем кивком головы показать, что я должна подняться на последний лестничный пролет одна. Я выхожу на

зубчатую террасу на крыше. Там есть стол – уже накрытый масляными лампами и блюдами с едой – а также скамейки вместо стульев с шелковыми подушками. Уже стемнело, но воздух по-прежнему благоухает, напоминая мне, что мы находимся гораздо южнее, чем в Атратисе.

Зигфрид стоит у одного из проломов в стене. Когда я подхожу, он идет к столу, наливает немного бледно-янтарной жидкости в серебряный кубок и протягивает его мне.

– Это разновидность искрящегося тоника, который делают здесь, в поместье. Я думаю, вы найдете его освежающим.

Я делаю глоток; острые цитрусовые пузырьки лопаются у меня на языке.

– Действительно приятный. Спасибо.

Он отодвигает скамейку, чтобы я села, и начинает накладывать еду на тарелку.

– Сегодня вечером я обошелся без прислуги. Это все местные деликатесы – я сомневаюсь, что вы видели их раньше, поэтому сделаю за вас выбор, если вы не возражаете?

Поскольку он уже ставит передо мной тарелку, его вопрос кажется несколько неуместным. Я жду, пока он обслужит себя и сядет, прежде чем спросить:

– Что сказал советник? У него была какая-нибудь информация?

– Да. Хотя он не был особенно готов разглашать ее. Он подстраховывал себя со всех сторон всевозможными отговорками: кто-то мог что-то увидеть, кто-то еще мог бы знать местоположение, и, конечно, прошло так много лет с момента последнего общения... Он оставил меня гадать, не принуждают ли к молчанию местные бескрылые население и не покупают ли это молчание у местного лорда. Мне придется послать кого-нибудь из моих людей из Эль'Аммергея, чтобы разобраться в этом.

– Значит, есть выжившие после Войны Хищников?

– Похоже, книга, которую вы нашли, более надежна, чем я предполагал.

– Разве мы не должны пойти за ними? – Я пытаюсь отодвинуть тяжелую скамью от стола. – Если они узнают, что мы их ищем...

Зигфрид поднимает руку.

– Успокойтесь, Адерин. Вопросы уже решены. Вам не о чем беспокоиться.

– Не о чем беспокоиться? – Мой голос немного повышается. – Но она была моей матерью. Моя спина была разорвана в клочья.

– Все под контролем, – он наливает мне еще немного ликера. – Завтра мы должны вернуться в Цитадель, а сегодня ничего не поделаешь. Мы можем только наслаждаться временем вдали от двора. Кстати, мне нравится этот цвет на вас.

Он меняет тему разговора, начинает говорить о чем-то другом. Я не хочу упускать нить беседы. Но понимаю, что, сидя на крыше его дома наедине с ним, сильно завишу от него. Люди, которых я преследую, похоже, находятся в его доминионе. Если он не даст мне свои зелья завтра утром, я не смогу улететь домой или вернуться в свой человеческий облик. Поэтому я проглатываю свою гордость вместе с чувством вины и обсуждаю с ним несущественные темы: местные обычаи, музыку, нашу общую любовь к созерцанию звезд.

Когда мы вдоволь наедаемся, Зигфрид выключает лампы, и мы подходим к стене, чтобы посмотреть на полную луну, осеребрившую море. Я не знаю, то ли дело в монотонном, непрекращающемся приливе, то ли это эффект выпитого, но я чувствую себя выпавшей из времени. Как будто это мгновение – все. Как будто я могу вечно смотреть на луну, плывущую по волнам.

Пока губы Зигфрида не касаются обнаженной кожи моего плеча. Он обнимает меня за

талию, резко оттягивая назад, так что я чувствую тепло его тела сквозь тонкую ткань платья и не могу сдержать вздоха. Я поспешно разворачиваюсь в его объятиях.

- Зигфрид...

Он прижимает меня к себе и приникает своими губами к моим, глубоко целуя.

Шок парализует меня. Пока я с ужасом не осознаю, что мое тело начинает реагировать. Я отталкиваю его за плечи.

- Нет! Прекратите!

Он отпускает меня и проводит тыльной стороной ладони по губам, тяжело дыша.

- Но это то, чего хотим мы оба, - он утверждает, а не спрашивает. - В первый раз, когда мы встретились, я увидел в вас одиночество. И желание. Скажите мне, что я ошибаюсь, Адерин. Скажите мне, что вы не чувствуете то же самое. Что не хотите меня так же сильно, как я хочу вас.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что он ничего не знает о моих чувствах, что мы друзья, и ничего больше. Но внезапно я осознаю, как далеко нахожусь от дома и от Цитадели...

Я сосредотачиваюсь на одном неоспоримом факте.

- Одетта. Вы скоро женитесь.

Он качает головой и смеется, хотя в этом нет ничего смешного.

- Одетта думает, что любит меня, но как она может? Мы едва знаем друг друга. Действительно, - он пожимает плечами. - Мои отношения с ней - это деловая сделка, организованная королем и моим отцом. Но вы, Адерин... когда я согласился жениться на Одетте, я никогда не думал, что буду испытывать к кому-то такие чувства. Я не могу перестать думать о вас. Каждое мгновение... - Он вертит в пальцах прядь моих волос. - Нет причин бояться того, что мы чувствуем: благодаря Арону все при дворе считают, что я уже переспал с вами. И никого это не волнует...

- Я подозреваю, что Одетте не все равно, - я отбрасываю его руку, подбирая слова, которые позволят мне найти выход из этой ситуации. - Одетта моя кузина, и я ее очень люблю. И... и даже если она вам совсем не нравится, вы все равно согласились на ней жениться. Мы не можем предать ее вот так, - я отворачиваюсь от него, возвращаясь взглядом к луне и морю.

Тишина. А потом он вздыхает.

- Что ж, возможно, вы и правы. Я верю, что есть способ быть вместе, хотя, возможно, это не так. Но я верю, что, как только я докажу вам, вы найдете меня... достойным.

Я не знаю, что он имеет в виду и как ему ответить.

- Адерин, пожалуйста... неужели вы не посмотрите на меня?

Я неохотно поворачиваюсь к нему лицом. Он берет меня за руки и целует в обе ладони, как раньше, в городе.

- Мне очень жаль. Мне трудно справиться с моей страстью к вам. Скажите, что вы меня прощаете.

- Я прощаю вас.

Как я могла не знать? Он ошибается в моих чувствах к нему. Он очень ошибся в своем пренебрежении к Одетте. Но он помог мне - и продолжает помогать, - и я не могу не испытывать к нему благодарности и жалости.

- Что вы имеете в виду, говоря, что мы можем быть вместе?

- Я вам скоро расскажу.

- Но...

Он прикладывает палец к моим губам.

- Скоро. Уже поздно. А сейчас вам надо отдохнуть. У нас ранний старт. - На столе стоит колокольчик, он звонит в него, и Гита появляется почти мгновенно. Я понимаю, что она, должно быть, ждала внизу лестницы все это время, прислушиваясь, и мой желудок переворачивается от чувства тревоги. - Отведи Ее Светлость в ее комнату. И обязательно разбуди ее завтра в назначенное время; мы вылетаем на рассвете. Спокойной ночи, моя Адерин. Приятных сновидений.

Я следую за Гитой вниз по лестнице в свою комнату. На этот раз на кровати лежит ночная рубашка; Гита разводит огонь, наливает еще горячей воды в таз и уходит, не говоря ни слова. Я раздеваюсь, умываюсь, ложусь в постель и задуваю свечу. Но прежде чем заснуть, я кое-что понимаю. Что-то, что заставляет меня замереть. Когда Зигфрид целовал меня, и в тот момент, когда я начала целовать его в ответ, я думала совсем не о нем.

Я думала о Люсьене.

На следующее утро за завтраком Зигфрид ни словом не обмолвился о том, что произошло между нами, и я гадаю, сожалеет ли он о своем поведении или же обдумывает свое нынешнее положение. Мы выходим из усадьбы как раз в тот момент, когда из-за горизонта выглядывает луч яркого золотого солнца. Это первый раз, когда я пролетаю такое расстояние за один раз, и потому смутно чувствую боль в мышцах и легких. Когда Зигфрид превращает меня обратно в человека, я понимаю, что уже середина утра: посадочная платформа занята дворянами, которые приходят и уходят. Надеюсь, никто не заметил нашего отсутствия или того, что мы вернулись вместе. Мы заходим во дворец, и наши пути расходятся. Рядом стоит слуга, вытирающий пыль с одного из шкафов-витрин вдоль коридора.

Зигфрид наклоняется вперед и шепчет мне на ухо:

- Завтра я снова вылетаю. Думаю, всего на несколько дней. Чтобы проследить за расследованием, которое мы начали.

- Вы действительно думаете, что ваши люди найдут их?

Если эти ястребы действительно существуют, и если они те, кого мы ищем, то они успешно скрывали свое существование в течение последних двухсот лет или больше. Все, что у нас есть, - это слухи.

- Я найду их. Я принесу их вам, Адерин. И затем... - Его губы касаются мочки моего уха - и я едва сдерживаюсь, чтобы не вздрогнуть. - Оставайтесь здесь. В безопасности.

- Зелье.

- Я думаю, вам следует пока оставаться на Земле. Вам будет полезно отдохнуть, - он ухмыляется, одной рукой откидывая назад влажные светлые волосы. - Мы же не можем допустить, чтобы вы думали, что можете обойтись без меня, не так ли?

Он делает широкий поклон и уходит. Я разворачиваюсь по направлению к своим покоям.

Летя в гостиной; она единственная, кто знает, где я была прошлой ночью. На ее коленях и по всему дивану разложены желтые шерстяные кусочки.

- Доброе утро, Адерин. Как прошло твое поручение? Вы нашли, что искали?

- Возможно... - Я сажусь рядом с ней, так близко, как только могу, и пытаюсь, хотя и в тумане усталости, мысленно перебрать все, что произошло между мной и Зигфридом, каждое слово, каждое прикосновение. Как он пришел к выводу, что я буду счастлива отдать ему? Я сделала или сказала что-то, чего не должна была делать? Мы провели много времени наедине, но именно он предложил мне свою помощь...

- Адерин? - Летия хмуро разглядывает меня. - Что-то случилось?

Я прижимаю пальцы к вискам, не зная, с чего начать, рассказать ли Летии о поцелуе Зигфрида или о человеке, которого сожгли за то, что он пытался прокормить свою семью...

- Что ты думаешь о законах, Летия? Как ты думаешь, они справедливы? Как считаешь, сможет Одетта изменить их, когда станет королевой?

Глаза моей подруги округляются.

- Ну, я не могу сказать, что много думала об этом. Мир такой, какой он есть, - она всматривается в мое лицо. - Ты выглядишь измученной.

- Я плохо спала, и это было долгое путешествие, - я указываю на желтое вязанье на коленях Летии, не желая больше думать о Зигфриде, о его ожиданиях и о том, смогу ли я повернуть назад по той тропинке, по которой пошла. - Что ты вяжешь?

- Платье для младшей дочери моего брата, - она раскладывает шерстяные кусочки. - Смотри, вот передняя часть платья, вот задняя, вот рукава и юбки.

- Не очень похоже на платье...

- Будет, когда закончу вязать. А потом я вышью небесные колокольчики по подолу синими нитками. Мой брат живет в Гартине, и они растут там на меловых склонах.

Я знаю, что была в Гартине еще ребенком, но не могу точно вспомнить его: маленький городок на озере недалеко от Мерла, населенный в большинстве железными мастерами и заполненный кузницами.

- Люсьен считает, что мы должны вернуться домой сразу после королевской свадьбы. Ты согласна?

- О да. Вернуться в Мерл к концу осени, как раз к празднику Кровавой Луны... - Она замолкает, и я знаю, что она видит то же самое, что и я: скалы вокруг замка, пылающие красным цветом цветов, по форме напоминающих крабов. Цветы осыпаются с деревьев уже через день и дрейфуют вниз к пляжам и воде. Издали кажется, что море полыхает в огне.

Летия продолжает вязать, а я ковыряю кусок ороговевшей кожи рядом с ногтем большого пальца, перебирая слова Зигфрида, обращенные ко мне. Любит ли он меня? Может быть, он передумал жениться на Одетте, надеясь жениться на мне? Возможно, это был бы выгодный союз для Атратиса. Это лучше, чем быть вынужденной вступить в союз с Патрусом или Грейлингом Реном. Но я его не люблю. И все же, если я ему откажу... Я давлю пальцами глаза.

- Тебе надо отдохнуть, - замечает Летия.

- Ты права, - иглы боли пронзают мышцы плеч и спины. - Может быть, попозже прокатимся? Я бы хотела... - раздается стук в дверь.

Это Люсьен.

- Входите, милорд. Я рада вас видеть, - это правда: мне приятно видеть еще одно знакомое лицо, напоминающее о моем доме. Какое-то мгновение я изучаю его черты, пытаюсь найти в них хоть какое-то сходство с моим дорогим лордом Ланселином. Но потом я вспоминаю мысли о нем прошлой ночью. И я помню его слова, обращенные к Тюрику. Искра счастья гаснет, сменяясь бурлящей смесью вины и тревоги, когда я задаюсь вопросом, попадает ли проведение ночи вдаль от двора с Зигфридом под определение Люсьена, угрожающего доминиону. Я делаю глубокий вдох, готовясь перевести разговор на какую-нибудь нейтральную тему, но Люсьен меня опережает.

- Король хочет вас видеть. Как можно скорее.

Мое сердцебиение ускоряется.

- Почему?

- Понятия не имею, - он проводит рукой по лицу. - Вам лучше переодеться.

Летия уже отложила вязанье и позвонила в колокольчик.

- Я попрошу служанку принести тебе отвар. Надеюсь, это тебя немного взбодрит...

Полчаса спустя я иду рядом с Люсьеном в сторону королевских апартаментов. Я никогда раньше не бывала в этой части цитадели; все двери здесь охраняются темными стражами. Мой клерк молчит, сердито глядя на богато украшенный ковер, покрывающий пол, но он помнит свою роль и называет наши имена одному из слуг, когда мы входим в приемную.

- Его Величество сейчас занят, но он просит вас подождать, Ваша Светлость, если это не доставит вам неудобств.

Очевидно, то, что он полагается на мое удобство, - всего лишь формальность. Может быть, король действительно занят, а может быть, это напоминание о том, что у него здесь есть власть, а у меня нет. Так или иначе, нам ничего не остается, как бродить по приемной, пока дядя не решит послать за мной. Я бреду к большой книге карт, выставленной на подставке в углу, думая, что я могла бы, по крайней мере, взглянуть на очертания Атратиса, даже если я не могу быть там. Но Люсьен следует за мной.

- Где вы были вчера вечером? - бормочет он.

Я провожу указательным пальцем по странице, давая себе время подумать.

- Здесь. А что?

- Не лгите мне, Ваша Светлость.

- Если вы думаете, что знаете, где я была - я делаю вид, что переворачиваю нужную страницу, - то не могли бы вы взять на себя труд спросить меня об этом, милорд.

- Летия осторожна. Но слуги Зигфрида - нет. Или он хочет, чтобы все знали, что вы провели с ним ночь?

Я напрягаюсь, хватаясь за край книги.

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду, что всем уже известно, что вы были с Зигфридом прошлой ночью и что вас не было при дворе. Как я уже говорил, не мое дело, чем вы...

- Тогда почему вы спрашиваете меня?

- Потому что я ему не доверяю. И... и я волнуюсь за вас.

Я чуть не рассмеялась.

- А теперь кто лжет? Вы бы без колебаний пожертвовали мной, если бы считали, что я представляю опасность для нашего доминиона, - я бросаю взгляд в сторону, чтобы увидеть, какой эффект произвели мои слова.

- Я ваш верный слуга, Ваша Светлость, и надеюсь, вы это знаете, - его тон сух, но он не может скрыть сомнения в глазах.

Слуга приближается.

- Его Величество сейчас примет вас, Ваша Светлость.

Я оставляю Люсьена наедине с его неуверенностью и следую за слугой в зал для аудиенций. Король лежит на кушетке, одетый в свободный халат. Слуга - или лекарь? - накладывает ему какую-то припарку на рану на ноге. Воздух в комнате спертый, тяжелый от запаха можжевельных дров, горящих в камине.

- Вы хотели меня видеть, дядя.

- Верно, - король протягивает мне кольцо для поцелуя. - Я хотел бы обсудить, ой! - Он морщится, хватает со столика рядом с кроватью миску засахаренных слив и швыряет ее в слугу. - Прочь отсюда! Сегодня больше никакого лечения.

- Но, Ваше Величество...

- Убирайся отсюда! - Он берет еще один самодельный снаряд - зеркало с серебряной окантовкой, - но слуга спешит прочь. Король откидывается на спинку дивана, его лицо поблескивает от пота.

Рана на ноге не спрятана; есть и другие, на руках и шее. При дворе говорят, что эта болезнь короля - инфекция, порожденная его распутным образом жизни. Он, кажется, не особо выиграл от водного лечения, которое вчера принимал. Но у меня не получается жалеть его.

- Ну, племянница, - говорит дядя, отдышавшись, - садись.

Я повинуюсь и сажусь на стул рядом.

- Ко мне приходил защитник Патрус. Думаю, вы догадываетесь, почему.

Мой желудок скручивает от нервов, но я сохраняю бесстрастное выражение лица.

- Нет, конечно, дядя. Я не могу.

- Прежде он просил твоей руки.

Только моей руки? Мне хочется хихикнуть, и я смотрю на конечность, о которой идет речь. Я скорее отрублю ее и подарю Патрусу, чем выйду за него замуж.

- И, - продолжает король, - я настоятельно советую тебе принять его. Он очень хочет отпраздновать ваш союз как можно скорее, и, поскольку мы уже устраиваем одну свадьбу, я не вижу причин, почему он должен ждать. Ваша свадьба может состояться на следующий же день.

- Благодарю вас за заботу, дядя, но...

Он заставляет себя выпрямиться.

- Позволь мне внести ясность, Адерин. Твое поведение при дворе оставляет желать лучшего.

Я замираю, крепко вцепившись в подлокотники кресла.

- Во-первых, ты, кажется, не умеешь или не хочешь летать. Затем показываешь, что можешь летать, но также начинаешь эту... эту связь с господином Зигфридом.

- Я не...

- Не пытайся отрицать это. Я узнал от одного из слуг Его Светлости, что ты была с ним прошлой ночью.

Моя кровь горит под кожей, будто даже мое собственное тело обвиняет меня.

- А теперь, - король берет со стола бокал с вином и делает глоток, - многое может быть оправдано твоей молодостью и неопытностью. Но именно поэтому ты должна выйти замуж за Патруса. Он защитит Атратис твердой рукой. Ты дашь наследников как Атратису, так и Бритису. До сих пор он был исключительно неудачлив в выборе жен.

Жёны? Я знала, что Патрус вдовец, но не знала, что он был женат несколько раз. Я сглатываю подступающую к горлу желчь.

- Но ты молода и привлекательна, и нет причин сомневаться в твоей способности к созданию потомства, - еще глоток вина. - Возможно, ты этого не знаешь, Адерин, но есть закон, который позволяет Собранию вместе с монархом отстранять защитника в случае

умственной или физической некомпетентности. Его не созывали со времен Войны Хищников. Было бы очень жаль, если была бы обнаружена необходимость в его повторном созыве.

Он улыбается, наблюдая за мной, как кошка за пойманной мышью. Ярость развязывает мне язык.

- Могу я задать вопрос, дядя?

- Действительно.

- Какие части Атратиса Патрус обещал вам взамен за меня? Сколько портов? Какие шахты? Как вы говорите, я молода и привлекательна. Я знаю, что Патрус хочет добавить меня в свой список вещей. Я очень надеюсь, что вы заключили выгодную сделку.

Улыбка превращается в усмешку.

- Наглая девчонка. Даю тебе двадцать четыре часа... - Он замолкает, кашляя и хрипя, хватаясь за грудь. - Сутки, чтобы прийти в себя, или столкнуться с последствиями. Твой отец однажды недооценил меня, не повторяй его ошибок. А теперь оставь меня и отправь слугу обратно.

Люсьен ждет меня, когда я возвращаюсь в приемную, но я не останавливаюсь перед ним.

- Ваша Светлость? Что случилось?

- Пожелай мне счастья, Люсьен, - огрызаюсь я. - Я выхожу замуж, - воздух внутри душный. Я спешу вниз по лестнице, которая, надеюсь, приведет меня в сад.

- Замуж? За кого?

- За Патруса.

- Но почему? Когда?

- Потому что Патрус купил меня у короля. Свадьба будет скоро: на следующий же день после свадьбы Одетты. Если только я не откажусь.

- Миледи, не могли бы вы притормозить, - он хватается за руку, - и поговорить со мной. - Я останавливаюсь и оглядываюсь; мы уже на улице, почти у маленького садика рядом с моими комнатами.

- Пойдемте со мной, - я привожу его к зеленой изгороди. Розовые цветы шиповника увядают, алые бутоны набухают на их месте; лето подходит к концу. - Король говорит, что мое поведение неудовлетворительно. Он думает, что я сплю с Зигфридом, или что Зигфрид спит со мной. Он утверждает, что есть закон, который позволяет Собранию удалять с поста защитников, которые непригодны для должности. Я никогда не слышала о таком законе. Вы слышали о нем?

- Да, он есть в одном из Уставных свитков, датируемых периодом Аудакс. Хотя им не пользовались уже более трехсот лет, - Люсьен видит, как я закатываю глаза - ничего не могу с собой поделать - и поднимает одно плечо, словно защищаясь. - Что? Я ваш советник. Мне полагается знать такие вещи. Но суть в том, что он блефует. Даже если ты спишь с Зигфридом...

- Ради самого Творца, это не так!

- Но даже если бы это было так, Собрание никогда не применило бы этот закон в таких обстоятельствах.

- А если он их заставит?

Люсьен расхаживает взад и вперед, проводя пальцами по своим вороновым волосам, пока они не встают дыбом.

- Другие защитники не захотят, чтобы Патрус получил контроль над Атратисом, а также над Бритисом. Он уже перекрыл поставки леса и железа со своих территорий, что

искусственно завышает цену, – он снова поворачивается ко мне. – Вы должны сказать «нет». Поднимите проблему. Я уверен, что Собрание поддержит вас.

– Даже если и так, разве король не найдет способ обвинить меня в измене?

– Если он это сделает, мы найдем способ справиться с этим, – он кладет руку мне на плечо.

Я отмахиваюсь от него, я ничего не сумел с собой поделаться: мои чувства к Люсьену такие... запутанные.

По выражению лица Люсьена можно было подумать, что я ударила его во второй раз. Он открывает рот, потом закрывает его и отворачивается. Когда он вновь поворачивается ко мне, выражение его лица становится более спокойным, хотя в глазах таится что-то вроде тревоги.

– В то утро, когда мы уехали из Мерла, я обещал отцу присмотреть за вами. Я не лгал. Я повторяю это обещание сейчас, миледи. И я знаю, что вы достаточно храбры, чтобы противостоять ему.

Я пристально смотрю на него, пытаюсь примерить этого Люсьена, который вдруг стал добрым, даже сделал мне комплимент, на того Люсьена, который сказал слуге, что убьет меня, если я буду угрожать благополучию Атратиса. Вздохнув, я дотрагиваюсь до его волос, почти ожидая, что он отойдет от меня. Но он этого не делает.

– Вам нужна расческа.

Уголок его рта ползет вверх.

– Я обязательно приведу свою внешность в порядок к обеду, Ваша Светлость.

Люсьен провожает меня до моей комнаты. Я не рассказываю Летии о своей планируемой свадьбе: не хочу ее расстраивать, подвергать риску, ведь она способна принести себя в жертву, проткнув Патруса своими вязальными спицами. Вместо этого я решаю не думать об этом, и мы едем кататься вместе. Я хочу, чтобы Летия увидела Священное озеро, где Одетта и ее спутники проведут ночь перед свадьбой, но оно оказывается слишком высоко в горах, чтобы мы могли добраться до него, прежде чем придется вернуться во дворец.

Сегодня вечером будет еще один банкет. Я не хочу переодеваться к обеду – мне невыносима мысль, что Патрус смотрит на меня, думая, что я стану его собственностью, – но Летия уже тщательно спланировала вечерний наряд, и я соглашаюсь.

Люсьен, как обычно, ведет меня в большой зал. По дороге туда он советует мне ничего не говорить сегодня вечером; он напишет ответ, который я отправлю королю утром. Поэтому, когда Арон провожает меня к высокому столу и отпускает шуточки по поводу моего планируемого брака, вслух гадая, продержусь ли я дольше, чем другие жены Патруса, я заставляю себя не обращать на него внимания. Я, как обычно, сижу между ним и Патрусом, который осыпает меня пустыми комплиментами – совершенно не вспоминая то, что произошло в Дофлере, – рассказывая о новых комнатах, которые он обставил для меня в своем замке, и о том, как хорошо я буду в них смотреться. Как будто я картина, которую он собирается повесить на стену. Когда я отвечаю ему, что на самом деле не принимаю его, он просто смеется и переводит разговор на Атратис и собственный план инвентаризации всего доминиона. Мне требуется все мое самообладание, чтобы не схватить нож и не заколоть его.

Трапеза затягивается. Но вот наконец все кончено: последние блюда убраны, и король с королевой встают из-за стола. Мы все поднимаемся и готовимся последовать за ними в длинную галерку – я уже решила, что встречу с Зигфридом, спрошу, почему его слуги сплетничают обо мне, – как дядя хватается за живот.

– Отец? – Арон наклоняется вперед и берет короля за руку. – Тебе нехорошо?

– Слезь с меня, парень! – Король отталкивает Арона, но задыхается от боли, а его кожа принимает странный желтоватый оттенок, который кажется чем-то более опасным, чем

просто тень от свечи.

- Немедленно вызовите врача Его Величеству, - королева пытается усадить короля в кресло, но он отталкивает ее тоже. Она пытается снова. - Милорд, прошу вас, садитесь, вы не в себе...

- Молчи, женщина! - Он так сильно хватает ее за запястье, что она вскрикивает от боли. - Я этого не потерплю, слышишь? Я король, я Соланум, - он задыхается и хватается за скатерть, стаскивая на пол тарелки и стаканы. - Я этого не потерплю...

Придворные кричат, слуги бросаются вперед, королева падает в обморок, а мой дядя...

Глаза моего дяди выпучиваются, и он валится на пол без чувств.

Глава десятая

Атмосфера при дворе изменилась. Прошло три дня с тех пор, как король захворал, и все официальные мероприятия на это время (банкеты, концерт, запланированный на празднование Дня рождения короля) были отменены. Мы живем, подкрепляясь слухами и домыслами: королю хуже, король выздоравливает, король умирает. Такое чувство, что все при дворе за ним наблюдают. И ожидают. Пытаюсь заглянуть в будущее, определить, не собирается ли власть отойти от нынешнего королевского дома; не выберет ли какой-нибудь другой потомок Сигнуса этот момент слабости, чтобы заявить свои права на трон. Через Люсьена я получаю приглашения на обед в различные загородные поместья и письма с просьбой о моем покровительстве. Лично я также получаю предложение руки и сердца от Грейлинга Рена из Фениана и предложение «защиты» от Ардена из Дакии. Прежде чем ответить кому-либо из них, я советуюсь со своим клерком.

- Что он имеет в виду, говоря о защите? Защита от кого? От Патруса? - Я стараюсь по возможности избегать ненавистного жениха; каждый раз, когда я его вижу, он убеждает меня немедленно лететь в Бритис и выйти за него замуж.

Люсьен качает головой:

- Вы слишком узко мыслите. Мы все здесь играем в игру: держись за власть, которой обладаешь, заимствуй ее у других, если можешь, и что бы ни случилось - чего бы это ни стоило, - не будь тем, кто проиграет. Арден не может жениться на вас сам, не сейчас. Но когда король болен, он видит возможность отделить вас от Патруса и от Зигфрида, чтобы объединить Атратис с интересами Дакии.

- Но даже если король болен, у него двое детей. И королева.

- Похоже, она в основном озабочена состоянием здоровья своего мужа и тем, чтобы свадьба Одетты состоялась; по крайней мере, таким образом доминион Олорис останется верен монархии, - он сверяется со своей записной книжкой. - Это напомнило мне, что вам предстоит еще одна примерка платья невесты.

- А вы не думаете, что остальные доминионы останутся верны Арону и Одетте?

- Арон, к сожалению, не имеет отношения к делу, поскольку Собрание отодвинуло его. Одетта... - Он поджимает губы и бросает на меня косой взгляд. - Она еще менее политизирована, чем вы. Она пешка. Я не уверен, что она когда-нибудь станет настоящей королевой.

- Мне кажется, вы ее недооцениваете. И ее брата, - мы оба замолкаем. Письмо Ардена лежит у меня на коленях; я начинаю складывать и разворачивать один из уголков. - А как же Зигфрид?

Несмотря на болезнь короля, Зигфрид держится своего плана и вернулся в Олорис. Часть меня скучает по нему, несмотря на его ошибочные предположения и пренебрежение чувствами Одетты. Я не могу перестать думать о том, где он может быть и что он может узнать о смерти моей матери. И все же я рада, что мне не придется видеться с ним, по крайней мере какое-то время.

- То, что он сейчас покидает двор, - хороший знак, не так ли? Я имею в виду, что у него больше честности, чем у других.

- Все зависит от того, почему он ушел, - темные глаза Люсьена вопросительно смотрят на меня, но я не отвечаю. - Он уже контролирует Олорис с практической точки зрения. Он собирается стать королем, что даст ему власть над Собственностью Короны. И благодаря вашей дружбе, - он делает ударение на слове, которое мне не нравится, - он может попытаться оказывать влияние на Атратис.

Я открываю рот, собираясь возразить, что Зигфрид не контролирует и не будет управлять мной. Но, конечно, Люсьен прав. Если я не найду способ трансформироваться, не полагаясь на зелья Зигфрида, он обязательно найдет.

Поскольку королева в основном изолирована в королевских апартаментах, ухаживая за своим мужем, принц и принцесса больше, чем когда-либо, предоставлены сами себе. Я

начинаю завтракать с Одеттой. После того, что сказал и сделал Зигфрид, я беспокоюсь о будущем счастье моей кузины. Она заслуживает лучшего, чем тратить свое время на мечты о романе, который ее жених, кажется, не может дать ей. Я стараюсь как можно деликатнее осведомиться, не изменились ли ее желания. Но Одетта не хочет говорить о своем браке, она только соглашается, что королева должна продолжать планировать свадьбу. Она не будет втянута ни в обсуждение будущего королевства, ни в его законы; она просто смеется и говорит, что я слишком серьезна и что какое это все имеет значение, пока у нас есть чистое небо, в котором можно летать. Я понимаю, что она защищается, и мне жаль ее.

Мои отношения с Ароном до сих пор не восстановлены. Но однажды утром он загоняет меня в угол в прихожей.

- Кузина. Я так понимаю, ты не полетишь сегодня днем?

- Нет. - Я чувствую, как будто я должна придумать оправдание. - Люсьен думает, что позже может начаться гроза.

- Значит, Руквуд теперь эксперт по погоде? - Он выгибает бровь. - Я и понятия не имел, что он настолько талантлив. Мое предположение основывалось на отсутствии лорда Зигфрида - я скорее предполагал, что твой внезапный всплеск интереса к полетам был больше связан с его привлекательностью, чем с прелестью полета. Но я полагаю, что грозы могут тебя испугнуть.

Я вздыхаю и скрещиваю руки на груди.

- Арон, у тебя есть реальная причина говорить со мной или ты просто хочешь оскорбить меня? Потому что, если последнее, у меня действительно нет времени, - он все еще ухмыляется. - Прости, что я забыла покататься с тобой, но тебе не кажется, что ты уже достаточно наказал меня? Если пытаешься причинить мне боль, то тебе это удалось. - Я пытаюсь уйти. Но Арон зовет меня.

- Кузина...

- Что?

- Прокатись со мной сегодня после обеда.

- Значит, ты сможешь целый час рассказывать мне, какой будет моя жизнь, когда я выйду замуж за Патруса, и как он собирается... - Я замолкаю, даже мысль о Патрусе вызывает у меня отвращение. - Не думаю, что смогу. Кроме того, у меня есть работа. Виржиния из Ланкорфиса хочет посоветоваться со мной по поводу еще одного ходатайства о расширении доли для бескрылых. Теперь я могу идти?

- Просто... послушай меня на минутку. - Арон смотрит на пустой рукав своей туники и начинает теребить свободную нитку. - Я думал... я думал, что ты такая же, как я. Я думал, что, что бы ты ни утверждала, наконец-то при дворе есть кто-то еще, кто не умеет летать, кто-то, кто поймет, что я чувствую. А потом, когда я увидел тебя с Зигфридом, в то утро... - Он сглатывает и переводит дыхание. - Это меня разозлило, слишком разозлило, чтобы я мог ясно мыслить. Извини. Мне жаль, что я причинил тебе столько неудобств.

Я прикусываю губу. Часть меня хочет сказать ему правду: *я такая же, как ты*. Мое выздоровление - ложь: я все еще не могу трансформироваться, и в итоге я дала Зигфриду больше власти над собой, чем вообще могла себе представить.

- Я понимаю, Арон. - Он не поднимает глаз, и я касаюсь его руки. - Во сколько ты хочешь пойти?

- В восьмом часу? - Он вдруг улыбается, и на этот раз я вижу в нем мальчика, человека, которым он мог бы стать, если бы не его ужасный отец, и то, как его будущее и мечты были вырваны у него. - До того, как объявятся грозы Руквуда.

Несмотря на извинения Арона, я не особенно рада нашей поездке. Но мой кузен ведет себя как нельзя лучше. Он не упоминает ни о Патрусе, ни о Зигфриде и приберегает большую часть своего сарказма для королевы, которую он обвиняет - насколько я могу

судить, только из-за своей неприязни, – в том, что она каким-то образом способствовала болезни его отца. Когда я говорю, что мне жаль ее, что у нее, возможно, не было выбора в принятии предложения его отца, он усмехается и отмахивается от моих слов. Но при этом сохраняет хорошее настроение и приглашает меня отобедать с ним и его сестрой.

Если не считать нескольких раз, когда я ужинала с Летией, это был самый непринужденный ужин с момента нашего прибытия в Цитадель. Арон, похоже, старается быть менее язвительным и не тратит все свое время на придирки к людям. В присутствии брата Одетта не упоминает ни о Зигфриде, ни о свадьбе, и она удивительно остроумна. Вдали от моего дяди и гнетущей формальности придворных банкетов мои кузены более расслаблены, более спокойны, чем я когда-либо видела их.

Когда проходят дни, а мой дядя все не поправляется, хотя его врач часто предсказывает, что Его Величество вернется к своим обязанностям на следующий день или, самое позднее, послезавтра, мы приступаем к рутинной работе. В те дни, когда я ужинаю с Летией, я езжу верхом с Ароном. А в те дни, когда я езжу с Летией, я ужинаю с кузенами. Единственный человек, с которым я почти не встречаюсь, – это Люсьен. Освобожденный от необходимости сопровождать меня на официальные придворные мероприятия, он, судя по тому, что сказала мне Летия, большую часть времени проводит в одиночестве. Однажды днем, после того, как письмо для него было по ошибке включено в мою почту, я решаю использовать этот случай в качестве предлога и отправиться на его поиски.

Несмотря на дар Летии собирать сплетни, я немного удивляюсь, обнаружив, что он действительно находится в своей комнате, когда я стучу. Он открывает дверь, и его глаза расширяются.

– Ваша Светлость. Что случилось?

– Ничего. У меня есть для вас письмо, вот и все, – я протягиваю ему конверт, и он стоит, уставившись на него, как будто там может быть какое-то невидимое послание, которое станет ясным, если он будет смотреть на него достаточно долго. – Оно было доставлено мне по ошибке.

– О. Я вижу.

Теперь он смотрит на меня, и я замечаю, что его глаза покраснели, как будто он очень устал или плакал.

– Можно мне войти?

Он молча открывает дверь шире и отходит в сторону.

В его комнате полный беспорядок. Она меньше моей и служит одновременно спальней и гостиной. Постель застелена – об этом, скорее всего, позаботился слуга, – но на полу разбросаны бумаги, кипы романов и тетрадей, повсюду валяются свитки.

Я оглядываюсь, пытаюсь найти место, где можно присесть.

– О, позвольте мне передвинуть их, – он хватается стопку книг со стула, ищет свободное место, чтобы положить их, и добавляет их в другую стопку. Вся эта постройка опасно шатается.

– Люсьен, пожалуйста, скажите мне, что вся эта работа не из-за того, что вы мой служащий. Несомненно, вам нужен помощник, или...

– Нет. Это не имеет никакого отношения к Атратису. Я имею в виду, кое-что из этого относится, но... – Он показывает на картину красивого квадратного дома, стоящего на камине. – Многие связаны с Хэтчлендсом. У моей матери плохое здоровье, а мой младший брат занят учебной. Кто-то должен позаботиться о делах поместья.

Чувство вины заставляет меня поежиться. Почему лорд Ланселин приказал Люсьену явиться ко двору вместе со мной при таких обстоятельствах?

– Ваш отец... не осознает, какую ношу вы взвалили на себя.

Лицо Люсьена каменеет.

- Мой отец занимается только Мерлом и управлением доминионом. Это его приоритет. Так было всегда.

В его голосе слышится горечь, та самая горечь, которую я заметила, когда подслушала, как они с лордом Ланселином спорили в библиотеке несколько недель назад.

- Это моя вина. - Я смотрю на свои руки, на кольцо защитницы, с осуждением поблескивающее на моем указательном пальце; тяжелый золотой ободок вспыхивает над квадратом, с глубоко вырезанным внутри гербом дома Сигнуса Атратиса. - Когда умер мой отец, я не хотела брать власть в свои руки. Мне не хотелось тратить время на споры и переговоры о заключении договоров. Простите, Люсьен. Когда мы вернемся, я постараюсь, я...

- Это не из-за вас, миледи. Из того, что я узнал, верность моего отца была установлена задолго до вашего рождения. До того, как мы оба родились. Когда он и ваш отец были молоды... - Он пожимает плечами и толкает свиток носком ботинка. - Наверное, ему не следовало жениться, но он женился. Он любит мою мать, но никогда не любил ее так сильно, как вашего отца.

Все эти годы, что я росла там, и все годы, что лорд Ланселин жил в Мерле, а не в собственном доме... я понятия ни о чем не имела. Знал ли мой отец, что чувствует Ланселин? Было ли ему не все равно?

- Простите, - повторяю я, потому что не могу придумать, что еще сказать. Пока не слышу урчание в животе Люсьена. - Приходите сегодня вечером ужинать со мной, Ароном и Одеттой. Мы сидим вместе в комнате Арона.

- Нет. Арон меня недолюбливает. Это было бы весьма неловко. И, кроме того, меня не приглашали.

- Я вас приглашаю.

- Но еда подается не в ваших комнатах, - его челюсти сжаты, я вижу, что он будет упрячиться.

- Хорошо. Тогда я достану вам приглашение.

Он качает головой:

- Ваша Светлость.

Я грожу ему пальцем:

- Я категорически запрещаю вам пропадать.

Я посылаю Летию сначала проверить конюшни (конюхи не любят, когда дворяне появляются без предупреждения и пугают лошадей). Она возвращается с вестью, что Арон вернулся с прогулки около часа назад - он должен быть где-то во дворце. Я брожу из комнаты в комнату, иду через сад и в конце концов нахожу его в храме. Я немного удивлена: сегодня не День красных угольков, а Арон никогда не казался мне особенно религиозным. Он стоит в большом пустом зале, который является ядром храма, и смотрит на изображение на потолке: Творец в виде Жар-птицы, вылетающей из центра звезды.

- Красиво, не так ли? - Он показывает на сверкающую мозаику, из которой выложена картина. - Как родился мир в огне, так в нем и сгорит.

Я узнаю в его словах цитату из литании, хотя и не могу вспомнить, какой именно.

- Это прекрасно. Хотя я не уверена, что хочу закончить в пламени, - тень безымянного человека, сожженного Патрусом, беспокойно шевелится в глубине моего сознания, смешиваясь с огнем и дымом последнего полета моего отца. - У меня к тебе просьба,

кузен.

Он приподнимает брови, выжидая.

- Могу я пригласить Люсьена поужинать с нами сегодня вечером?

На лице Арона мелькает выражение отвращения.

- И это все? Я думал, ты собираешься спросить меня о чем-то стоящем.

- Например?

- Например, убью ли я ради тебя Патруса? Я бы определенно согласился, кстати. Может, я и не умею летать, но меч в моей руке точно имеет силу. Достаточную, чтобы рассечь его вялую плоть.

- Ну... я буду иметь это в виду. Но как насчет Люсьена? Я знаю, что он тебе не очень приятен...

- Ошибаешься, кузина. Я терпеть его не могу.

В его голосе столько обиды, что я на время замолкаю.

Арон закатывает глаза:

- Полагаю, ты можешь привести его. Если это необходимо.

- Спасибо. Сейчас он выглядит таким грустным. Я думаю, что его мать нездорова, и...

- Избавь меня от жалких подробностей. Я ведь сказал «да», не так ли?

Я делаю глубокий реверанс, что заставляет его улыбнуться.

- Тогда до вечера, Ваше Высочество, - я возвращаюсь к главному входу, но, выходя из храма, оборачиваюсь: Арон снова уставился в потолок.

Люсьен прибрался, пока меня не было; книги и бумаги все еще там, но свалены в кучу в углу комнаты.

- Хорошие новости, милорд: теперь вы официально приглашены на ужин. - Он не выглядит особо довольным. - Вы можете проводить меня в покои принца в двенадцатом часу.

Он склоняет голову.

- Конечно, Ваша Светлость. Мое единственное желание - служить.

Я сдерживаю саркастический комментарий, который срывается с моих губ. Тем не менее в течение последующих часов я не могу не волноваться, что принуждение Люсьена и моего кузена находиться вместе может закончиться катастрофой. Мы с Летией проводим весь день вместе, но в конце концов ей надоедает мое хождение по комнате, и она говорит, что я должна сделать что-то полезное. Вспомнив о своем обещании Люсьену, я поворачиваюсь к стопкам почты, лежащим на моем столе. Ответы на письма или заметки, которые требуют дальнейшего рассмотрения, заставляют меня сосредоточиться. Двенадцатый час наступает быстрее, чем я ожидала.

Наша трапеза начинается не очень хорошо. Арон в своем худшем язвительном настроении, а Люсьен находит убежище в односложном поведении истукана. Бремя ведения светской беседы ложится на нас с Одеттой, и поначалу мы изо всех сил стараемся. После обсуждения погоды, болезни короля и сообщений о возможной войне между Фрайанландией и Селонией, двумя нашими ближайшими соседями, воцаряется молчание. Отчаявшись, я уже готова приступить к последним новостям, полученным от лорда Ланселина, - к разработке нового стального пера железным мастером в Атратисе, - когда Одетта поворачивается к Люсьену:

- Вы помните тот случай, когда вы с Ароном украли форму темных стражников и бочонок ледяного вина?

Люсьен отшатывается, краснеет, смеется.

- Я едва ли могу забыть. Это было всего четыре года назад.

- Пять, - комментирует Арон. - Нам обоим было по четырнадцать лет.

- Совершенно верно, - Люсьен хмуро смотрит в окно. - Но что мы собирались делать с вином? У нас действительно был план?

- Мы собирались напоить отца Зигфрида, а потом заставить его сказать что-нибудь нескромное, затем переодеться стражниками и сделать вид, что арестовываем его за измену.

Арон и Люсьен когда-то были друзьями? Мое удивление быстро сменяется любопытством. Но я не хочу срывать этот разговор.

- И вы решили, что это будет забавно? - спрашиваю я, взглянув на Одетту.

Она пожимает плечами.

- Он это заслужил, - отвечает Люсьен. - Аурик из Олориса - один из самых неприятных людей, которых я когда-либо встречал. О его поведении всегда ходили слухи, - он склоняется ближе к Арону. - Ты помнишь?

- Действительно. Эта семья издавна славилась своей склонностью к насилию. Поговаривали, что они вырезали языки своим бескрылым слугам, чтобы те не могли повторить то, что слышали. Хотя это, конечно, только слухи.

Я думаю о Гите, ее непрерывном молчании и вздрагиваю.

- Ну... - Одетта поднимает бровь, глядя на брата. - Мне жаль Зигфрида. Ты можешь себе представить, каково это - расти с таким отцом? Удивительно, что у него все так хорошо сложилось.

Арон и Люсьен переглядываются, но Люсьен просто говорит:

- Трудно винить Зигфрида в том, что он взял власть в свои руки и положил конец придворным визитам Аурика, как только достиг совершеннолетия.

- А разве отец Зигфрида не страдает подагрой? - Я перевожу взгляд с Арона на Люсьена. - Я думала, именно поэтому его здесь нет.

- Моя дорогая кузина, - Одетта выковыривает из своего блюда еще одного лунного моллюска, - у него всегда подагра. Это самый продолжительный приступ подагры в истории. Его уже три года не видели при дворе.

- Вообще-то мне интересно, убил ли его Зигфрид, - говорит Арон.

Одетта пинает его в лодыжку.

- Оставь моего жениха в покое и расскажи нам, что случилось с бочонком вина. Ты напоил Аурика в конце концов?

- Нет, - Люсьен смотрит на Арона и улыбается. - Мы сперва решили попробовать сами. Мы отпили немного, потом еще немного...

- В итоге мы были абсолютно пьяны и потеряли сознание. По крайней мере, я так припоминаю. Те события в моей памяти немного затуманены, - Арон проводит рукой по лицу. - Разве тебя не стошнило в шлем?

- Я думаю, нас обоих стошнило, - Люсьен снова смеется. - А потом в наказание твой наставник заставил нас надеть их...

Одетта вскакивает и дергает за колокольчик, чтобы позвать слугу.

- Довольно, вы заставляете меня чувствовать себя еще хуже. Я хочу немного десерта.

Я знала, что Люсьен был при дворе в течение нескольких лет, будучи подростком, но я не думала о том, что он вырос с Ароном и Одеттой. Я снова задаюсь вопросом, что же произошло между двумя мальчиками, что разрушило их дружбу.

Ни один из них не упоминает об этом. И когда я спрашиваю Одетту на следующий день, она утверждает, что не знает.

По мере того как болезнь моего дяди затягивается, мы вчетвером привыкаем друг к другу. Я почти забываю о короле. Зигфрид все еще отсутствует при дворе, заставляя меня ждать известий об убийцах моей матери; я чувствую, что момент мести, момент, о котором я так долго мечтала, уже близок. Но я не вижу того, что лежит за ним. Поэтому стараюсь не думать ни об Олорисе, ни о Зигфриде. К сожалению, игнорировать Патруса становится все труднее. Я узнала от Люсьена, что он пытался встретиться с королем, чтобы получить разрешение жениться на мне в храме у дворца без дальнейших проволочек. Но королева отказывается впустить его, поэтому я не придаю особого значения его поведению, которое кажется скорее раздражающим, чем опасным.

Однажды вечером я остаюсь сидеть допоздна: ночью должен начаться звездный дождь, и небо в это время особенно чистое, поэтому я планирую взять свой телескоп – телескоп моей матери – на вершину одной из башен. Увлечение астрономией было одним из первых даров, которые подарила мне мать. Я отчетливо помню, как стояла на вершине самой высокой башни в Мерле, когда она указывала на свои любимые созвездия: Охотница, Лебеди, Диадема. К тому же сегодня вечером Люсьен сказал, что сможет присоединиться ко мне. Раздается стук в мою дверь, и я предполагаю, что это он.

– Войдите. – Я тщательно пытаюсь собрать медную подставку телескопа, чтобы не смотреть вверх. – Я так рада, что вы решили прийти, Люсьен. Даже из окна виднеется...

– Добрый вечер, Адерин.

– Патрус... Что вы здесь делаете?

– Пришел... убедить вас. Очевидно, – единственное, что очевидно, – это то, что он пьян. Он одет в мантию, в его руке деревянный жезл, с которым он был в Дофлере. – Сейчас самое время... – Он замолкает, слегка покачиваясь, и моргает, глядя на телескоп, стоящий на столе между нами. – Что это такое?

– Телескоп.

– Телескоп. А вы знаете, что это такое? – Он показывает на деревянный прут.

– Это палка. Пожалуйста, покиньте мою комнату.

– Нет. Это жезл... – Он рыгает. – Поправка. Для бескрылых слуг. И непослушных жен.

Я помню его решительное желание мучить людей в Дофлере и его мертвых жен, а еще намеки Арона, и ужасное подозрение закрадывается в мой разум. Я отступаю от него.

– Я не ваша жена и никогда ею не буду. Вы чудовище. А теперь убирайтесь.

Но он не двигается. Вместо этого он поднимает жезл и швыряет телескоп, подставку и все остальное на пол. Стекло разбивается и разлетается по полу.

– Что вы наделали? Это был телескоп моей матери, вы...

Патрус снова поднимает жезл.

– Мой телескоп. Точно так же, как и вы моя, и Атратис – мой. А теперь меняйте облик. Мы улетаем... – Он делает паузу, качая головой. – Мы улетим отсюда. Женитесь завтра в моем замке.

Он даже пьянее, чем я думала, если верит, что может заставить меня превратиться. Я бросаю взгляд на колокольчик, висящий на другом конце комнаты, и на раскачивающуюся фигуру Патруса. Конечно, конечно, я должна успеть туда раньше его...

Я выскакиваю из-за стола и бросаюсь вперед.

Боль вспыхивает одновременно в плечах и руках, когда он ударом выбивает из моей груди дыхание, сбивая меня на землю, прямо на разбитое стекло. Рука Патруса поднимается для нового удара, поэтому я изо всех сил пинаю его в пах, из-за чего он с ревом роняет жезл. Но когда я пытаюсь встать снова, он хватает меня, толкает на колени, снова хватает, и я чувствую, как его ногти царапают мою кожу, когда задняя часть моего платья задирается. Передо мной стол, на нем лежат пряжа и спицы Лети. Я оглядываюсь и вижу, как Патрус снова тянется к палке, поэтому бросаюсь к вязальным спицам, хватаю их, размахиваюсь так сильно, как только могу, мой противник даже спотыкается...

Патрус кричит и падает. Дверь в мою комнату распахивается.

- Адерин! - Люсьен подбегает к звонку и резко дергает его. Затем он оказывается рядом со мной, кладет руки мне на плечи. - Адерин, посмотрите на меня. Вы ранены?

Я не могу сдержать рыданий.

- Адерин... Я здесь, - он обнимает меня и крепко прижимает к себе, пока мой плач не стихает. - Вы в безопасности. Просто скажите мне, что случилось.

- Он разбил мой телескоп, хотел, чтобы я улетела с ним, и ударил меня... Я... - Я провожу рукой по щекам. - Я не знала, что еще делать. - Патрус лежит на боку, корчится и стонет, схватившись за лицо. - Он умирает? Почему здесь так холодно?

- У вас шок, - Люсьен стаскивает покрывало с ближайшего дивана и накидывает мне на плечи.

В дверях появляется Летия и ахает.

- О, Адерин...

- Летия, - приказывает Люсьен, - найди гостевого хозяина. Скажи ему, что произошел несчастный случай и что нам нужны стражники и лекарь.

Она убегает, а мне ничего не остается, как ждать; мои руки и ноги дрожат так сильно, что я не могу пошевелиться, даже если захочу. Люсьен остается рядом со мной на полу, даже когда Летия возвращается с гостевым мастером, лекарем и тремя темными стражниками. Доктор осматривает Патруса, а затем он и гостевой мастер подходят к нам.

- Ну что? - спрашивает Люсьен.

- Глаз поврежден без возможности восстановления и должен быть удален, чтобы избежать инфекции. Однако я верю, что Его Светлость полностью выздоровеет.

- К счастью для него, - Люсьен подзывает гостевого мастера. - Уведите его отсюда. И если члены Собрания не будут проинформированы об этом нападении на Атратис к тому времени, как я покину эту комнату, я буду считать вас лично ответственным.

- Конечно, милорд. Могу ли я сказать, что глубоко потрясен тем, что такое событие могло...

- Уйдите, - я говорю негромко, но гостевой мастер вскакивает, кланяется и почти бежит, чтобы поторопить стражников, уносящих Патруса из комнаты.

- Ваша Светлость... - Лекарь стоит передо мной на коленях. - Могу я осмотреть вас? Если есть какие-то спорные моменты по поводу событий этого вечера...

- Какие тут могут быть спорные моменты? - Люсьен обнимает меня за плечи. - Он был в ее комнате.

- Люсьен... Я не возражаю.

Он хмуро смотрит на лекаря, но ничего не говорит, помогая мне забраться на диван.

- Теперь я вижу, что у вас порезы на руках. Боюсь, мне придется убрать этот осколок... - Я крепко зажмуриваюсь и стискиваю зубы, пока лекарь выковыривает осколки пинцетом. Боль, кажется, длится вечно, но Люсьен продолжает держать меня, и, наконец, она заканчивается. Доктор прикладывает что-то прохладное и успокаивающее, перевязывает мои ладони.

- Вот и все, Ваша Светлость. Есть ли другие травмы?

- Мое плечо. Он ударил меня вот этим, - я киваю в сторону палки, все еще лежащей на ковре.

- Если вы только снимете одеяло...

Я колеблюсь, глядя на Люсьена.

- Адерин? В чем дело?

- У меня вся спина в шрамах. Я не люблю, когда на нее смотрят.

- Здесь только я и лекарь. Может, все не так уж и страшно.

Волна усталости накатывает на меня, и я зеваю; я просто слишком устала, чтобы спорить. Откинув одеяло с плеч, я отбрасываю волосы вперед.

- О, - лекарь, кажется, шокирован. - Мне очень жаль, Ваша Светлость, - он прочищает горло. - Но, к счастью, свежие раны только поверхностные. Они должны быстро зажить, даже поверх шрамов. Я их почищу, а потом смешаю мазь, которую нужно наносить два раза в день.

- Я могу это сделать, - предлагает Летия. Лекарь отводит ее в сторону, тихим голосом давая указания, и Люсьен снова накрывает мои плечи одеялом. Он садится рядом со мной на диван.

- Почему вы никогда не говорили мне об этом?

- Вы знали, что на меня напали, когда убили мою мать.

- Да, но я думал, что вы отделались несколькими царапинами. Я не знал, как сильно они вас ранили. Они все еще болят?

- Иногда. Если кожа становится слишком сухой. Сначала боль была сродни агонии, особенно когда я пыталась трансформироваться, но теперь... - Я замолкаю, прежде чем случайно упомяну о зелье, которое дал мне Зигфрид. - Шрамы, что ниже, получены от когтей. Те, что наверху, - от клюва. Один из ястребов схватил меня и пытался... пытался... - не знаю, почему я не могу произнести эти слова вслух; когда я закрываю глаза, то все еще чувствую, как когти пронзают мою поясницу, а клюв отрывает полоски плоти с моих плеч. - Мне действительно повезло. Мне могли сломать позвоночник.

Я поднимаю глаза и вижу, что Люсьен смотрит на меня потрясенно. Я вдруг вспоминаю, как отец стоял у моей постели и смотрел на меня, когда я приходила в себя после приступа, его лицо было искажено страданием и горем. В течение нескольких недель он был до того напуган, что боялся прикоснуться ко мне, на случай, если это каким-то образом усугубит боль.

- Не смотрите на меня так. Я не хочу, чтобы меня жалели. В конце концов, я жива.

Он краснеет.

- Мне жаль ребенка, которым вы были, когда столкнулись с этим. Но как мне теперь вас жалеть? Я знал, что вы храбрая, и это правда... - Он кладет свою руку поверх моей. - Ни один другой защитник не подвергался такому испытанию. Я думаю, что люди должны знать, насколько вы храбры. Я думаю, вам стоит показать свои шрамы.

Я качаю головой, крепче вцепившись в одеяло.

- Они просто увидят, что я ранена. Сломлена.

- Нет. Они увидят, что вы сильны.

Следующие пару дней я не выхожу из своих комнат. Гостевой мастер сообщает мне, что Патрусу приказано покинуть двор; очевидно, у него много врагов и мало друзей. Никто, кажется, не скорбит по нему. Я также получаю записку от королевы, в которой она выражает мне свое сочувствие, уверяет в доброжелательности и просит поужинать с ней, как только я поправлюсь. Это происходит, когда я сижу с Ароном, Одеттой и Люсьеном.

- Если бы я не знал тебя лучше, кузина, - говорит Арон, вырывая письмо из моих пальцев и просматривая его, - я бы почти заподозрил, что это был преднамеренный шаг с твоей стороны. Ты очень аккуратно избавилась от Патруса.

Я смеюсь, но Одетта грозит брату пальцем:

- Арон, как ты можешь так говорить? Представьте себе, если бы Патрус преуспел в своей цели...

- Но он не мог этого сделать, - замечаю я. - Он не мог заставить меня превратиться силой. И он не потрудился приобрести какое-либо влияние. Если бы он появился здесь с Летией и угрожал причинить ей вред, я бы сделала все, что он попросит.

- А что, если бы вместо этого он оказался с Люсьеном? - спрашивает Арон, искоса поглядывая на моего клерка. Когда я хмурюсь и постукиваю себя по подбородку, словно вопрос затруднительный, Люсьен и Арон смеются. Нападение Патруса, похоже, сломило последний оставшийся между ними барьер.

На следующую ночь, решив не пропустить звездный дождь, я беру у Арона подозрительную трубу, поднимаюсь на вершину ближайшей к моей комнате башни и смотрю, как серебристый свет струится сверху, рисуя яркие нити по следу Жар-птицы, слабой полосе звезд, которая делит ночное небо пополам. Когда время переваливает уже далеко за полночь, я наконец возвращаюсь в свои покои. Коридоры замка пусты, если не считать темных стражников на их бесконечных патрулях. Мой разум полнится красотой того, что я увидела, что я даже забыла о Патрусе, о Зигфриде, о моей неспособности трансформироваться. Сама Серебряная Цитадель кажется мне почти иллюзией по сравнению с бесконечностью небес.

Пока кто-то не хватает меня сзади и не закрывает мне рот рукой.

- Адерин, это я. Не издавайте ни звука.

Зигфрид. Он отпускает меня.

- Вы меня напугали, - шепчу я. - Зачем вы это сделали? И когда вы вернулись?

- Я все объясню. Но вы должны пойти со мной сейчас.

Я колеблюсь. У меня нет ни малейшего желания оставаться наедине с Зигфридом, пока я не дам ему понять, что он ошибается в моих чувствах к нему.

- Конечно, завтра будет...

- Это не может ждать до утра, - он берет меня за руки и притягивает к себе. - Я нашел его, Адерин. Я нашел человека, который убил вашу мать.

Глава одиннадцатая

Я следую за Зигфридом по тихим коридорам. Сначала я предполагаю, что мы направляемся в его комнату. Но вскоре становится ясно, что я ошибаюсь. Он ведет меня вниз, прочь от тех частей Цитадели, которыми пользуются дворяне, в царство бескрылых: кабинеты, кухни, кладовые, подземелья.

Наконец мы добираемся до места, которое кажется заброшенным: комнаты, заставленные старой мебелью, дровами, груды заплесневелой ткани, которая когда-то могла быть одеждой. В желтоватом свете, отбрасываемом свечой Зигфрида, что-то мелькает в тени: круглый щит с выбитым на нем орлом. Мы, должно быть, идем по следам дома Аквилы, предыдущей королевской династии. Полагаю, когда Сигнус I пришел к власти, замок был очищен, а имущество побежденных жителей оставлено здесь гнить.

Зигфрид протягивает мне свечу, отпирая дверь. Я моргаю от внезапного яркого света; в комнате, куда мы входим, горят лампы, и два стражника со знаками отличия Олориса сидят за столом и едят.

Когда мы входим, они поднимаются на ноги.

- Милорд.

- Поднимите его.

Стражники натягивают тяжелые кожаные перчатки, подходят к люку в углу комнаты и отпирают его. Один берет лампу, другой – вилы, прислоненные к стенке, и после они вместе спускаются. Я слышу приглушенные голоса, произносящие команды и ругань. Снова появляется человек с лампой. За ним, спотыкаясь, по лестнице поднимается со связанными за спиной руками накрытый кожаной накидкой седовласый мужчина; лицо его распухло и обезображено синяками. Второй охранник пролезает через люк и пихает человека вилами в спину, заставляя его растянуться у ног Зигфрида, где он лежит, стонет и дергается.

Зигфрид жестом указывает на мужчину:

- Оборотень и оставшийся в живых член семейства ястребов. Кто-то, кто, согласно официальной истории, не должен существовать. Еще один подарок для вас, Адерин.

Я всматриваюсь в мужчину, но это не помогает: те, кто напал на меня и мою мать, были в облике ястребов. Этот человек может быть одним из них, но я не могу сказать точно.

- Откуда вы знаете, что это был он?

- Скажи ей свое имя, мерзавец, – человек раздражается длинной, нечленораздельной чередой рычаний и проклятий, пока Зигфрид не пинает его в живот. – Скажи ей свое имя.

- Дикс... Дикс Флейфезер.

Имя на клочке бумаги. Но все же я сомневаюсь. Я могу быть уверена только в одном.

- Что моя мать сказала тебе перед смертью?

Он игнорирует меня. По сигналу Зигфрида один из стражников хватает его и поднимает на колени, другой вонзает вилы ему в шею.

- Спросите его еще раз, – говорит Зигфрид.

- Что тебе сказала моя мать перед смертью?

- Какая мать? Моя мать умерла, – он начинает бормотать что-то невнятным, певучим голосом.

Зигфрид хватает его за лицо, заставляя посмотреть на меня.

- Скажите ему, кто вы.

- Я Адерин из Атратиса. Моей матерью была Диандра из Атратиса. Она умерла шесть лет назад, когда на нее напали два ястреба.

Левый глаз мужчины заплыл и закрылся. Но резкий взгляд другого, с оранжевой радужкой, пронзает меня.

- Теперь я тебя вспомнил. Вспомнил свои когти в твоей спине. Красная кровь на фоне белых перьев.

- Если ты помнишь, скажи мне, что сказала тебе моя мать перед тем, как ты убил ее.

- Она сказала: «Пощадите мою дочь, умоляю вас». А я сказал... - он хихикает, облизывая губы, - я сказал: «Я наброшусь на нее и разорву ее тело на части».

Цитата из литании, строка, которая преследовала меня во сне в течение нескольких месяцев после нападения. Когда он произносит эти слова, его голос эхом отдается в моей памяти. Мое сердце колотится, и я спотыкаюсь, опираясь о стену.

- Где?.. Где вы его нашли?

- В горах, недалеко от Дофлера. Когда-то члены его семьи были землевладельцами. Те немногие из них, кто пережил войну, вернулись туда обратно, где, как они знали, можно было спрятаться. Какое-то время они продолжали род, спариваясь со своими же. Но он последний, по докладу моих людей.

Я подхожу ближе к пленнику и сажусь перед ним на корточки.

- Почему? Зачем ты это сделал?

Мужчина переводит взгляд на Зигфрида.

- Агарика, - он делает долгий, прерывистый вдох. - Ты обещал мне.

- Агарика? - спрашиваю я. - Что это такое?

- Наркотик, который бескрылые употребляют в некоторых районах. К нему легко привыкнуть. Оказывается, он вызывает чрезвычайное привыкание у нашего вида, - он поворачивается к мужчине: - Ответь ей. Тогда посмотрим.

Мужчина пожимает плечами:

- Он предложил мне деньги. Много денег. Он взял мою сестру в плен, чтобы убедиться, что я сделаю то, что мне велели, - он моргает, глядя на меня. - Ты должна была умереть. Это вышло мне в пятьсот золотых только потому, что ты не умерла. Это стоило моей сестре руки.

- А второй ястреб?

- Мой брат. Два года назад я работал на кое-кого в Бритисе. С тех пор ничего не слышно. Бедный брат пропал. Мой бедный брат умер и улетел...

- А человек, который вам заплатил, - он объяснил вам причину? Почему он хотел, чтобы я и моя мать умерли?

- Я не спрашивал. Мне было все равно.

Остался только один вопрос. Теперь, когда дело дошло до главного, мне странным образом не хочется встречаться лицом к лицу с человеком, который заказал убийство моей матери, не хочется, чтобы мои подозрения подтвердились. Но я заставляю себя произнести это слово.

- Кто?

Мужчина ухмыляется, обнажая полный рот сломанных зубов.

- Король.

Брат моего отца. Человек, который в свое время, предположительно, любил мою мать. Я должна бы ужаснуться. Но я не чувствую ничего, кроме тупой боли под грудной клеткой.

Зигфрид наблюдает за мной. Я заставляю себя подняться на ноги.

- Вы знали?

- Я подозревал. Как и ваш отец.

Еще один секрет, который он скрывал от меня. Но, видимо, обсуждал с Зигфридом.

- Что он вам сказал?

- Он догадался, что король хочет две вещи: мести за то, что ваша мать предпочла ему вашего отца, и Атратис.

- Но я не погибла. И больше на меня никто не нападал...

- Вас тщательно охраняли. Вы никогда не покидали Мерл. Вас никогда не посылали жить при дворе, как всех благородных детей, - он пожимает плечами. - Его Величество убедил себя, что, когда придет время, вас можно будет просто отодвинуть в сторону.

Грызущая боль в животе нарастает. Почему мой отец не поговорил со мной? Почему он не поделился со мной своими подозрениями?

Пленник пытается вырваться из рук стражников, получая удар вилами.

- Что вы хотите с ним сделать? - спрашивает Зигфрид.

Наверное, я хочу, чтобы он умер. Я уже давно планировала, как убью его, если когда-нибудь найду. Как я возьму нож, вскрою ему брюхо и оставлю истекать кровью. Жертва в память о моей матери. Из углов комнаты сползаются тени, рядом в ожидании парит призрак моего отца. Вот почему я пришла сюда. Уничтожить тех, кто пытался уничтожить меня...

Но я не могу пошевелиться. Не могу поднять руку, чтобы схватить меч, который один из стражников оставил лежать на столе.

Зигфрид шепчет мне на ухо:

- Скажите эти слова, Адерин. Что вы хотите, чтобы я сделал?

Темнота приближается.

- Я хочу... я хочу, чтобы вы убили его для меня.

Позади меня вздыхает Зигфрид.

- Агарика, - мужчина выплевывает это слово. - Ты же обещал.

- Я обещал, разве нет? Ну что ж, хорошо. - Зигфрид кивает стражнику с вилами, тот кладет оружие в сторону и тащит деревянный сундук от двери, туда, где стоит на коленях мужчина. Зигфрид открывает его - кажется, он заполнен сухими желтоватыми листьями - и натягивает запасную пару перчаток. Он проводит рукой по листьям, и комната наполняется древесным, затхлым запахом. - Неприготовленная агарика. Очень мощная, но есть в таком состоянии опасно, - он крутит листик между пальцами. - Нижняя сторона покрыта крошечными колючими волосками, в которых содержится кислотный яд. Если он коснется вашей кожи - особенно где-то в чувствительном месте, - вызовет немедленное и очень болезненное вздутие и отек. - Все мы смотрим на лист, который он держит в руке. - Удивительно, не правда ли, как нечто столь маленькое может быть столь смертоносным...

- Нет! - Мужчина пытается вырваться, но оба стражника держат его, стиснув зубы от дискомфорта, который они, должно быть, ощущают даже сквозь толстые слои кожи. - Нет, ты, вонючий лебедь... - Он сжимает губы, но один из стражников зажимает ему нос, пока он не начинает задыхаться. Когда мужчина открывает рот, Зигфрид запикивает в него две пригоршни листьев, а затем крепко сжимает ему челюсть. Глаза мужчины начинают выпучиваться, его сероватая кожа становится фиолетовой, и он дергается и корчится в руках своих похитителей...

Я не отвожу взгляда.

В конце концов его глаза закатываются, показываются белки. Он перестает дергаться. Зигфрид отпускает его голову, закрывает крышку сундука и снимает перчатки. Стражники бросают мужчину на пол и потягиваются, потирая плечи.

- Избавьтесь от него, а потом оставьте нас.

Они подтаскивают тело к люку, открывают его и скидывают труп в темноту. Когда в комнате никого, кроме нас, не остается, Зигфрид поворачивается ко мне:

- Я думал, вы будете довольны, Адерин. Вы не выглядите счастливой. Разве вы не рады, что он мертв?

- Рада, - я киваю. Зигфрид прав: я должна быть довольна. Но я ничего не чувствую. Ни триумфа, ни покоя. Я думаю о своей матери, пытаюсь разворошить угли моей ярости, но не могу вспомнить ее лицо. Зигфрид с любопытством наблюдает за мной. - Откуда вы знаете? Про... - Я указываю на коробку с желтыми листьями.

- О, мастер подземелий, работавший здесь при прежнем режиме, вел скрупулезные записи. Я долго их изучал. При правильном применении агарика может держать людей в агонии несколько дней, - он смеется. - Флейфезер действительно легко отделался. Если бы у нас было больше времени, я мог бы провести несколько экспериментов.

В его голосе слышится некое радостное предвкушение, которое мне о чем-то напоминает...

Патруса, с нетерпением ожидавшего, когда погибнет семья бескрылых.

И вдруг мне кажется, что я снова в Дофлере, потому что до меня снова доносятся мучительные крики бескрылого, когда огонь пожирает его. Снова я чувствую запах горящей плоти, но ничего не вижу. Я вовсе перестаю видеть.

Чьи-то руки обнимают меня. Люсьен, наверное? Должно быть, мне приснился кошмар после созерцания звезд.

- Я так испугалась.

- Вам нечего бояться, Адерин.

Голос Зигфрида. Я открываю глаза, я все еще в комнате под замком. Все это было правдой. Он помогает мне сесть и протягивает стакан воды.

- Мне очень жаль, - не знаю, за что я извиняюсь. Какой-то инстинкт самосохранения?

- Не беспокойтесь. Вы сделали первый шаг и станете только сильнее. Вы должны быть сильной, Адерин, ради того, что лежит перед нами. Сильной ради того, что мы должны сделать, чтобы спасти королевство. - Его темно-синие глаза кажутся почти черными в свете лампы, но напряженность в лице не остается незамеченной. - В тот день в саду мы обсуждали измену: вырезание язвы из сердца королевства. Но разве считается изменой исправить то, что и так разваливается? Вместе с вами мы восстановим Соланум. - Он начинает ходить взад и вперед, подчеркивая свои слова ударом кулака о ладонь. - Мы сделаем все так, как было раньше. Больше никакого общения с бескрылыми, никаких разговоров о том, чтобы позволить им расширить доли или ослабить наши границы. Больше никакой безнравственности среди знати. И никаких ссор между домами. Мы сожжем всю гниль, и тогда, только тогда, наступит момент милосердия.

- Но король и мои кузены...

- Поверьте мне, король больше нас не побеспокоит.

- Ему становится лучше, не так ли? Его секретарь доложил об этом только вчера.

- Ложь. Его пожирает не болезнь. А яд. Медленный, тонкий, незаметный яд, - Зигфрид коротко улыбается мне. - Еще один подарок от моего друга химика, - он машет рукой. - Арон никому не нужен. По сути, он позор - бедный, бескрылый принц. А что касается Одетты...

Я проглатываю панику, нарастающую в груди.

- Вы сказали, что у нас есть способ быть вместе. Вы собираетесь разорвать помолвку с Одеттой?

Он поворачивается ко мне и берет мое лицо в ладони.

- Мы будем вместе, любовь моя. В конце концов, вы и я будем править Соланумом бок о бок, на равных, сидя вместе на лебедином престоле. Но для начала... для начала, я должен жениться на Одетте. Когда король умрет, я буду претендовать на престол как ее муж, поэтому мне придется оставить ее на время...

- Вы не собираетесь ее убивать?

- Конечно, нет. Я собираюсь дать ей то, чего она действительно хочет.

Осознание того, что я заперта в подземелье с сумасшедшим в один миг обрушивается на меня. Если бы я не сидела, то упала бы в обморок. Я делаю глубокий вдох, хватаюсь за подлокотники кресла, сосредотачиваясь на необходимости получить как можно больше информации.

- Я не понимаю.

- Одетта не хочет быть королевой. Ей плевать на королевство. Все, чего она действительно хочет, - это летать. И зелье, которое я дал вам, в более сильной концентрации не просто превратит ее в лебедя, оно оставит ее лебедем. Навсегда, - Зигфрид присаживается передо мной на корточки. - Есть одна вещь, за которую я должен извиниться, любовь моя: я менял дозу, которую давал вам, чтобы посмотреть, как это повлияет на вас - именно это является причиной вашей забывчивости во время преобразования. Это причина, по которой вы забываете человеческие реалии: например, слова или течение времени. Видите ли, я должен был быть уверен. Уверен, что это сработает. Уверен в вас. Вы ведь понимаете, не так ли?

Я машинально киваю, а он смеется и заправляет выбившуюся прядь волос мне за ухо.

- Я знал, что вы поймете. Я возьму Одетту на какое-нибудь отдаленное озеро, когда решу обратиться к ней. Дам ей достаточно большую дозу, чтобы она забыла, что когда-то была женщиной. Всем остальным будет казаться, что она исчезла. После бесплодных поисков и достаточного периода траура я женюсь на вас. Когда Олорис, Атратис и Собственность Короны объединятся, Собрание больше не сможет противостоять нам. Как и другие доминионы. - Он встает и тянет меня за собой. - Мы сметем любое сопротивление. И тогда сможем делать все, что захотим.

- Но вы не можете... - Слова вылетают прежде, чем я успеваю их остановить.

Глаза Зигфрида сужаются.

- Не могу?

Я не уверена, что смогу спасти себя, но я должна хотя бы попытаться спасти свою кузину.

- Вы... вы не можете ожидать, что я буду ждать так долго, чтобы быть с вами. Как вы говорите, Одетта не хочет править. Возьмите меня в жены сейчас, и я уговорю ее отойти в сторону. Вы будете претендовать на престол как мой муж.

Его лицо смягчается.

– Вы хотите этого так же сильно, как и я. Я знал, что вы захотите. Но все должно случиться именно так, как я описал: я не буду рисковать перевесом мнений внутри Собрания или войной между доминионами. Слишком много благородной крови прольется. Но мы не должны ждать. Любовница короля обладает официальной придворной должностью; как только я стану королем, я восстановлю ее, и наш союз будет благословлен почтенными сестрами в храме. Тогда мы сможем быть вместе. – Он целует меня в губы, и я не смею сопротивляться. – Нам пора. Я провожу вас обратно в ваши покои.

На обратном пути через Цитадель мы не разговариваем. Но как раз перед тем, как свернуть за последний угол в коридор, где расположена моя комната, он тянет меня в темный уголок.

– Через два дня я возвращаюсь в Эль’Аммергея, чтобы заняться кое-какими делами. У нас может быть не так много времени наедине до свадьбы, так что помните: это наш секрет. И никому ни слова об этом. Просто ведите себя как обычно, и пусть события идут своим чередом. И не забывайте, что вы мне должны, – он достает из кармана пузырек с зельем и держит его передо мной. – Я держу в своих руках вашу жизнь и вашу власть так же, как и это зелье. Одно слово Собранию, и ваш обман будет раскрыт. Вы потеряете все, любовь моя.

– Пожалуйста... – я едва слышно произношу это слово.

Зигфрид улыбается в темноте и убирает зелье.

– Вы меня понимаете. Я знал, что вы поймете.

Мы продолжаем наш путь. Зигфрид открывает дверь в мои покои и откланивается. Я захожу внутрь, закрываю дверь, запираю ее на замок и на мгновение прислоняюсь к ней спиной, прежде чем опуститься на пол.

Но страх не дает мне покоя. Я стягиваю с себя платье и нижнее белье в намерении изменить облик; если я смогу трансформироваться самостоятельно, у Зигфрида не будет надо мной власти. Все остальное между нами станет его словом против моего. Поэтому в слабом мерцании звезд и в темноте новолуния я пробую. Я пробую снова и снова. Но с каждой неудачей мое отчаяние растет, а точка трансформации, кажется, отдаляется все дальше и дальше.

Что я наделала?

Что мне делать теперь?

Серый свет раннего утра застает меня все еще на ногах. Я сижу в кресле с видом на фьорд. Этой ночью я не спала. Вместо этого я планировала, или пыталась планировать, и думала. В основном я думала о власти и о том, как люди вроде моего дяди, Зигфрида и Патруса используют ее, чтобы получить все, что им захочется. Как власть развращает их и всех, кто попадает к ним в окружение. Разве я тоже не испорчена? Поступок дяди побудил меня искать мести, а деяния Зигфрида позволили мне осуществить ее. На моих руках кровь: кровь бескрылого, который умер в Нижнем Фарне; кровь дворянина, который умер прошлой ночью; возможно, и кровь других. Зигфрид был прав: в самом сердце королевства язва. Но это не только король, к которому у меня нет никакой жалости. Это все мы.

Одетта, я надеюсь, увидит необходимость перемен и примет меры. Я должна дать ей этот шанс. Я должна помешать Зигфриду захватить престол. Я должна защитить наследие своей матери, защитить Атратис, за благополучие которого она и мой отец так упорно боролись. Надеюсь, моя кузина сумеет спасти королевство. Я просто хочу спасти свой доминион. И, возможно, если смогу, себя.

День плавно течет. Как и велел Зигфрид, я провожу его точно так, как было

запланировано. Я соблюдаю все свои обязательства и стараюсь не говорить и не делать ничего такого, что могло бы возбудить интерес или внушить мысль, что я чем-то сильно озабочена. Каждый раз, когда я смотрю на часы, я хочу, чтобы время текло быстрее, чтобы я могла снова побыть одна и расслабиться. Часы тянутся бесконечно. Но в конце концов моя последняя встреча, с художником, который делал наброски для портрета свадебного торжества, закончилась. Я возвращаюсь в свою комнату и прошу Летию прислать ко мне Люсьена.

Он приходит. Я запираю за ним входную дверь, приглашаю его в свою спальню, закрываю и запираю эту дверь тоже. Он краснеет; я бы нашла это забавным, если бы не была так взволнована происходящим.

- Мне нужно вам кое-что рассказать, Люсьен. Кое в чем признаться, - его румянец становится еще ярче.

- Если это касается вас и лорда Зигфрида...

Волна раздражения заставляет меня сжать кулаки.

- Так и есть. Но это не то, о чем вы, очевидно, подумали.

Он опускает голову.

- Простите, Ваша Светлость. Пожалуйста, продолжайте.

Я открываю рот и замираю. Я не знаю, с чего начать. Я не хочу раскрывать то, что должно разрушить то уважение, которое Люсьен питал ко мне, то, что может напоминать об обещании, которое он дал Тюрику.

Но сейчас речь идет об Атратисе, а не обо мне. Я хочу спасти своих кузенов. Но я также *должна* защитить свой доминион. Поэтому я прочищаю горло и поднимаю подбородок.

- Вы хотели знать причину, по которой Зигфрид покинул двор сразу после того, как король заболел; он отсутствовал по делам, которые касаются меня. Я нашла информацию, которая предполагала, что семья ястребов все еще жива и обитает в Олорисе. Поэтому по моей просьбе Зигфрид отправился на поиски людей, которые убили мою мать, - Люсьен наблюдает за мной, но тут же отворачивается, качая головой. Я заставляю себя продолжать: - Вчера поздно вечером Зигфрид вернулся. Он отвел меня в комнату где-то глубоко в Цитадели, где у него был под охраной один человек, выживший, один из двух ястребов, которые напали на меня и убили мою мать. Я поговорила с этим человеком, спросила его, зачем он это сделал и кто его послал. Он сказал мне, что ему заплатил король. Затем я наблюдала, как Зигфрид убивает его. Впоследствии Зигфрид сказал мне, что король отравлен им и скоро умрет. Он собирается жениться на Одетте, избавиться от нее, а потом жениться на мне, - при одной мысли об этом у меня в горле поднимается желчь. - Он будет напрямую контролировать половину Соланума, если его не остановить.

Люсьен хмуро смотрит в пол. На его шее пульсирует вена.

- Король? Король убил вашу мать?

- Да.

Он бранится и проводит пальцами по волосам, скорее со злостью, чем с удивлением.

- Зачем Зигфрид вам все это рассказал? Вы уверены, что это не ловушка?

- Я так не думаю. Он верит, что я поддержу его. Что я хочу быть с ним.

- Конечно, он так думает. - Его слова обрываются. - После того, как он помог вам отомстить за убийство вашей матери... - Наконец он снова смотрит на меня. От разочарования в его глазах у меня сжимается сердце. Хочется исчезнуть. - Я просил вас забыть об этом, Адерин. Вы видели, что случилось с лордом Хоукином только из-за того, что он упомянул вашу мать...

- Все гораздо хуже.

Он восклицает с недоверием.

- Разве может быть хуже?

Я с трудом сглатываю и выпрямляюсь.

- У Зигфрида есть друг, химик. Он создал зелье... я не совсем понимаю, как оно работает, но оно заставляет представителей нашего вида трансформироваться. Зигфрид давал мне это зелье. Именно так я научилась летать.

Люсьен отстраняется от меня.

- Вы хотите сказать, что ваша способность...

- Не вернулась. Я могу изменить свою форму, только когда Зигфрид дает мне зелье. И вернуть человеческий облик я могу, только когда он дает мне противоядие. Без него я привязана к земле и все так же бескрыла.

Люсьен долго смотрит на меня, словно не может понять, что я только что сказала.

- Замечательно, Ваша Светлость. - Он отодвигает стул, стоящий рядом, и толкает его так сильно, что роняет его спинкой к камину. - Просто отлично. В лучшем случае вы втянули Атратис в попытку государственной измены. В худшем - вы отдали весь доминион монстру.

Глава двенадцатая

- Но что мне оставалось делать? - Я умоляюще развожу руками. - Мне нужно было быть в состоянии летать уже к свадьбе, иначе король...

- Король, по вашим собственным словам, вот-вот умрет.

- Но... но если бы я не попросила Зигфрида о помощи, то кто бы мог сказать, что он не собирался совершить то же самое? Он все еще планирует жениться на Одетте. Если бы мы с ним не были знакомы, он мог бы заставить меня взлететь на свадьбе и потребовать у меня Атратис, если бы я не смогла.

Люсьен нетерпеливо машет рукой.

- Мог бы... Сделал бы... Я не собираюсь спорить с вами о вещах, которые еще не произошли. Дело в том, что вы преследовали свои собственные интересы - как обычно. - Он стучит кулаком по стене и стоит, уставившись на меня. - Вы действовали, не думая об Атратисе, не думая о людях, которые зависят от вас, не думая ни о чем, кроме своих собственных желаний. Если бы вы пришли ко мне...

- Я бы пришла к вам на следующий день после смерти Хоукина. Но Летия не смогла вас найти. И после того, как я впервые полетела с Зигфридом, я хотела сказать вам правду, Люсьен, я действительно хотела, но я... - Я замолкаю. Я не собираюсь напоминать Люсьену о том, что он сказал Тюрику той ночью в саду. Он уже выглядит так, словно с радостью убил бы меня.

- Что? - У него ледяной голос.

- Зигфрид был добр ко мне, по крайней мере, он казался добрым. Он говорил со мной, проводил со мной время и предложил мне свою помощь.

Люсьен опускает взгляд.

- Значит, вы влюбились в него?

- Нет. Я никогда его не любила. Я думала, что мы друзья, вот и все. По крайней мере, до той ночи в Дофлере.

- Дофлер? Что случилось в Дофлере?

Усталость затуманивает мой мозг. Я пытаюсь вернуть разговор к заговору Зигфрида.

- Это не имеет значения. Ничего. Какая разница...

- Что случилось, Адерин? Он сделал вам больно? - Люсьен подходит ближе, его глаза сверкают. - Клянусь, я убью его, если...

- Ничего не случилось, Люсьен! Он поцеловал меня, я сказала ему остановиться, и он перестал, - я не хочу вспоминать, что мне было жаль Зигфрида, не говоря уже о том, чтобы произносить это вслух. У меня болят плечи, я поднимаю руку и пытаюсь растереть мышцы. - А вам-то какое дело? Я была слишком глупа, что пошла туда с ним.

Я вопросительно смотрю на Люсьена.

Он пожимает плечами:

- Причинить вред вам - значит навредить Атратису. Я чувствую себя обязанным по чести добиться компенсации за ущерб.

Люсьен и его честь - интересно, волнует ли его что-нибудь еще? Но я слишком устала, чтобы вести спор дальше.

- Вы не могли бы помочь мне взлететь, Люсьен. Я не знаю, к кому еще обратиться, - он смотрит на ковер и не отвечает. - Остановить Зигфрида - вот что сейчас важно. Можете потом ругать меня за отсутствие здравого смысла, если мы оба останемся живы.

Люсьен вздыхает и проводит обеими руками по волосам.

- На этот раз вы правы. - Он поднимает стул, но тут же прислоняется к стене, скрестив руки и ноги. - Ну что, Ваша Светлость?

- Я подумала...

- Давно пора, - бормочет Люсьен.

- ...есть две вещи, которые мы должны сделать. Во-первых, найти какие-то осязаемые доказательства планов Зигфрида. Я могла бы пойти прямо к Собранию, но тогда это будет просто словесная перепалка. И я не думаю, что меня послушают. Тем более когда все убеждены, что мы с Зигфридом любовники, - это слово кажется мне горьким на вкус.

Люсьен сжимает губы, как будто только героическим усилием удерживает себя от едкого замечания.

- Довольно. Вы можете найти комнату, в которую он привел вас вчера вечером?

- Я могла бы попытаться, но... - Я качаю головой. - Скорее всего, нет. Я не знала, что он задумал, когда мы направлялись туда, и потом... - Я снова слышу тошнотворный стук плоти о камень, когда олорские стражники бросили тело Флейфезера в подвал. Стражники, которых там вообще не должно было быть. По моему позвоночнику пробегает рябь ужаса. - Вместо этого я обыщу комнату Зигфрида. Он сказал мне, что послезавтра возвращается в Олорис. Я найду удобный момент и проскользну внутрь.

Люсьен качает головой:

- Это слишком опасно. Если вас поймают...

- Если меня поймают, я скажу, что забыла про его отъезд, что хотела его видеть и решила оставить записку. Как-то так.

Он смотрит на меня с сомнением.

- Но что, по-вашему, вы найдете? Он не оставит компрометирующие улики разбросанными по спальне. Зигфрид умен.

- Так и есть, - я качаю головой. - Я не понимаю, как король мог обмануться, как мог счесть его глупцом.

- Он хотел в это верить, - отвечает Люсьен. - Это уже полдела.

- Думаю, да. Но я полагаюсь на то, что Зигфрид тоже высокомерен. Он думает, что все знает, все контролирует... возможно, он достаточно беспечен, чтобы оставить следы своих преступлений. Например, лист, которым он убил ястреба.

- Лист?

- Какое-то сухое растение. Я не... - Я крепко зажмуриваюсь, когда отчаянный стон Флейфезера эхом отдается в моей голове. - Не помню, как он его назвал.

Выражение лица Люсьена торжественно; теперь в нем нет ни следа сочувствия, которое он выказал после того, как Патрус напал на меня.

Я встаю и подхожу к окну, чтобы не смотреть на него.

- Опишите мне его, - говорит он. - Я пойду и обыщу комнату Зигфрида.

- Нет. У меня больше причин быть там. Я хочу, чтобы вы вернулись в Мерл. Расскажите лорду Ланселину, что происходит, возьмите ключ от лаборатории и поройтесь в книгах моего отца. Поищите рецепт чего-нибудь вроде противоядия и принесите его сюда. Я надеюсь, что это защитит Одетту от действия зелья, если нам не удастся остановить Зигфрида до того, как он зайдет так далеко.

Тишина. На мгновение я задумываюсь, не предложит ли Люсьен дать лекарство и моему дяде...

- Хорошо. Я улечу сегодня после банкета.

Никакого упоминания о короле, что радует. Мое желание отомстить ему по-прежнему достаточно сильно.

Люсьен подходит и встает рядом со мной у окна.

- Ваша Светлость... - Он замолкает, проводя ногтем большого пальца по мягкому дереву подоконника. - Миледи, если мы выживем...

- Я знаю. Я не жду прощения. Или снисхождения.

Он хмурится, выражение его глаз невозможно прочесть.

- Тогда... до вечера.

Он кланяется и уходит. У меня остается немного времени, прежде чем настанет момент переодеваться, поэтому я снова смотрю в окно. Но то, что я вижу, - это не пейзаж, а моя мать, поглаживающая мне спину и с тревогой наблюдающая, как меня тошнит ядовитыми ягодами, которые я съела в саду в редкий момент без присмотра, и мой отец с записной книжкой в руках, склонившийся рядом и успокаивающий ее: «Не волнуйся, любовь моя, я работаю над лекарством, которое мы можем дать ей, если она сделает это снова...»

Они так заботились обо мне. Я складываю руки вместе.

«Если ты меня слышишь, помоги мне все исправить. Пожалуйста».

Этот вечерний банкет - первый с тех пор, как моему дяде стало плохо, - был устроен по его приказу, чтобы отметить тот факт, что до свадьбы Одетты осталось всего две недели. Это традиция: тринадцатый вечер перед свадьбой предназначен для того, чтобы почтить жениха; седьмой вечер - невесту. Я не хочу идти на него, но обязана: главное - не привлечь внимания к моему растущему ужасу перед Зигфридом. Я должна убедить его, что согласна с его планами. Я вылезаю из ванны, а Летия раскладывает мою одежду, когда раздается стук в дверь. Она уходит и через минуту возвращается с большим свертком, завернутым в льняную ткань.

- В чем дело?

Она кладет сверток на кровать и развязывает ленты.

- О... ты заказала новое платье? - Внутри свертка лежит алое шелковое платье. Красное. Я вспоминаю, как Зигфрид хвалил мое платье в тот вечер в Дофлере, и отворачиваюсь.

- Адерин?

Я не могу подвергать свою подругу риску.

- Да. Я подумала, может быть, подойдет на свадебный банкет...

Она достает платье и помогает мне надеть его. Юбка тяжелая, с рубинами, вышитыми замысловатыми узорами на шелке. К моему разочарованию, оно идеально подходит. И я точно знаю, что Зигфрид был уверен, что оно подойдет, - Гита, должно быть, сняла мерки с платья, которое давала мне. Я стою перед зеркалом, Летия рядом со мной.

- Красивое. Мне нравится золотая нить, проходящая через шелк. Но вот это чересчур... - Она указывает на лиф с глубоким вырезом.

- Я знаю.

- Ты говоришь так, словно тебе все равно, Адерин. У тебя есть время переодеться.

- Нет. Я надену его, - Летия все еще хмурится; я заставляю себя улыбнуться ради нее. - Так я научусь одеваться, не посоветовавшись предварительно с тобой.

Когда Люсьен подходит, чтобы проводить меня, его глаза округляются.

- Не смейте ничего говорить, - бормочу я. - Его прислал Зигфрид.

Если я переживу следующие несколько недель, то никогда больше не надену красное.

Наш спуск по лестнице, кажется, занимает вдвое больше времени, чем обычно. Я пытаюсь кланяться и улыбаться, как обычно, когда мы проходим мимо других придворных, но, видимо, становлюсь параноиком. Я изучаю каждое лицо, гадая, кто невиновен, а кто, возможно, уже куплен Зигфридом. Облегчение наступает, только когда мы оказываемся в большом зале. Из уважения к продолжительной болезни моего дяди в этот вечер нет музыки: галерка над главным входом, где обычно сидят арфисты, пустует. Но сам зал великолепно освещен и расцвечен. Повсюду стоят огромные букеты цветов: алые розы в сочетании с копьями огненно-оранжевого драконьего языка - цвета доминиона Олориса. Я смотрю на подол своего красного платья, чувствуя, что Зигфрид каким-то образом отметил меня. Заявил на меня права. Когда входят мои кузены - Арон в черном, сопровождающий королеву, и Одетта в белом, как обычно, под руку с Зигфридом, - они выглядят почти неуместно среди такого множества ярких оттенков. Даже королева - выражение ее лица более оживленное, чем я когда-либо видела - одета в олорские цвета: платье из слоев огненного тюля. Впервые я задаюсь вопросом, из какой части Соланума она родом. Лакей подходит ко мне и показывает, чтобы я присоединилась к процессии позади Одетты и Зигфрида. Я иду в одиночестве к высокому столу, впереди других защитников и наследников.

Место короля осталось пустым, так что я сижу между Ароном и - поскольку Патрус больше не беспокоит меня - Грейлингом Реном. Грейлинг молчит и вздрагивает всякий раз, когда я с ним заговариваю; возможно, он думает, что у меня вошло в привычку колоть людей вязальными спицами. Он больше не делает попыток возобновить свое предложение руки и сердца.

Мой кузен, напротив, слишком много болтает, выпаливая слова, словно запутанные молитвы. В какой-то момент, под видом того, чтобы отрезать кусок мяса от окорока оленины, он наклоняется ближе и шепчет мне на ухо:

- Я удивлен, что Зигфрид еще не греет свою задницу в кресле моего отца. Дом Сигнус Олорис вонзил свои когти прямо в корону.

Еда на вкус не особо приятна. Мы, как обычно, удаляемся в длинную галерку, и Зигфрид произносит речь. Он благодарит двор за почитание Олориса, желает отсутствующему королю полного и скорейшего выздоровления, благодарит его и королеву за честь и воздаст должное красоте и добродетели Одетты. По крайней мере, он не делает ложных заявлений о любви. Хотя Одетта, кажется, не замечает этого упущения.

Зигфрид проводит с ней большую часть вечера. Они ходят по комнате, разговаривают с другими придворными, и когда она опирается на его руку, то кажется по-настоящему счастливой. И Зигфрид... Зигфрид тоже выглядит счастливым. Мне больно смотреть и знать, как он улыбается ей и что у него на самом деле в сердце.

Единственный человек, который выглядит менее довольным, - это королева. Она, кажется, все время наблюдает за молодой парой, следит за их движениями, чуть-чуть нахмурившись, скривив губы, что портит ее идеальные черты. Мое сердце слегка подпрыгивает: если королева с подозрением относится к Зигфриду, значит, она мой потенциальный союзник.

Зигфрид не пытается заговорить со мной почти до конца вечера. Я выхожу на террасу подышать свежим воздухом и понимаю, что он рядом.

- Не смотрите так сердито, Адерин, наше время скоро придет. Я должен хотя бы притвориться, что люблю вашу кузину, - он оглядывается, чтобы убедиться, что мы совершенно одни, прежде чем провести пальцами от моего подбородка вниз по шее и дальше до груди. Я не могу подавить легкую дрожь отвращения, но Зигфрид только усмехается; возможно, он принимает это за желание. Я позволяю ему целовать мне руки, улыбаюсь сквозь зубы от неприязни, испытывая облегчение оттого, что он не догадался об истинной причине моего смятения.

- Вам нравится это платье?

- Конечно. - Я вру. - Оно прекрасно. - Он, кажется, ждет чего-то большего, и я добавляю:
- Отличная задумка. Благодарю вас, милорд.

Он одобрительно кивает.

- Когда я вернусь из Олориса, я приду и найду вас.

Вскоре после этого я прощаюсь с королевой - она впервые обнимает меня - и возвращаюсь в свои покои. Я притворяюсь перед Летией, будто легла спать, но, как только она задувает свечи и уходит, я снова встаю, возвращаюсь в гостиную и распахиваю одно из высоких окон. Люсьен сказал, что придет проститься со мной, прежде чем улетит в Атратис; надеюсь, прохладный ночной воздух не даст мне уснуть, несмотря на усталость. В сиянии звезд можно спрятать все что угодно. Тайну. Вода фьорда мягко мерцает, когда по ней пробегает легкий ветерок, но я не могу разглядеть башню, стоящую в ее глубинах.

- Ваша Светлость... - Люсьен легонько трясет меня за плечо. Я сажусь и протираю глаза, пока он зажигает свечу и закрывает ставни на окне. На нем длинный халат, а черные волосы растрепаны. - Я готов к отлету. Есть ли что-нибудь еще, что мне нужно сделать в Мерле?

- Нет, благодарю. Просто найди рецепт противоядия. Записи моего отца немного беспорядочны; я надеюсь, вам не потребуется слишком много времени, чтобы найти их, - мурюю я. - Вы сможете нести книгу?

- Как только я найду рецепт, я сделаю копию. Я переправлял тяжести во время полета, но это нелегко. Усилия, которые я прилагаю, чтобы адаптироваться, что, в свою очередь, требуется для поддержания высоты, в итоге обходятся мне головной болью, - он слегка улыбается. - Если вы настаиваете на выполнении своего плана, пожалуйста, будьте осторожны. Я все равно его не одобряю. Мне не нравится, что вы здесь одна. Каковы шансы, что это противоядие вообще сработает?

- Мой отец был очень искусным химиком. И я не буду одна. У меня есть Летия. И мои кузены, - я с трудом сглатываю. - Мне очень жаль, Люсьен. Вы не должны были быть вовлечены в это. Если бы я могла сделать то, о чем вы просили, если бы я могла оставить прошлое в покое, клянусь, я бы так и сделала...

- Думаю, я вас понимаю, - вздохнув, он потирает затылок. - Вы ни в чем не виноваты, миледи. В самом деле. Ваша мать влюбилась в вашего отца, дальше несчастный случай с Ароном, мстительность короля, стремления Зигфрида - все эти дороги привели нас сюда. Паутина событий, в которую мы оба были втянуты. - Он протягивает ко мне руку, но тут же опускает ее. - Никто из нас не может перехитрить судьбу.

В его голосе слышится тяжесть, от которой у меня бегут мурашки по спине. Прежде чем я успеваю задать вопрос, он отворачивается.

- Мне пора улетать. Если ветер будет мне сопутствовать, и если рецепт быстро найдется, я надеюсь вернуться уже через три дня. Самое большее - четыре.

- Поприветствуйте от меня своего отца. И, Люсьен, удачи вам, - прежде чем я успеваю передумать, мой пульс учащается, я встаю на цыпочки и целую его в щеку. - Лети без оглядки. Лети вперед...

- ...И пусть Творец ведет тебя. - Он заканчивает фразу, глядя на меня сверху вниз своими горящими черными глазами, с искрящимся в них удивлением и с чем-то еще, чего я не могу разглядеть. Я задуваю свечу, Люсьен снова открывает ставни, и бледно-черные окна становятся заметны на фоне глубокой темноты в комнате.

- Отойдите назад, - шепчет он мне на ухо.

Я повинуюсь. С другого конца комнаты я вижу только силуэт Люсьена. Он снимает халат, кладет его на ближайший стул, встает, слегка пригнувшись, - как будто собирается бежать - и бежит. Бежит к открытому окну прямо перед собой и прыгает...

Я вижу его вытянувшееся в воздухе тело лишь на ширину перышка. Он ныряет вниз, пропадая из виду.

Я бросаюсь к окну с колотящимся сердцем, крепко зажав рот рукой. Я боюсь, что увижу его смертельное падение. Увижу его разбившееся о камни тело.

Но его там нет.

Там нет человека.

Вместо него – огромный ворон, стремительный черный силуэт на фоне ночного неба, уже летящий над морем.

Зигфрид уезжает на следующее утро. Я решаю дождаться полудня, чтобы попробовать проникнуть в его комнату; коридоры замка обычно менее оживленны после обеда. Дверь, конечно, будет заперта, но у меня есть план. Я собираюсь воспользоваться сплетнями, которые обо мне распространились, для своих же собственных целей.

Когда я стучусь, пожилой гостевой мастер в своем кабинете дает указания разным подчиненным.

– Ваша Светлость, – он встает из-за стола и шипит на топчущегося лакея. – Убирайся, Поррин! – И кланяется. – Чем я могу вам помочь? Надеюсь, вы здесь не по какому-то серьезному делу?

– Нет, ничего такого. – Он не видел меня с тех пор, как приходил забирать Патруса из моей комнаты. – Мне нужен ключ, вот и все.

– Еще один ключ... от ваших покоев?

– Нет, – я поднимаю подбородок, не обращая внимания на то, что в животе у меня все переворачивается. – Мне нужен ключ от комнаты лорда Зигфрида. Он, конечно, улетел в Олорис, но я поняла, что оставила кое-что в его комнате прошлой ночью. Свою личную вещь. – Лицо гостевого мастера принимает жесткое выражение; он, конечно, осуждает меня, но не столь открыто. – Я бы попросила кого-нибудь из его слуг, но... вы понимаете наше положение. Так быстро после банкета в честь дня жениха, – я заставляю себя рассмеяться. – Однако я чувствую, что могу положиться на ваше благоразумие.

Моя лесть работает: гостевой мастер умудряется выглядеть неодобрительно и в то же время как-то удовлетворенно.

– Конечно, Ваша Светлость. Больше ни слова. – Он исчезает в другой комнате и появляется через пару минут с ключом в руке. – Если Ваша Светлость соблаговолит вернуть его в должное время...

– Конечно. – Я беру ключ, вкладываю золотую монету в его облаченную перчаткой ладонь и ухожу.

Ключ надежно спрятан у меня в кармане, я направляюсь в северное крыло и некоторое время брожу по коридорам и общим комнатам рядом с комнатой Зигфрида, отчасти для того, чтобы понять, где находятся темные стражники, но в основном для того, чтобы набраться храбрости. В конце концов у меня не остается сил ждать. В последний раз убедившись, что никого не видно, я вхожу в главную комнату и запираю за собой дверь.

Это гостиная, меньше моей, с видом на город, скудно обставленная. Между окнами письменный стол, сбоку клавесин, высокий книжный шкаф в нише слева от меня, пара диванов и маленьких столиков. Дверь в дальнем углу, должно быть, ведет в его спальню. Я решаю начать со стола. В ящиках стола лежат бумаги, но все они, похоже, по делам администрации Олориса: рекомендательные письма, просьбы о вмешательстве в земельные споры, всевозможные вещи, которые громоздятся на моем собственном столе дома. Я начинаю нажимать на различные декорированные панели внутри стола, надеюсь обнаружить секретное отделение, но они оказываются удручающе обычными предметами декора мебели. И по звону часов я узнаю, что уже четверть часа нахожусь здесь. Пока я стою, уперев руки в бока, пытаюсь решить, проверить ли книжный шкаф

следующим или попробовать поискать в спальне, начинает звонить колокол замка. Я слышу звук шагов, разносящихся снаружи по коридору...

Я спешу к двери, но слышу за ней голоса, а следом за ними – скрежет ключа в замке, и в панике втискиваюсь в нишу рядом с книжным шкафом, когда дверь распахивается. Это молодой человек, наверное, один из слуг Зигфрида. Я стараюсь не дышать, но мое сердце колотится так сильно, что трудно не хватать ртом воздух. Мужчина стоит ко мне спиной, садится за стол, достает бумагу, ручку и начинает писать. Все, что я могу делать, это ждать.

Часы бьют еще четверть часа, когда мужчина встает и на мгновение исчезает из виду. Мои мышцы сводит судорогой, но я не смею пошевелиться. Раздается стук в дверь; человек с письмом в руке открывает ее, и я слышу его голос:

- Отнесите это в Эль'Аммергея. Если вы сумеете догнать Его Светлость, уверен, он вознаградит вас за труд.

Он, должно быть, разговаривает с одним из пажей, живущих в Цитадели, – с молодыми дворянами низшего ранга, которые работают посыльными. Возможно, теперь, когда письмо написано и отослано, слуга уйдет.

Он не уходит. Вместо этого он остается в комнате и начинает наводить порядок. Мое тело начинает слабеть; на столе рядом лежит стопка книг, и если он решит поставить их на место в книжном шкафу...

В дверь снова стучат. Она открывается, и входит горничная в сопровождении какого-то рабочего. Служанка делает реверанс.

- Мы должны осмотреть расшатанную половицу в спальне Его Светлости.

Она кивает мастеру, и они направляются к двери в углу, а слуга Зигфрида следует за ними и начинает оспаривать их право выполнить работу...

Все трое входят в спальню, и дверь в коридор остается открытой...

«Иди спокойно, не беги – веди себя так, будто тебе здесь самое место...» К моему облегчению, коридор пустует. Я возвращаюсь в свою комнату как раз перед тем, как меня начинает рвать.

Летия смотрит мне вслед и предполагает, что я что-то съела, а после укладывает меня спать и идет к кузенам, чтобы доложить им, что я не присоединюсь к ним за ужином. Моя неудачная попытка утомила меня. Я засыпаю с ключом от покоев Зигфрида под подушкой.

На следующее утро, после того как Летия приносит мне завтрак, я отправляю ее обратно к гостевому мастеру. Все ключи так похожи – в расположении зубчиков всего лишь крошечные вариации, – что я вполне уверена, что старик не заметит моего обмана. Ключ, который дает ему Летия, – не от комнаты Зигфрида, а один из запасных ключей от моей комнаты.

Я планирую совершить вторую попытку обыска комнаты Зигфрида сегодня днем, но от беспокойства у меня начинает болеть голова.

Тревога, смешанная с беспричинным разочарованием из-за того, что Люсьен еще не вернулся. Записи моего отца были беспорядочны, но обширны; после его смерти повсюду валялись тетради, разбросанные по столам, стульям, полу. Я собрала их и заперла в книжных шкафах, но в беспорядке. Неудивительно, если Люсьен сейчас изо всех сил пытается найти рецепт.

Чтобы проветриться, мы с Летией отправляемся на конную прогулку перед обедом. Свежий воздух идет мне на пользу. И все же, возвращаясь в северное крыло, я чувствую, как дрожат колени под длинной юбкой. Я уже почти в комнате Зигфрида, как дверь открывается и появляется сам Зигфрид.

Шок едва не сбивает меня с ног.

- Милорд.

- Адерин. - Он улыбается, но в его глазах мелькает легкое подозрение. - Что вы здесь делаете?

- Моя горничная сказала мне, что слышала о вашем возвращении. Я соскучилась по вас... - Легкость, с которой я лгу, вызывает у меня отвращение; возможно, это еще один симптом тлетворного влияния Цитадели. И все же мои слова, кажется, успокаивают Зигфрида.

- Ну, конечно же, соскучились. Проходите, - он возвращается в свою комнату, - у меня есть несколько минут, - когда дверь закрывается, я боюсь, что он снова попытается поцеловать меня. Но вместо этого он берет меня за руку и ведет к дивану, где начинает говорить о нашем будущем в Цитадели. Как только он станет королем, он переведет меня в соседнюю комнату с общей дверью. Как мы будем исследовать Олорис и Атратис вместе. Казалось бы, пустая болтовня. Но я начинаю думать, что каждое предложение, каждое слово Зигфрида, должно быть, имеет двойной смысл.

Он кажется немного рассеянным и вскоре отправляет меня обратно. Я возвращаюсь в свою комнату с ключом в кармане, размышляя о том, что могу сделать, чтобы получить беспрепятственный доступ в его комнаты. Я обдумываю и отвергаю идею подкупа одного из слуг Зигфрида, как вдруг замечаю письмо, оставленное на буфете. Восковая печать, припаявшая сложенную бумагу, помечена королевским гербом, значит, письмо от королевы.

Приступ возбуждения поднимается у меня под ребрами, когда я срываю печать. Возможно, она узнала о Зигфриде. Возможно, свадьба отменяется...

Я перечитываю письмо во второй раз. Мое волнение сменяется сомнением. Содержание сообщает мне, что вчера были арестованы три члена Собрания - не потому ли звонили в колокол замка? Эти дворяне, по одному из доминионов Ланкорфиса, Дакии и Фениана, были обвинены в государственной измене короне. Суд состоится завтра вечером. И я призвана исполнить роль судьи, поскольку являюсь защитницей.

Ничего общего со свадьбой. На первый взгляд Зигфрид тут тоже ни при чем, хотя мне кажется, что я вижу его тень повсюду.

Я всем сердцем желаю, чтобы Люсьен был сейчас рядом.

Глава тринадцатая

Но желание не воплощается в явь. Лучшая часть следующего утра проходит, а Люсьена все нет. Поэтому я отправляюсь на поиски Арона.

Я нахожу его в английских садах. Он сидит на скамейке с маленьким ножом в руке, вырезая свои инициалы на стволе бука.

- Резьба по дереву кажется излишне пагубной, - замечаю я.

- Твое замечание кажется слишком враждебным, - отвечает он, - могу предположить, что тебе что-то надо.

Я сажусь рядом с ним.

- Прошу простить. Возможно, я здесь только для того, чтобы насладиться твоим обществом.

- Неужели? - Арон приподнимает бровь, продолжая копаться в коре дерева.

- Ну... возможно, именно поэтому я здесь. Ты мне нравишься, как ни странно. Но так уж вышло, что мне также нужна и твоя помощь.

Он смеется и кладет нож на землю.

- Я в твоём распоряжении, кузина.

- Речь идет об этом процессе.

Улыбка сползает с его лица.

- Я плохо знаю всех обвиняемых, но мне их жаль. Их семьи останутся ни с чем, как только они будут осуждены. Меньше, чем ни с чем.

- Ты говоришь так, словно их уже признали виновными.

- Виновны или не виновны, не имеет значения. Ясно, что они воспринимаются как угроза престолу, поэтому будут сметены. Ударом в крылья. Несмотря на то что ты, возможно, читала, Сигнус I претендовал на корону как хитростью, так и силой. И в течение последних четырех поколений мы держались за нее таким же образом, - он бросает взгляд на Цитадель. - Интересно, это дело рук моего отца? Возможно, он теряет рассудок...

- Но ведь я должна быть судьей. Это подразумевает выбор.

Арон поднимает нож - подбрасывает его в воздух, лезвие ярко вспыхивает на свету - и снова ловит его.

- Тебе так кажется. Но твое решение в данном случае, скорее всего, потребует только для определения тяжести их наказания, - он хмурится. - Почему ты спрашиваешь меня об этом? У вас с Люсьеном была еще одна ссора?

- Его здесь нет. Я отправила его в Мерл по делам.

Мой кузен, кажется, удивлен.

- Люсьен - мальчик на побегушках. Я уверен, он был в восторге.

Я не могу удержаться от вопроса.

- Что между вами произошло? Что сделал Люсьен, что ты его так возненавидел?

- Что сделал Люсьен?.. - Он вздыхает. - Полагаю, нет ничего плохого в том, чтобы рассказать тебе. Это грустная история юношеской любви, направленная не туда. Некоторые из нас, как ты знаешь, любят только противоположный пол. Другие любят только свой пол. А некоторые, включая меня, более щедры на привязанность. Я думаю,

ты понимаешь.

Я киваю.

- Все благородные формы любви разрешены литанией и законом. Но, к несчастью для меня, первым человеком, в которого я влюбился, был Люсьен Руквуд.

- Ты был влюблен в Люсьена?

- Да.

- Но почему все сложилось так неудачно?

- Потому что, моя дорогая кузина, когда я признался ему в любви, он отверг ее. О, он был достаточно добр. Он сказал мне, что польщен и что если бы он мог ответить мне взаимностью, то сделал бы это. Сказал, он надеется, что мы все еще можем быть друзьями. Но это все равно был отказ. И, как обычно бывает, когда речь заходит о первой любви, я воспринял это очень близко к сердцу. Вероятно, если оглянуться назад, даже слишком.

- Мне очень жаль, Арон.

Он пожимает плечами:

- Это была не его вина. А теперь я нахожу, что компания Люсьена... вполне сносная. Я не видел его пару лет, пока он не вернулся ко двору вместе с тобой.

Мы оба замолкаем. Я думаю об Ароне и Люсьене, Одетте и Зигфриде, о счастье, которое мои родители познали друг с другом. Ветер подхватывает мою юбку, рассыпая золотые листья по траве; лето уходит. Рядом со мной Арон разглядывает свой нож, поворачивая сваренное по образцу лезвие назад и вперед, ловя им свет.

- О чем ты думаешь?

Он смотрит на меня снизу вверх.

- Ты действительно хочешь знать? - Я киваю, и он продолжает: - Я думаю, не воткнуть ли мне этот нож в спину Зигфрида на следующем банкете.

Я жду мгновение, думая, что он рассмеется, как-нибудь превратит это заявление в шутку. Но он этого не делает.

- Тебя казнят.

- И что? Я ему не доверяю. Я не хочу, чтобы он женился на моей сестре. Одетта единственный человек, который любит меня таким, какой я есть. Она единственная при дворе, кто не обращался со мной, как с изгоем, с тех пор, как я потерял способность летать, и я сделаю все, чтобы защитить ее. В том числе и умру за нее. - Он пожимает плечами. - Я убью Зигфрида, как только он сядет за свой ужин, потому что сомневаюсь, что смогу подобраться к нему достаточно близко в другое время.

Я кладу свою руку поверх его, останавливая движение ножа.

- Ты говорил с Одеттой? Ты пытался объяснить, почему не доверяешь ему? Учитывая болезнь твоего отца, возможно, вместе мы сможем убедить ее хотя бы отложить свадьбу...

Его глаза слегка расширяются.

- Мы убедим?

- Да, ты единственная семья, которая у меня осталась. И за последние несколько недель я полюбила тебя. Вас обоих. Ты с ней разговаривал?

- Я говорил. Но, как она сказала, она должна выйти замуж за кого-то. Кроме того, она убедила себя, что любит Зигфрида. И она все еще достаточно привязана к нашему отцу, чтобы говорить о долге, о сохранении короны по нашей прямой линии. Смешно, потому

что она не заинтересована в управлении страной. – Он убирает нож обратно в ножны. – А ты, кузина?

– Нет. Конечно, нет, – я оглядываюсь, чтобы убедиться, что мы все еще одни, и наклоняюсь ближе к нему. – Я думаю, что все должно измениться. Я мало разглядела в королевстве, кроме того, что видела в Бритисе и Олорисе... это неправильно, Арон. Жизнь людей не должна зависеть от законов, которые они не могут изменить, и каприза того, кому принадлежит участок земли, на котором они живут. Мои родители преобразили жизнь в Атратисе, но это всего лишь один доминион. Вы с Одеттой можете изменить все в Солануме.

– Я? – Он поднимает бровь и показывает на свою отсутствующую руку.

– Тогда Одетта. Но под твоим руководством, если она не уверена, как начать.

– Достаточно просто сказать людям, чтобы они что-то изменили...

– Следующей королевой будет Одетта. Не я, – мой кузен не отвечает. – Честно говоря, Арон, я хочу только защитить Атратис. Это все, чего я когда-либо хотела. – Я колеблюсь, не решаясь рассказать ему все. Но я, в конце концов, – возможно, слишком поздно – научилась быть осторожной. – Попробуй еще раз поговорить с Одеттой. Пока не стоит рисковать собой.

Арон прищуривается.

– Почему именно ты даешь мне этот совет, кузина?

– Потому что я тоже не доверяю лорду Зигфриду.

Суд проходит в тронном зале. К моменту моего появления королева уже сидит на краю резного позолоченного трона, ссутулив плечи и положив руки на колени в своем шиферно-сером платье. Для судей предусмотрено шесть мест. Два зарезервированы для Ардена Дакийского и меня. В настоящее время мы единственные защитники при дворе; как и Нисса Свифтинг и Грейлинг Рен, Зигфрид всего лишь наследник, по крайней мере, именуется им. Четыре других судьи являются членами Собрании, избранными по жребию. Королева имеет решающий голос. Я сажусь рядом с Арденом; он наблюдает за королевой, снова и снова постукивая пальцами по бедру. Высокие свечи на еще более высоких серебряных подсвечниках – выше человеческого роста – расставлены вокруг трона и кресел судей – по три с каждой стороны трона – и окружают нас светом. По словам Арона, свечи должны символизировать Кольцо истины и справедливости. Остальная часть комнаты погружена во тьму. Но я могу только разглядеть придворных, столпившихся в галерке, которая проходит по периметру потолка комнаты. Отблески свечей отражаются на драгоценных камнях и рукоятях мечей, а также на доспехах темных стражей, стоящих по внешнему периметру нашего светового круга. Зигфрид и мои кузены могут быть в галерке, но я не могу сказать наверняка.

Еще несколько стражников сопровождают трех обвиняемых дворян – двух мужчин и женщину – в тронный зал. Их руки связаны спереди. Они выглядят растрепанными и сбитыми с толку, один из них спотыкается, словно устал, но я не вижу никаких явных признаков плохого обращения. Они предстают перед судьями лицом к трону.

Королева откашливается:

– Пусть подойдет прокурор.

Секретарь входит в освещенное свечами кольцо в сопровождении бескрылого помощника, несущего папку с бумагами.

– Ваше Величество, достопочтенные судьи, у меня собраны доказательства изменнических намерений обвиняемых. Письма между обвиняемыми, в которых обсуждается и ставится под сомнение предстоящий брак принцессы Одетты. Письма, в которых обсуждается и ставится под сомнение неизменный характер законов. Письма, в которых обсуждается и ставится под сомнение сама пригодность Его Величества... – Секретарь замолкает и смотрит на галерку, а придворные ропщут и восклицают: – К

управлению. Во всех этих письмах есть намеки на еще более глубокую измену. Предположения о заговоре, пока еще не раскрытом, чтобы убрать Ваши Величества с трона. – Снова испуганные восклицания зрителей. – Кроме того, обвиняемые сознались в том, что писали эти письма. Вина признана. За этим должно последовать наказание.

Арон был прав. Это судебное разбирательство – показуха. Шестеро из нас – не судьи: мы – немые свидетели, собранные только для того, чтобы люди могли указать на нас и сказать, что правосудие свершилось. Я отваживаюсь бросить взгляд на Ардена; его лицо в свете свечей кажется бледным, и он крепко сжимает подлокотники кресла.

Королева вздыхает и смотрит на огромное кольцо с бриллиантом на указательном пальце:

– Традиционное наказание за государственную измену – это медленная смерть на арене для виновных, за которой следует захват их земель и имущества, наложение кабального рабства на их иждивенцев, – один из обвиняемых начинает плакать. – Однако я подала прошение Его Величеству, и, к счастью, он настроен быть снисходительным. Если вы сообщите нам имена людей, замешанных в заговоре, о котором говорится в ваших письмах, вам будет дарована быстрая смерть, а ваши семьи будут избавлены от дальнейшего наказания. Однако если вы откажетесь сотрудничать... – Она снова вздыхает, как будто судьба этих людей причиняет ей боль. – Это, конечно, ваш выбор.

Один из заключенных, мужчина, поднимает голову.

– Помилуйте, Ваше Величество, я умоляю вас.

– Помиловать? О, будет время для милосердия. – Голос королевы становится резче. – Но только после того, как мы сожжем всю гниль. – Она машет рукой, и стражники уходят, чтобы вывести пленников из зала. Но тот же самый человек, который говорил раньше, начинает сопротивляться.

– Милорд Арден, Ваша Светлость!.. – кричит он достаточно громко, но Арден не отвечает, а просто вцепляется в стул и смотрит прямо перед собой, словно от этого зависит его жизнь. – Моя дорогая кузина, умоляю вас, здесь нет никакой измены, никакого заговора, мы ничего не сделали...

Двери захлопываются, обрывая его голос.

Еще одна беспокойная ночь. Когда я наконец засыпаю, меня будит перед рассветом Летия, принеся повестку от королевы. Лицо моей спутницы вытягивается; история о вчерашнем суде быстро распространилась по Цитадели. Миазмы страха, наполнившие коридоры, были ощутимы еще до того, как я легла спать. Но на тисненой карточке, которую протягивает мне Летия, нет никаких пояснений, зачем я нужна.

Через десять минут я уже в гостиной королевы, стою на ковре с замысловатым рисунком, а королева в бледно-голубом халате, подчеркивающем серебристый оттенок ее кожи, расхаживает передо мной. Кажется, она с трудом заставляя себя перейти к сути дела; или пытается заставить меня нервничать еще больше.

– Ну, племянница, – начинает она наконец, – ты, наверное, удивляешься, почему я попросила тебя подождать меня сегодня утром?

Я пытаюсь представить себе, что посоветовал бы мне лорд Ланселин, будь он сейчас здесь, и склоняю голову.

– Мое единственное желание – служить, Ваше Величество.

– Не сомневаюсь. Мне так трудно понять, что делать, когда король болен.

Я чуть не задаю вопрос, насколько он болен? Но молчание кажется более благоразумным.

Она делает еще несколько кругов по комнате, крутя кольцо с бриллиантом на пальце. Я впервые замечаю, что камень вырезан таким образом, что переходит в заостренную

точку.

- И все же, - продолжает она, - я должна спросить. Лорд Зигфрид... каким вы его находите? Он вам нравится?

- Достаточно благородным, Ваше Величество.

- И... - Она глубоко вздыхает, тербя кружево на своем халате. - Эти слухи правдивы? Вы делите с ним постель?

Прямота ее вопроса сбивает меня с толку; возможно, на благоразумие гостевого мастера стоило положиться меньше, чем я надеялась. Королева внимательно наблюдает за мной. Я делаю глубокий вдох и смотрю ей прямо в лицо.

- Нет, Ваше Величество. Я не делю. И никогда не делила.

Она вздыхает и улыбается.

- Хорошо. Я очень рада.

Что это на самом деле значит? Она боится, что я каким-то образом сорву свадьбу?

Она расхаживает по ковру еще быстрее.

- И скажите мне, - королева бросает на меня косой взгляд, - что вы думаете о помолвке принцессы? Я знаю, вы проводите с ней время. Как вы думаете, это будет счастливый брак?

Вот мой шанс, если я хочу им воспользоваться: я могу повторить королеве в точности то, что Зигфрид сказал мне и в Дофлере, и в ту ночь, когда он убил Флейфезера. Когда король болен и умирает, королева становится самой влиятельной фигурой при дворе. Конечно, если кто и может остановить Зигфрида, то это она.

И все же...

Я слышу голос Люсьена в своей голове так же ясно, как если бы он стоял позади меня: «Никому не доверяй».

- Я бы не осмелилась высказать свое мнение, Ваше Величество. Я уверена, что принцесса лучше всех судит о своем счастье, - я полагаю, что король приказал провести суд, на котором я присутствовала вчера; это соответствовало бы его паранойе и мстительному характеру. Но я не могу быть уверена. И не собираюсь быть следующей арестованной.

- Верно подмечено, - королева кивает. - Возможно, я зря беспокоюсь. Спасибо, что уделите мне время, племянница.

Я могу идти.

Только выйдя из королевских покоев, я осознаю, что так сильно впивалась ногтями в свои ладони, что кожа начала кровоточить.

Летия ждет меня.

- Слава Творцу, я боялась, что...

- Не надо, я тоже боялась.

Когда мы возвращаемся в мои покои, я пытаюсь понять, что происходит. Потому что есть что-то еще, что-то, помимо кладбища скелетов, которое Зигфрид разделил со мной. Я ни на секунду не верю ничему из того, что слышала на вчерашнем суде. Но где-то, где-то есть и плоть, и перо, и цвет, если бы я только могла их разглядеть.

«Не доверяй никому».

Но на самом деле это невозможно. Мне нужна помощь.

Вернувшись в гостиную, я прошу Летию сесть.

- Я должна попросить тебя кое о чем.

- Что угодно.

- Я бы хотела, чтобы ты собрала для меня информацию. Ты наблюдательнее всех, кого я знаю. Если сможешь поговорить со слугами, постарайся выяснить, не происходит ли что-нибудь необычное по отношению к ним... - Я колеблюсь, не имея понятия, что сказать, не зная, как много я могу рассказать своей подруге, не ставя под угрозу ее безопасность больше, чем это необходимо.

- Это из-за лорда Зигфрида, Адерин? - Я бросаю на нее острый взгляд.

- Да. Ты что-то слышала?

- Среди слуг уже давно ходят слухи, что он нацелен не только на корону. Тюрник рассказал мне о том, что случилось с его семьей. Как им пришлось бежать.

Ее слова сбивают меня с толку.

- Тюрник? Я думала, он сбежал из Бритиса.

Или я просто предположила, что это был Бритис, той ночью в саду?

- Нет. Он родом... он был родом из Олориса. Мать вытащила его и сестру, а его отец... Тюрник был всего лишь маленьким мальчиком. Но они заставили его смотреть, как умирает его отец. - Ее рот кривится от отвращения. - Из-за какого-то нарушенного закона.

Возможно, он владел луком и стрелами...

- Лорду Зигфриду нельзя позволить стать королем. Но он жесток и силен, и предлагать какую-либо оппозицию рискованно. Друг мой, если я прошу слишком многого...

- Атратис и мой дом тоже, Адерин. Я видела мучения людей в Бритисе, как и ты. Думаю, я видела больше, чем ты, как здесь обращаются с бескрылыми. А ты знаешь, что слугам в Цитадели не разрешают учиться читать? Конечно, некоторые все еще пытаются. Несколько недель назад одну из горничных поймали с книгой. Она получила клеймо на руку и была выставлена за дверь без каких-либо слов. - Глаза Летии вспыхивают. - Я видела, как она просила милостыню, когда была в городе на днях; бедняжка выглядела голодной. Так что я согласна. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить падение Атратиса, передачу его в руки кому-то вроде Зигфрида или превращение во что-то подобное. Я знаю, Тюрник скажет то же самое.

- Спасибо, Летия, - я кладу свою руку почти поверх ее. - Мне так хочется обнять тебя.

Она криво улыбается мне и встает.

- Я знаю. Сейчас еще рано. Принести тебе немного...

Раздается стук в дверь. Летия приоткрывает ее.

- Это лорд Люсьен. Он вернулся.

Я изучаю лицо Люсьена, который сидит на моем диване и пьет шоколад. У него щетина на подбородке и темные круги под глазами.

Он замечает мой пристальный взгляд и краснеет.

- Прошу прощения, Ваша Светлость. Я подумал, что лучше всего будет прийти прямо сюда. - Он пытается, хотя и не очень успешно, привести в порядок волосы, проводя по ним пальцами.

- Не извиняйтесь, Люсьен. Вы выглядите измученным, вот и все. Вам надо было

подольше отдохнуть в Мерле.

- Я не хотел больше откладывать свое возвращение. Мне потребовалось больше времени, чем я надеялся, чтобы найти рецепт противоядия среди записей вашего отца; я не был готов уйти до вчерашнего вечера.

Вчерашнего вечера? Он, должно быть, летел быстро и без остановки, чтобы так быстро добраться до нас. Я хочу сказать ему, как сильно я ценю его помощь - мне хочется протянуть руку и вытереть грязное пятно с его ключицы, но что-то останавливает меня. Сложив руки на коленях, чтобы не поддаваться искушению, я прибегаю к формальностям.

- Атратис благодарит вас за ваши усилия, лорд Руквуд. - Он так удивился моей нелепой фразе, что я расхохоталась. - Мне очень жаль. Я имею в виду, спасибо, Люсьен. - Мой смех затихает. - Вам не обязательно было соглашаться помогать мне.

Он слегка улыбается, приподнимая бровь.

- Вы можете себе представить реакцию моего отца, если бы я этого не сделал?

- В ваших словах есть смысл.

- Могу я спросить, увенчалось ли ваше дело успехом?

- Ну... - Я наливаю ему еще шоколада и рассказываю о двух своих попытках обыскать комнату Зигфрида, за которыми последовали суд и беседа с королевой. Когда я заканчиваю, он сердито смотрит на ковер.

- Что же это такое, что мы упускаем из виду?

- Значит, вы согласны, что здесь происходит что-то еще? - Он кивает, и я продолжаю: - Если королева знает, что кто-то собирается захватить престол, но не знает, кто именно, значит, именно этим и объясняется вчерашний суд. Возможно, она надеется вывести Зигфрида на чистую воду.

- Возможно. Или, может быть... - Он замолкает, чтобы подавить зевок. - Простите.

- Люсьен, вам нужно отдохнуть. Мы можем поговорить об этом позже.

- Конечно. - Он берет со стола мой браслет из тонкой золотой филигрании, похожий на перышко, и вертит его в пальцах. Но он не делает ни малейшего движения, чтобы уйти.

- Милорд, что-то случилось?

Он вздыхает.

- Когда я был в лаборатории в Мерле, изучая книги вашего отца, я нашел кое-что такое... - Он хмурится еще сильнее. - Что меня обеспокоило.

Я жду, когда он продолжит.

- Миледи, вам это не приходило в голову? - Он снова замолкает, все еще сосредоточившись на браслете, и едва заметно качает головой, словно пытаясь прогнать какую-то неприятную мысль.

- Люсьен? - От страха у меня встают дыбом волосы на затылке. - Пожалуйста, скажите мне.

- Этот друг-химик, о котором упоминал Зигфрид, тот самый, который якобы изготовил яд, убивающий короля... - Он осторожно кладет браслет обратно на стол и смотрит на меня. - Ваша Светлость, а вам не приходило в голову, что другом Зигфрида мог быть ваш отец?

Глава четырнадцатая

– Мой отец? Не говорите глупостей, Люсьен! – Я вскакиваю и брожу по комнате, пока мой взгляд не падает на книгу, которую я читала; тонкий томик стихов, который мой отец когда-то подарил мне на день рождения. Я хватаю его и прижимаю к груди. – Мой отец был хорошим человеком. Он учился на целителя, а не на убийцу.

– Я знаю, но...

– И, кроме того, Зигфрид сказал, что его друг создал зелье, которое заставляет меня трансформироваться, а также то, что отравляет короля. Если бы мой отец изобрел такое зелье, неужели вы думаете, что он не дал бы его мне? Что он унес бы эту тайну с собой на погребальный костер? Это невозможно.

Люсьен не отвечает.

Моя грудь сжимается. У моего отца, несомненно, был мотив, если он действительно подозревал своего брата в смерти моей матери. И сам Зигфрид сказал мне, что они с химиком виделись.

Но это все равно невозможно.

Я открываю книгу и читаю надпись: *«Моей любимой дочери на ее четырнадцатый день рождения – “и там, где поют звезды, ты будешь парить. И там, где падают звезды, ты будешь свободна”»*. Еще одна цитата из литании.

– Мой отец любил меня.

– Конечно, он любил. Но что, если этот друг на самом деле больше, чем один человек? Нет никаких причин предполагать, что Зигфрид говорит правду. Может быть, кто-то другой создал трансформирующее зелье. А ваш отец разработал яд.

Я нетерпеливо качаю головой:

– Зачем вы все это говорите?

Люсьен протягивает небольшой сверток, лежавший рядом с ним на диване.

– Я нашел это в лаборатории вашего отца.

Я неохотно беру сверток и заглядываю внутрь. Одна из записных книжек моего отца, хотя и меньше тех, которыми он обычно пользовался. И когда я начинаю листать ее, я вижу, что структура не совпадает со стилем, что была в остальных его книгах. Обычно отец начинал с наблюдений за симптомами той или иной болезни, ее возникновением, скоростью распространения инфекции и так далее – и затем начинал вести экспериментальные черновики. Но эта книга... она не похожа на книгу по целительству. Я просматриваю открытую передо мной страницу.

«Горная скабиоза, действует крайне медленно, способ добычи неясен, весьма очевидно, предназначен для прямого потребления... Дорилус, крайне ядовитые муравьи, но не стоят потраченных усилий на добычу...».

Запись за записью, сделанной неровным почерком моего отца. Я продолжаю листать страницы, пока не дохожу до места, куда кто-то (Люсьен?) – положил закладку. Здесь почерк еще более неаккуратный; я подношу книгу к окну и наклоняю ее к свету, щурясь.

«...поскольку каменный дракон пережил процедуру, дав нам возможность получить больше яда, я перешел к следующему этапу эксперимента. Я сижу в ожидании (с некоторым трепетом) перед дальнейшим изучением того, как яд проявит себя. Предполагаю, что повреждения кожи, такие как высыпания или что-то подобное, могут стать самым первым проявлением...».

Каменный дракон на пляже с оборванной на шее цепью.

Высыпания, которые я видела на коже моего дяди. И только сейчас я задумываюсь о том, что они похожи на язвы, покрывающие кожу моего отца перед его кончиной. Возможно

ли, что он экспериментировал на самом себе?

И о каких «нас» он говорит?

Я захопываю книгу.

Люсьен наблюдает за мной.

- Это не может быть правдой. - Я делаю глубокий, прерывистый вдох. - Это не может быть правдой, потому что...

Потому что если это так, то что еще из того, что я признавала истиной, на самом деле ложь?

Я смотрю на книгу в своих руках. Возможно, это свидетельство соучастия моего отца в болезни короля. Но у меня до сих пор нет доказательств причастности Зигфрида. Все, что я могу сделать, - это повторить то, что он сказал мне: он планирует захватить королевство. Он считает меня добровольным сообщником. Мое сердце бьется быстрее. Поверят ли в это другие? Обо мне, конечно, ходит довольно много слухов. Что, если я достаточно храбра, чтобы признать их правдой?

- Сдайте меня.

- Что? - Мой клерк хмурится, ничего не понимая.

- Используйте это как доказательство. Я напишу признание - скажу, что мы с Зигфридом работали вместе, используя записи моего отца; что мы планировали захватить престол. Вызовите темных стражников, чтобы арестовать меня, и я расскажу все, что говорил мне Зигфрид.

- Я не собираюсь этого делать, - Люсьен качает головой. - Вы в шоке, Адерин, но у вас нет причин...

- У нас нет других вариантов, Люсьен.

- Вы ведете себя глупо.

- Нет, это не так. Сдайте меня. Если королева ищет какую-то причину, чтобы поймать Зигфрида, то это даст ей это право. Может быть, кто-то сумеет найти тело Флейфезера. И вам, вероятно, дадут Атратис в награду.

Люсьен встает с дивана и начинает рассказывать по комнате.

- Безумие! Вы знаете, что они сделают с вами, если вы признаетесь в измене? Они выведут вас на арену, а потом...

Я обсуждаю это с Люсьеном, пытаюсь сосредоточиться на его будущем, а не на моей неизбежной казни.

- Конечно, должен быть вызван Скейн... - Для переселения доминиона потребовалось бы согласие всех: монархов, защитников и Собрания... - Но я уверена, что они будут рады сделать вас новым защитником.

Мой клерк издает звук - нечто среднее между смехом и стоном - и опускает голову на руки.

- Мне не нужен Атратис.

- Но почему нет? Вы будете защитником лучше меня. Арон понимает: в королевстве нет места дворянину, который не умеет летать. И Атратис заслуживает лучшего, чем защитника, который не может трансформироваться, который не способен по-настоящему защитить их. - Я провожу языком по пересохшим губам. - Вы заслуживаете лучшего.

- Нет, - Люсьен поднимает голову; к моему удивлению, его глаза полны страдания. - Я не предатель, Адерин. Я... - Он замолкает, тяжело дыша. - Вы сами не знаете, что говорите, о чем просите. И вы ошибаетесь. Сомневаюсь, что в данных обстоятельствах я справился бы лучше вас.

Я кладу книгу ядов рядом с книгой, которую дал мне отец, и прижимаю дрожащие ладони к глазам. Возможно, мой отец был обманут Зигфридом, как и я какое-то время. Возможно, он хотел только напугать брата, заставить его признаться. Он был хорошим человеком. Но хороший человек все же может делать ужасные вещи.

Я, как никто другой, должна об этом знать.

- Это было ужасно, Люсьен: то, как умер Флейфезер. Я была той, кто сказал Зигфриду убить его. Я стояла и смотрела, как он страдает. И я была рада этому.

Люсьен подходит и встает рядом со мной. Он собирается взять меня за руки? Обнять меня, как в ту ночь, когда Патрус напал на меня? Я бы хотела, чтобы он это сделал. Мое сердце, все мое тело, жаждет прижаться к нему. Почувствовать себя защищенной, хотя бы на мгновение. Но он лишь нерешительно кладет руку мне на плечо.

Полагаю, это все, на что я могу рассчитывать.

- Это ничего бы не изменило, Адерин. Что бы вы ни сказали и ни сделали, Зигфрид все равно собирался убить его.

- Возможно.

Я никогда не буду в этом уверена.

Сделав над собой усилие, я гоню мысли об отце прочь. Сегодня утром будет еще одна свадебная репетиция - последняя, я надеюсь, - поэтому я отсылаю Люсьена отдыхать, вызываю Летию и надеюсь, что присутствующие не заметят (или, по крайней мере, не прокомментируют), как устало я выгляжу.

Летия уговаривает меня позавтракать перед выходом из комнаты, и не зря: репетиция тянется почти четыре часа. Почтенная монахиня настаивает на том, чтобы отработать с нами каждую деталь церемонии. Мы слышим (не один раз) чтения из литаний. Мы слушаем Респонсорий, исполняемый хором бескрылых певцов, рискованно сгрудившихся у края платформы. Мы практикуемся в ходьбе и коленопреклонении в нужные моменты. По какой-то причине самого Зигфрида нет, и Одетте приходится давать свои клятвы почтенной монахине, что это дает нам двоим шанс легче ускользнуть, когда мы наконец-то заканчиваем.

Вместе с ней мы спускаемся по главной лестнице в прихожую, затем по широким каменным ступеням, ведущим во внутренний двор; мы направляемся к храму. Мост, перекинутый через внутренний двор, и ручей, который бежит от гор к фьорду, занят слугами. Они, как обычно, в перчатках, вычищают белый мрамор с хрустальными крапинками перед подготовкой к свадьбе. Они останавливаются и кланяются, заметив нас.

После сияния залитого солнцем двора темнота храма ослепляет меня; глазам требуется несколько мгновений, чтобы привыкнуть. Одетта направляется к одной из боковых часовен. Я следую за ней, наблюдая за движениями ее тела, когда она на мгновение опускается на колени, а затем встает, чтобы зажечь свечу перед изображением часовни на стене. Она так же грациозна, как одна из бескрылых балерин, которых мы наблюдали в большом зале, кажется, несколько месяцев назад.

- Ну что, кухня, пройдемся пешком?

Насколько я вижу, здесь больше никого нет, поэтому я беру ее под руку, и мы начинаем прогуливаться по краю закольцованного центра. Наши шаги по узорчатому полу эхом отдаются в пыльном полумраке.

- Как давно ты знакома с Зигфридом, Одетта?

- Думаю, не очень давно. Он провел некоторое время при дворе, пока рос, как и большинство дворян. Но он немного старше нас с Ароном. Арон никогда его не любил. А я слишком нервничала, чтобы разговаривать с ним. Мне пришлось довольствоваться тем, что я могла любоваться Зигфридом на расстоянии. - Она слабо улыбается и искоса смотрит на меня. - А что?

- Потому что он упомянул кое-что, пока мы были одни. - Я делаю паузу, нахмурившись; я озвучила это так, словно он обсуждал свою любимую еду. - Я хочу сказать, он кое в чем признался.

- Признался? - Брови Одетты выгибаются дугой. - Ты заставляешь меня нервничать.

- Ты правильно делаешь, что нервничаешь, - я пытаюсь придумать какой-нибудь способ, чтобы смягчить то, что собираюсь сказать, но не могу. - Зигфрид виноват в болезни твоего отца, Одетта. Он хочет убить короля. И после этого...

- Полагаю, ты хочешь сказать, что он собирается убить и меня тоже. - Ее голос легок и легкомыслен. - Что бы ни говорили Арон и Люсьен, Зигфрид не похож на своего отца.

- Нет, он гораздо хуже. Он планирует не убить тебя, а отравить наркотиком. Чтобы навечно запереть тебя в обличье лебеда.

Она с облегчением смеется.

- Нелепо. Это невозможно. Он сбил тебя с толку, кузина. Или ты пытаешься напугать меня. - Ее улыбка исчезает. - Неужели ты так отчаянно хочешь разлучить нас, Адерин? Неужели ты думаешь, что, если я разорву помолвку, он придет к тебе?

- Нет! Я не хочу ничего подобного. Если бы ты только знала, сколько лжи наговорил Зигфрид. Даже моя способность к трансформации - ложь: это зелье, которое он дает мне, изменяет мою форму, а не меня. Я была... я была обманута им, как и ты. Пожалуйста, Ваше Высочество, вы должны выслушать меня...

- Но я не знаю, кузина. Единственное, что я должна сделать, - это выйти замуж.

Я сжимаю кулаки.

- Одетта, я пытаюсь найти доказательства, подтверждающие мои обвинения, но в то же время ты должна защитить себя...

- Мне всегда нравилось это окно.

Сбитая с толку, я слеую за взглядом Одетты и смотрю на огромное витражное окно. Оно должно быть обращено на юго-запад; цветастые стеклышки пылают, как будто освещены огнем. На нем изображена карта королевства, но вместо привычных границ доминионов и Собственности Короны представлены другие картинки: крошечные, застывшие изображения Соланума. Заснеженная гора, зеленый луг, бирюзовое озеро, дуб с золотыми листьями. Слишком много, чтобы я могла все разом разглядеть.

- Наше королевство прекрасно, не так ли? - спрашивает моя кузина.

- Да. Так и есть.

Она поворачивается ко мне лицом.

- Ты говоришь мне, чтобы я защищала себя. Но кто защитит народ королевства, если не я?

- Арон действительно хочет править. Если бы нам удалось убедить Собрание...

Одетта качает головой:

- Ты же знаешь законы, кузина. Если я откажусь выйти замуж, я не смогу править. Арон не способен летать, поэтому он не может править. А теперь ты говоришь мне, что тоже бескрылая. Если мой отец умрет, а я не выйду замуж или откажусь от престола, к кому обратится Собрание? Кто следующий в очереди?

Я бормочу в ответ:

- Аурик из Олориса. А за ним - Зигфрид.

- Именно. Зигфрид. - Ее голос становится жестким. - И я могу назвать тебе дюжину придворных, которые согласятся выйти за него замуж, убийца он или нет, чтобы носить

корону. – Она берет меня за руки. – Как я уже говорила, я не слепая, кузина. Я знаю, что мой жених не тот человек, каким бы я хотела его видеть. Я признаю, что ты пытаешься помочь мне. И если бы у тебя были доказательства, о которых ты говоришь...

– Но если мы скажем об этом Собранию, они могут помочь. Где-то под Цитаделью лежит тело...

– Кузина, ты лишь недавно избранная защитница, ты не можешь летать и провела при дворе всего несколько недель. У тебя нет поддержки за пределами твоего собственного доминиона. Собрание тебе не поверит, – она вздыхает. – Они будут слишком бояться Зигфрида, чтобы поверить тебе. Если королева не вмешается, я выйду за него замуж. Если то, что ты говоришь, правда, как только я стану королевой, у меня будет власть остановить его. Я надеюсь.

Входит одна из почтенных монахинь и начинает подливать масла в лампы. Она улыбается нам и наклоняет голову.

– Как пожелаешь, Одетта. Но если ты придумаешь хоть один способ, с помощью которого я смогу помочь тебе...

– Остайся здесь. Не возвращайся в Атратис. Не оставляй нас с Ароном одних.

Понимает ли она, о чем просит меня? А может, и нет. Но я не могу бросить ее.

Раздается колокол замка.

– Опять? – Одетта хмурится. – Больше никаких арестов. Или... – Она сглатывает и ускоряет шаг. – Возможно, это мой отец...

Вместе мы возвращаемся к Цитадели. Вестибюль с высоким потолком полон придворных, сбившихся в кучки или нервно озирающихся по сторонам, а над нами все еще звенит колокол. Несколько человек замечают меня и начинают перешептываться.

– Смотри, – Одетта указывает на лестницу: Арон идет нам навстречу. – Брат, что случилось? Отцу хуже?

– Нет, его состояние не изменилось, – Арон смотрит на меня.

– Но члены Собрания, которые были осуждены за измену, по-видимому, добровольно сообщили некоторые дополнительные детали этого предполагаемого заговора. Никаких арестов пока нет, но некоторые люди были привлечены к допросу.

Одетта берет меня за руку. Я задаю вопрос, хотя и уверена в ответе.

– Люсьен?

Он кивает, и мое сердце колотится в остром приступе паники...

Но паника сейчас ничем не поможет. Я делаю глубокий вдох.

– Где их допрашивают? И кто ведет допрос?

– На верхнем этаже, в южном крыле. Там есть небольшой зал, Солнечная камера. Главный секретарь проводит собеседования, очевидно, при содействии... – Он поднимает бровь, глядя на сестру. – ...Лорда Редвинга.

Зигфрид. Если он находится в этой Солнечной камере, значит, его комната пуста.

– Как вы думаете, когда им разрешат выйти?

– Понятия не имею. Думаю, через несколько часов.

– Спасибо, Арон. Прошу меня извинить... – Я кланяюсь своим кузинам и спешу так быстро, как только могу, не привлекая излишнего внимания, обратно в свои комнаты.

К тому времени, когда через несколько минут появляется Летия, запыхавшаяся – наверное, она убежала после того, как я так яростно дернула за звонок, – у меня в голове

уже созрел план.

- Адерин, я слышала о лорде Люсьене...

- Я знаю, но у нас есть дела, которые не могут ждать. - Она выглядит испуганной, но я продолжаю настаивать: - На днях ты говорила мне о горничных. Они все носят форму, не так ли? Они все абсолютно одинаковы?

Она кивает.

- В оттенках серого. Темно-серое платье, светло-серая шапочка и фартук.

- Как думаешь, сможешь достать мне один комплект?

- Думаю, что да - я знаю хозяйку прачечной. Но что ты собираешься с ней делать?

- Люди не обращают внимания на слуг, - в глазах Летии мелькает обида, я себя поправляю: - Мне очень жаль, мой друг. Я хотела сказать, что дворяне, придворные, мы привыкли не замечать людей, которых нанимают в качестве слуг. Особенно горничных: все одеты одинаково, все в каждой части Цитадели... Ни один дворянин не бросит второго взгляда на горничную. Сомневаюсь, что и старшие слуги смотрят на них.

- Верно.

- Мне нужно вернуться в покои лорда Зигфрида. Мне удалось сохранить ключ, и я знаю, что сейчас Зигфрид наверху допрашивает людей - это идеальное время. Если ты достанешь мне форму, то даже если кто-то войдет, это будет выглядеть как будто я просто вытираю пыль.

Выражение лица Летии весьма скептическое.

- Адерин, я люблю тебя, но ты никогда в жизни ничего не вытирала. - Она усмехается. - У меня есть другая идея... Я сейчас вернусь.

Пока я жду возвращения Летии, я рассматриваю потенциальных союзников среди моих коллег-защитников и других придворных. Патрус, будь он здесь, вероятно, встал бы на сторону Зигфрида, хотя бы из вредности. Грейлинг Рен, вероятно, почувствует, что ему нужно обратиться к отцу за советом. Если и вовсе не улетит. Но Ланкорфис, учитывая, что Нисса и Люсьен родственники, несомненно, присоединится к Атратису. И Арден Дакийский тоже может дважды подумать, прежде чем позволить Олорису управлять короной; хотя я точно не знаю, какое давление оказывает на него арест его кузена. Я решаю начать с Ардена. Завтра день бракосочетания, а утром состоится турнир, но после этого я найду способ поговорить с ним наедине. Возможно, Одетта права - может случиться так, что он мне не поверит. Но я узнала то, что иногда правда имеет меньшее значение, чем положение. Особенно здесь.

- Вот и все. - Летия кладет на пол большой мешок. - Несколько тряпок, метла и две формы.

- Две? - Я начинаю качать головой, но Летия только смеется.

- Ты еще и никогда ничего не подметала. По крайней мере, одна из нас должна выглядеть так, будто знает, что делает. Это будет похоже на то, словно мы вернулись в Мерл, переоделись в старую одежду и спрятались от твоего учителя.

Я сомневаюсь, что из этого выйдет хотя бы что-то путное. Но все же это не тот спор, который я могу - или хочу - выиграть.

К середине дня мы вдвоем направляемся в северное крыло. Я уже благодарна Летии: она останавливает меня, когда я поднимаюсь по широкой, украшенной резьбой лестнице, которую обычно выбираю, и ведет на этаж Зигфрида, используя одну из лестниц для прислуги («черную лестницу», как она их называет). И все же моя теория оказалась верной. В главных коридорах никто на нас второй раз не оборачивается, мы словно невидимые. Подойдя к двери Зигфрида, Летия стучит, но ответа нет, поэтому она

открывает ее сама.

- Мне снова запереть дверь?

- Нет, горничные не закрывают, не так ли? Я хочу, чтобы ты понаблюдала за дверью, пока я осмотрюсь.

Летия занимает свое место рядом со столом с тряпкой в руке, в то время как я заправляю другую тряпку за пояс и начинаю рассматривать книжный шкаф. Я не нахожу там ничего примечательного, ни спрятанного в каминной решетке, ни в клавишине, поэтому переключаю свои поиски на спальню.

В этой комнате тоже не так много мебели. Мне не требуется много времени, чтобы заглянуть под кровать, в различные ящики и шкаф; у Зигфрида действительно удивительно мало одежды и личных вещей, по крайней мере здесь. Я стою, оперев руки в бока, постукиваю ногой, пытаюсь сообразить: где бы он мог спрятать что-нибудь тайное?

Пол подо мной слегка скрипит.

«Мы здесь, чтобы починить скрипящую половицу...»

Я вздрагиваю, когда в памяти всплывает момент: я, прячущаяся в гостиной, когда входят горничная и рабочий. В следующее мгновение я уже стою на четвереньках, пытаюсь поднять половицы, отчаянно надеясь, что человек Зигфрида отослал прислугу прежде, чем они успели сделать ремонт.

Одна из досок отодвигается, поддета моими ногтями. Я поднимаю половицу достаточно высоко, чтобы пропихнуть руку в углубление...

Там что-то есть. Мои пальцы скользят по бумаге. Когда я вытаскиваю сверток, то вижу в своих руках письма. Сунув их в карман фартука, я ставлю доску на место и выхожу из спальни.

Как раз вовремя: открывается парадная дверь, и входит один из слуг Зигфрида, тот самый человек, которого я видела на днях. Он стонет.

- Вечно суетятся. Там достаточно чисто - убирайтесь, вы.

Летия молча делает реверанс и направляется к двери. Я копирую ее движение и следую за ней...

- Ты, девчонка...

От страха у меня перехватывает дыхание. Но я заставляю себя обернуться, не поднимая глаз.

- Господин?

- Ты забыла свою метлу, - он вздыхает и бормочет: - Дура.

Я принимаю оскорбительное замечание, делаю еще один реверанс и убегаю. Мы с Летией поспешно возвращаемся, молча, пока не оказываемся в комнате с запертой дверью.

- Летия...

- Ты забыла свою метлу!

Чувство облегчения слишком велико; мы падаем от смеха. В конце концов Летия приходит в себя и напоминает мне, что одежду и все остальное нужно вернуть в прачечную, прежде чем их хватятся. Когда она уходит, я вызываю Тюрлика и прошу его сообщить мне, когда Люсьен вернется в свою комнату (я отказываюсь даже думать о том, что его могут арестовать). Затем я сажусь в свое любимое кресло и начинаю изучать свою находку.

Письма, всего их восемь, являются руководством по отравлению короля. Они затрагивают такие темы, как доза, сроки, изобретательные методы введения.

Предложения включают пропитывание простыней или нанесение яда на мебель спальни. Но радость, возникшая от нашей маленькой победы над Зигфридом, быстро рассеивается: мне требуется не больше одного письма, чтобы узнать стиль и почерк моего отца.

Наверное, я должна быть благодарна Люсьену за то, что он показал мне отцовскую тетрадь; шок и тошнота, поднимающаяся в моем желудке, слабее, чем могли бы быть в ином случае. По крайней мере, в словах, написанных моим отцом, нет никаких любезностей. Никаких признаков того, что он считал Зигфрида своим другом. Каждая фраза деловита. Даже судя по тому, как адресованы письма...

Нахмурившись, я снова просматриваю их. Подпись моего отца стоит под каждым из писем. Но в начале нет имени. Все они адресованы *моему господину*.

Я вздыхаю. У меня больше доказательств, чем было раньше, но все равно недостаточно. Опять-таки все сводится к моим словам, что письма были в комнате Зигфрида, что мой отец писал ему, а не кому-то другому. И до сих пор неясно, как Зигфрид выполнил свою задачу, каким образом он достал это зелье, как он получил доступ в комнаты короля. Я прикусываю нижнюю губу, размышляя. Возможно, письма Зигфрида к моему отцу все еще есть в Мерле. И если я пошлю Люсьена, чтобы найти их, по крайней мере, он, может быть, будет вне досягаемости. Возможно. Если. Может быть. Единственное, в чем можно быть уверенным, так это в том, что участие моего отца в этом заговоре нельзя держать в секрете. Чтобы спасти мой дом и моих друзей, мне придется пожертвовать его памятью и репутацией.

Да будет так. Живые важнее мертвых.

Мягкий бой часов на каминной полке обращает мое внимание на то, что Летии нет – она уже давно должна была вернуться. Тревога пронзает мой позвоночник. Я вскакиваю и дергаю за ручку звонка, стараясь не обращать внимания на страхи, которые мгновенно возникают в моем сознании, – что кто-то видел, как мы выходили из комнаты Зигфрида, что ее тоже отправили на «допрос». Проходит еще полчаса, пока я прохаживаюсь взад-вперед по комнате. Я уже собираюсь отправиться на поиски подружки, когда в дверь наконец входит Летия с подносом еды.

– Где ты была? – Я выдыхаю часть напряжения, которое сковывает мои плечи. – Я думала, тебя арестовали.

– Мне очень жаль. Но мне нужно было приготовить тебе ужин. А потом, ты попросила меня держать ухо востро на случай чего-нибудь полезного. Так что это то, что я и делала, отчасти.

– И что же ты узнала?

– Сначала еда. Я полагаю, ты не ела с самого завтрака. Я буду чувствовать себя менее виноватой, принимая жалованье от лорда Ланселина, если по крайней мере, удостоверюсь, что тебя кормят, пока я помогаю тебе рисковать своей жизнью.

Я вдруг понимаю, что проголодалась: от запаха жареного сыра, фруктового пирога и яблочного сока у меня текут слюнки. Я ем быстро.

– Выглядит очень аппетитно, спасибо. А теперь расскажи мне все, пока я ем.

– Ну, сегодня утром был новый завоз. Еда для свадебного пира, включая какие-то причудливые пирожные, такие, как у тебя, из Олориса, – Летия скорчила гримасу, свидетельствующую о том, что она невысокого мнения об олорских деликатесах. – Как бы то ни было, когда я вышла из прачечной, я вернулась через кухню, а олорские возчики сидели там и ели, и пили, что, по-моему, вполне справедливо, поскольку они проделали долгий путь и, вероятно, ночевали...

– Верно... – Я киваю, надеясь ускорить рассказ Летии.

– Один из них попросил меня выпить с ним бокал вина, поэтому я согласилась, думая, что могу спросить его о лорде Зигфриде...

– Но ты была осторожна, не так ли?

- Конечно. И мне даже не нужно было спрашивать, он просто продолжал говорить. - Она мрачно улыбается. - Как будто у него внутри слишком много слов, и если он их не вытаскивает, его внутренности взорвутся.

- Но что он сказал?

- Сначала он рассказывал, каким диким был в молодости отец лорда Зигфрида, Аурик Редвинг. И каким лорд Зигфрид был сдержанным, но как все из-за этого еще больше боялись его. А потом... - Она замолкает и понижает голос: - Потом он заговорил о королеве. Говорят, что она на самом деле не дочь человека, который считается ее отцом. Что мать королевы была тайной любовницей этого Аурика, вплоть до ее замужества.

Я роняю кусок пирога, который ем, и хватаюсь за подлокотники кресла, почти задыхаясь от внезапного ускорения сердцебиения.

- Потому королева и Зигфрид...

Летия кивает. Если слухи верны, она его сводная сестра.

Я откидываюсь на подушки дивана. Так много вещей, которых я не понимала раньше, теперь приобрели смысл. Как Зигфрид получил доступ в кладовую, где он держал Флейфезера. Почему олорские стражники были допущены в пределы Собственности Короны. Я вспоминаю суд, осознавая, что не услышала тогда в словах королевы отголоска мыслей, которые уже высказал Зигфрид. И когда она спрашивала меня на следующее утро о Зигфриде, она на самом деле хотела знать, что я думаю о ее брате...

Разумеется, именно она устроила суд, посеяв семена недоверия и страха между доминионами. И это она, должно быть, отравила короля.

Мои мысли возвращаются к дяде. Он убил мою мать из-за своей ревности, или из-за жажды власти, или из-за того и другого вместе и почти уничтожил моего отца. Своего собственного брата. Я помню, как король насмеялся надо мной: «Твой отец однажды недооценил меня...»

Меня переполняет горестное желание: чтобы король узнал перед смертью, что мой отец отомстил ему.

- Адерин, куда ты идешь? - Летия зовет меня, но я не останавливаюсь. Вместо этого я поднимаюсь по бесконечной лестнице в королевские покои. Запыхавшись, я подхожу к приемной короля. Но у двери нет никакой стражи. Ее нигде не видно. Я колеблюсь мгновение, поворачиваю ручку и вхожу.

Приемная пуста; сейчас ранний вечер, так что, возможно, все слуги короля уже ужинают. Я сжимаю кулаки, стараясь не дать мужеству ускользнуть, и как можно тише прохожу по комнате. В конце коридора есть дверь, ведущая в следующую, более уединенную комнату, где мой дядя сказал мне, что я должна выйти замуж за Патруса. Я подхожу к двери и кладу пальцы на ручку...

Из узкого коридора справа от меня доносится шум. До этого я его не замечала. Но теперь я слышу голоса. И журчащий смех. Не выходя из тени, я крадусь по коридору туда, где он переходит в другую комнату. И заглядываю внутрь.

Зигфрид. И королева. Они стоят близко друг к другу. Зигфрид шепчет что-то ей на ухо, и она снова смеется, обнимая его за шею. Он толкает ее спиной к стене, прижимается к ней и...

Целует ее.

Глава пятнадцатая

Он целует ее. Только не по-братски. Он целует ее точно так же, как пытался поцеловать меня, а потом задирает ей юбку...

Я прижимаю руку ко рту и отскакиваю в тень. Но, кажется, слишком поздно. Видимо, я ахнула громко. Думаю, они меня услышали.

Я резко подсакиваю с места.

Я бегу обратно через приемную. И останавливаюсь, только добежав до двери. Никаких признаков погони. Очень тихо и осторожно я открываю дверь, закрываю ее за собой и снова бегу.

Но не обратно в свою комнату, а вниз. Я не останавливаюсь, пока не добегу до конюшни. Они меня не ждали: лошади встают на дыбы, конюхи проклинают меня, но мне все равно. Я не прекращаю бежать, пока не оказываюсь в стойле Хенги.

Она фырчит в знак приветствия. И то, что я не могу обнять ее за шею, не могу зарыться лицом в ее гриву, разрывает мне сердце. Я падаю на сено, прислонившись спиной к стене стойла, и жду, когда мое дыхание замедлится. Хенга вскидывает голову и смотрит на меня.

Я помню банкет в честь Дня жениха, когда королева, прищурившись, наблюдала за счастьем Одетты. Она никогда не заботилась о благополучии Одетты. Ни тогда, ни когда спрашивала меня, делю ли я постель с Зигфридом.

Она ревновала.

- Что же мне делать, Хенга?

В ответ Хенга снова фырчит, ковыряя землю передним копытом. Она хочет выбраться отсюда. И это было бы так просто. Если я надену перчатки, то смогу оседлать ее сама. Мы могли бы сбежать из Цитадели и вернуться в Атратис. Вернуться в Мерл. Я могла бы убежать, как это сделали мои родители. Убежать, спрятаться и ждать, пока Зигфрид меня не выследит. Без его зелья я не смогу долго прятаться.

Я тянусь к висящей на стене кисточке с длинной ручкой и начинаю водить ею по спине Хенги, пытаюсь сдержать гнев, который начал закипать в моих венах. Как давно Зигфрид и его сестра планировали все это? До того, как она вышла замуж за короля? И попытка Зигфрида соблазнить меня тоже была запланирована ими или Зигфрид один играл в эту игру? Стоял со мной на крыше в Дофлере, рассказывая о силе своей страсти... Без сомнения, он думал, что будет забавно узнать, как сильно он сможет унижить меня. Насколько твердо меня можно убедить, насколько я готова сдать ему.

Я стискиваю зубы и сжимаю щетку так сильно, что на моей руке виднеются сухожилия. Либо так, либо я расшибу щетку о стенку позади себя.

Хенга фыркает и закатывает глаза; она удивляется, почему я перестала ее чесать. Или, может быть, она пытается развеять мое напряжение. Я извиняюсь и снова начинаю водить щетиной по ее шерсти, мои мышцы расслабляются, когда ярость немного остывает.

Кисть изготовлена из дерева и окрашена в красный. Она напоминает мне красное платье, которое я любила, платье, которое было на мне, когда умер мой отец.

Мой отец провел годы, скрываясь в Мерле. Пряча свои проблемы и пряча меня. И ради чего? Это не решило ни одной проблемой.

Но я не мой отец, и у меня есть выбор.

Я вешаю щетку на место.

- Мне очень жаль, Хенга. Я не могу покататься на тебе сегодня вечером. Я попрошу одного из конюхов взять тебя с собой. - Она ржет, как будто понимает. Я надеюсь, что так и есть.

Я не собираюсь бежать и не собираюсь прятаться. Я собираюсь сражаться.

Я уже на полпути к главному входу в замок, когда Арон догоняет меня.

- Адерин...

- Я как раз собиралась найти тебя, кузен. Что случилось?

- Ничего. Ну... - он приподнимает бровь, - не больше, чем обычно. Они закончили допрос Руквуда и позволили ему уйти. Я подумал, что ты захочешь узнать.

- Спасибо.

- Зачем ты меня искала?

- Есть несколько вещей, которые я хотела бы обсудить с тобой. - Я сохраняю выражение лица и тон нейтральными; слишком много людей все поднимается по широким мраморным лестницам, слишком много темных стражников стоит поблизости. И все смотрят, слушают, гадают, на кого упадут обвинения в измене дальше. - Дело в моей лошади. У Хенги пропал аппетит, и я не уверена, что согласна с диагнозом заведующего конюшней.

- Конечно. Тревожно, когда лошади нездоровится.

Арон явно понимает мою уловку.

- Когда тебе будет удобно?

Я колеблюсь. Я надеялась поговорить с Ароном, рассказать ему все, что узнала сегодня вечером. Но уже поздно, и мне нужно сначала увидеть Люсьена.

- Наверное, завтра. После турнира?

- Почему бы тебе не прийти ко мне в седьмом часу? Мы можем пообедать вместе.

- Замечательно. Спасибо, кузен. Я уверена, что ты сможешь успокоить меня.

В отличие от вестибюля, коридоры Цитадели пребывают в тишине. Настроение по ощущениям, как воздух перед большой грозой: давит тяжестью напряжения и скопленной энергией перед грядущими событиями. Сначала я возвращаюсь в свою комнату. Летия ждет меня, как я и предполагала. Я успокаиваю ее и говорю, чтобы она шла отдыхать и что я увижусь с ней утром. Она, видимо, склонна спорить, но я напоминаю ей, что раньше я самостоятельно укладывалась спать в Мерле, и что она будет мне полезнее, если отдохнет. Как только Летия желает мне спокойной ночи, я направляюсь в комнату Люсьена. Тюрлик впускает меня.

- Ваша Светлость, я как раз шел за вами.

- Не важно, Тюрлик, мой кузен дал мне знать.

Люсьен сидит за столом и пишет письмо. Он босиком, в рубашке и брюках, туника перекинута через спинку стула. Увидев меня, он встает и кивает своему слуге:

- Спасибо, Тюрлик. Это займет весь вечер.

- Вы уверены, милорд? Неужели мне больше нечего вам принести? Может быть, фрукты или еще вина?

- Я едва прикоснулся к первой бутылке, которую ты принес. Правда, иди отдохни.

- Хорошо, милорд, - Тюрлик качает головой и спешит прочь.

Я хмурюсь ему вслед, когда он уходит.

- Он выглядит расстроенным.

- Наверное, он беспокоился, что с ним может что-то случиться, если меня не отпустят.

- Я думаю, он беспокоился о вас. - Я прохожу в комнату. - Мы все переживали.

- Ваша Светлость, - Люсьен не делает ни малейшего движения, чтобы снова сесть, а только вертит в руках ручку, - вы не должны быть здесь. Это опасно.

- Почему? Я имею право навестить своего клерка. Кроме того, никто, кроме Лети и Тюрика, не знает, что я здесь. Вокруг нет ни души...

- Кто-нибудь мог увидеть вас раньше. Кто-то наверняка следил за вами. Вы, как всегда, пошли на неоправданный риск, - он вздыхает и наконец поднимает на меня взгляд. - Я не знаю, почему меня отправили на допрос, но сомневаюсь, что это конец. Вам нужно - вы должны - держаться от меня как можно дальше. Я не хочу, чтобы вы были втянуты в то, что произойдет дальше.

- Вы забываете, милорд, что я уже втянута, - я снимаю стопку бумаг с ближайшего стула, сажусь и смотрю на него так высокомерно, как только могу. Он закатывает глаза и качает головой, но идет к боковому столику, наливает два бокала вина и приносит один мне.

- Спасибо. Они не навредили вам?

- Нет. Я просидел в комнате несколько часов, и в конце они задали мне много вопросов: куда я недавно летал. Кого я знал во Фрайанландии, когда работал там в дипломатической поездке. Что-то в этом роде. Потом меня отпустили. - Он потирает лицо рукой, и я вспоминаю, что он вернулся сюда только сегодня утром, летев всю ночь.

- Вы, должно быть, измучились на крыльях. Я оставлю вас отдыхать.

Завтра я расскажу Люсьену о том, что видела в королевских апартаментах. Если я собираюсь отправить его обратно в Мерл искать письма Зигфрида к моему отцу, он должен быть в состоянии лететь. Я встаю и иду к двери.

- Ваша Светлость, подождите.

- В чем дело?

- Могу я вас кое о чем спросить?

- Конечно.

- Сегодня утром, когда вы предложили мне предать вас, позволить признаться в отравлении короля и самому стать защитником, что навело вас на эту мысль?

Неужели это было только сегодня утром?

- Ну... - Я дергаю себя за мочку уха, размышляя. - Это казалось логичным. Помните, что вы всегда говорили: главное - это Атратис. Не я. И ни один другой человек. И я думаю, вы будете хорошим защитником.

- И это все? Вы уверены, что больше ничего не было? Не было... конкретной причины? - Его голос спокоен, а глаза полны тревоги. На кончике моего языка вертятся слова лжи, способные успокоить его. Но я не хочу больше ничего от него скрывать.

- Зелье, которое дал мне Зигфрид, имеет... - я вздыхаю, - некоторые неприятные побочные эффекты. В первую же ночь, когда я приняла его, - в ночь перед тем, как сказать вам, что Зигфрид помог мне измениться, - я не могла прийти в себя. В конце концов я решила прогуляться по саду. - Люсьен слегка изменился в лице. - Я слышала, что вы сказали Тюрику, Люсьен. Обещание, которое вы дали ему: что пожертвуете мной, не задумываясь.

Люсьен, шатаясь, подходит к стулу и прячет лицо в ладонях.

- И что вы обо мне думаете?

Я пересекаю комнату и встаю рядом с ним.

- Я думаю, что вы самый благородный человек, которого я когда-либо встречала. Благородный, честный, и... и храбрый. - Я провожу пальцами по его волосам цвета воронова крыла.

- Но я не был честен. Я был зол. Тюрин говорил о моих чувствах к вам, и я отрицал их. Чтобы убедить его и себя, что я не беспокоюсь о вас.

Его чувства ко мне? Что-то, не нервы и не страх, мерцает в глубине моего живота. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоить свой голос.

- И все же вы были правы, Люсьен. Мой долг - защищать Атратис. Если я не справлюсь с этой обязанностью, тогда я должна быть принесена в жертву. Я не заслуживаю ничего лучшего. Я понимаю наконец: то, чего я хочу, на самом деле не важно.

Он вздрагивает, словно от сильного удара, и встает.

- В одном я ошибся, Адерин. Когда я сказал вам никому не доверять, это было неправильно. Не совсем. - Он берет свой меч, висящий на спинке стула, и вытаскивает его из ножен. - Вы можете мне доверять, Ваша Светлость. Раньше я обещал служить вам. Но теперь клянусь вам в верности.

Пока я смотрю, он кладет лезвие поперек левой ладони и сжимает зубы.

- Не надо... - Я кладу руки на рукоять меча. - Не надо, Люсьен. Я не хочу, чтобы вы поранились. Я доверяю вам.

В тишине я слышу дыхание Люсьена. Он кладет меч и наклоняется вперед, поднимая руку, чтобы погладить меня по щеке. Я повторяю его движение, глядя на темный огонь в его глазах, на изгиб его губ, наслаждаясь ощущением его кожи под своей ладонью. Я жадно вглядываюсь в его лицо, изучая каждую деталь, пока он проводит пальцами одной руки по моим длинным волосам. Его руки сжимают меня в крепких объятиях, а его губы впиваются в мои. Он целует меня, и я чувствую, как колотится мое сердце, что, кажется, вот-вот разобьет мне грудную клетку.

- Адерин... - Его голос охрип, но я слышу в нем вопрос.

И, возможно, он прав. Возможно, учитывая все, что мы сказали друг другу, это не совсем подходящие отношения. Возможно, учитывая все происходящее, сейчас неподходящий для них момент.

Но я боюсь, что время, которое у нас есть, истекает.

- Я выбираю сейчас, Люсьен. Я выбираю вас.

Он целует меня в лоб, выдыхая в мои волосы.

- Тогда, с вашего позволения, Ваша Светлость... - Он берет меня на руки и несет к кровати. Я сижу на краю и смотрю, как он запирает дверь и задувает все свечи, кроме одной, и каждый нерв в моем теле поет от предвкушения. Он неуверенно дергает себя за рубашку. - Мне стоит?..

- Да. Но позвольте мне помочь. - Я встаю лицом к нему. - Я уже видела вас нагим, помните?

Мне не требуется много времени, чтобы стянуть рубашку Люсьена через голову, а затем он снимает оставшееся. На этот раз я не опускаю глаз.

Я помогаю ему расшнуровать мое платье - не обращая внимания на стыд, который всегда ждет случая поиздеваться надо мной из-за моих шрамов, - и снимаю его с плеч вместе с нижним бельем. Ткани лежат у моих ног; я выхожу из них и ложусь на кровать, Люсьен ложится рядом со мной. На мгновение он смотрит на меня сверху вниз; я чувствую, как его тело дрожит.

- Что случилось?

- Вы уже знаете, что я хочу вас. - Он проводит рукой по изгибу моих бедер. - Но сейчас...

сейчас я понимаю, что нуждаюсь в вас, Адерин. Вы нужны мне как вода. Или воздух. Мне нужно, чтобы вы были рядом. И это пугает меня.

- Не бойтесь, - я притягиваю его ближе. - Я никогда не причиню вам боли. - С этими словами мы оба теряем контроль. И среди голодных поцелуев, сплетенных конечностей и блаженной податливости теряются все страхи, ужас и напряжение последних недель.

Мы лежим вместе в его постели, грея ноги под одеялом. Кожа Люсьена позолочена свечами, и я провожу пальцами по его груди и руке.

- Вы прекрасны, вороненок.

- Не настолько прекрасен, как вы, миледи. - Он целует меня в шею, в ложбинку между ключицами, и я вздыхаю от удовольствия. - Должен ли я сказать вам, как долго я мечтал об этом?

- Я думала, вы возненавидели меня, как только мы приехали сюда.

- Я хотел ненавидеть вас. Это было по-детски. Я хотел обвинить кого-то в том, что мой отец фактически бросил нас; кого-то живого, кого я мог бы наказать. Более того, я думал, что если смогу заставить себя ненавидеть вас, то в конце концов перестану хотеть вас.

- Почему вы хотели перестать? Неужели вы думали, что я так сильно вас не люблю?

- Я не давал вам повода любить меня, у вас были все основания ненавидеть меня. И вы защитница; я не думал, что вы когда-нибудь подумаете о том, чтобы пустить меня в свою постель. Но, несмотря на все мои усилия, мое желание к вам не угасло. Оно росло, и мой характер становился все хуже в соответствии с ним. Когда я думаю о том, что я вам сказал... - Он закрывает глаза, и тонкая морщинка пробегает по коже между бровями.

- Тогда не думайте об этом. Хотя я и не могу винить вас за то, что вы меня ругаете. Я дала вам много причин для этого. - Я поворачиваюсь и прижимаюсь к груди Люсьена. - Мне это так нравится. Мне нравится, когда вы обнимаете меня. - Его рука сжимает меня за талию. - Мама всегда обнимала меня, и я знаю, что Летия обняла бы меня, если бы могла. Но мой отец... мой отец не был нежен в этом смысле. Прошло шесть лет с тех пор, как умерла моя мать. Мне так не хватало ощущения, что меня обнимают чьи-то руки.

- Тогда я буду держать вас так долго, как смогу. Столько, сколько вы захотите. - Его губы касаются шрамов на моих плечах. - Что бы он ни натворил, я рад, что Зигфрид убил человека, который сделал это с вами.

- Не напоминайте мне об этом, Люсьен, пожалуйста. - Я качаю головой, пытаюсь избавиться от образов, которые всегда, кажется, ждут на задворках моей памяти, готовые занять центральное место, если я когда-нибудь оступлюсь. - Я видела слишком много смертей. Я не хочу больше об этом думать.

- Простите. - Он покусывает край моего уха, заставляя меня рассмеяться. - Скажите мне, о чем бы вы хотели думать.

- Давай подумаем, что мы будем делать, когда вернемся в Атратис.

- Все просто: я уже все спланировал. Я отвезу вас в Хэтчлендс и покажу вам свой дом. Я хочу показать вам лес звездных цветов, а также вид на озеро и сады, где мы с моим братом Савьером любили играть. А зимой мы можем улететь...

У него перехватывает дыхание.

Я меняю позу, чтобы взглянуть на него.

- Я не могу изменить свой облик, Люсьен. Я не могу... - Внезапно я чувствую укор совести. - И мне все еще не удается избавиться от страха. Я не могу найти свой путь к точке трансформации. А что, если я никогда не смогу?

На мгновение он пристально смотрит на меня.

– Тогда мы прогуляемся по садам Хэтчлендса. Или вы можете научить меня ездить верхом. – Он нежно целует меня, на секунду останавливаясь. – Мы найдем способ, Адерин. Вместе.

Когда я просыпаюсь, свеча на ночном столике уже не горит, и бледно-серый свет просачивается сквозь края ставен. Люсьен крепко спит, лежа на спине, с закинутой над головой рукой, пока другая покоится на моем бедре. Я отодвигаюсь, заворачиваюсь в одеяло и натягиваю его на Люсьена. В этой комнате нет часов, но, судя по свету, сейчас раннее утро; солнце еще не пробилось за горизонт. Я приоткрываю одну из ставен. Отсюда я могу видеть весь город. Улицы пусты, но из нескольких труб поднимаются струйки дыма, и от запаха пекущегося хлеба, доносящегося через открытое окно, у меня урчит в животе. На полу у моих ног разбросаны стопки бумаг и книг; беспорядок кажется такой неотъемлемой частью Люсьена, что я невольно улыбаюсь. Я беру в руки какой-то архитектурный чертеж – судя по всему, план пристройки в Хэтчлендсе – и пытаюсь представить себе, как будет выглядеть готовое здание.

– Адерин?

Я сажусь на край кровати.

– Простите, я не хотела вас будить.

Люсьен улыбается:

– Я соскучился по вам. Возвращайтесь в постель.

– Уже утро, мне пора идти. Слуги скоро будут на ногах.

Он ловит мою руку.

– Пожалуйста. Еще рано. Не уходите, не сейчас.

– И рискнуть, чтобы Тюрник обнаружил меня в вашей постели? – Я наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать его. – А если, что еще хуже, Летия не найдет меня в моих покоях и отправит темных стражей на поиски? – Люсьен стонет и обнимает меня, затягивая в более глубокий поцелуй; желание сразу захлестывает меня изнутри, но я отстраняюсь. – Люсьен...

– Простите, – он вздыхает и отпускает меня. – Вы правы.

– Конечно, я права. У нас впереди много других ночей.

– Сегодня вечером?

Я ухмыляюсь:

– Только в том случае, если вы будете выполнять и другие свои обязанности, связанные с моим удовлетворением, милорд. Помните, вы должны сопровождать меня на турнир.

Я возвращаюсь в свою комнату, снимаю халат, надеваю ночную рубашку и ложусь в постель. Не вижу особого смысла пытаться снова заснуть, поэтому читаю, пока Летия не приносит мне чашку шоколада. Она откидывает ставни, и я смотрю в окно. День серый; вершины гор скрыты облаками, а поверхность фьорда – угрюмой чернотой.

Летия следит за моим взглядом.

– Говорят, позже должно проясниться. Если День невесты начнется в тени и закончится под солнцем, то это к удаче.

Я слышала то же самое в бабушкиных сказках. Я надеюсь, что это правда.

Люсьен появляется в тот момент, когда Летия вносит последние коррективы в мое платье. Пока она в комнате, он ведет себя так официально, как никогда, – настолько церемонно, что я посмеиваюсь. Летия бросает на меня беглый взгляд. Но как только мы остаемся одни, он заключает меня в объятия и целует так, словно мы не виделись несколько недель, а не часов.

– Я скучал по вам.

– Я тоже по вам скучала. Но мы опоздаем на турнир, если не поторопимся. Не передадите мне мой плащ?

– Конечно. Позвольте мне, – он накидывает его мне на плечи и пытается управиться с застежкой. – Кстати, я получил сообщение от матери Ниссы. Она просила передать вам, что Атратис не останется без союзников. Ланкорфис стоит наготове, если дело до этого дойдет.

Я кладу свои руки поверх его, успокаивая.

– Что вы имеете в виду? Если дело дойдет до чего?

– Войны.

Конечно же, я ослышалась.

– Что?

– Война, Адерин. Зигфрид хочет корону, но я убежден, что он также желает прямого контроля над каждым доминионом. Вы же знаете, что он любит. Уверен, вы не готовы уступить ему Атратис без боя?

– Конечно, нет. Я просто не знала... я не думала, что это закончится войной. – Бороться с Зигфридом хитростью – вот что я себе представляла. У нас был мир внутри Соланума с самой Войны Хищников. Что будет с королевством, если все изменится?

Высвободив руки, Люсьен приподнимает мой подбородок и целует меня.

– Вы сможете прожить без слуги пару дней?

– Конечно. Но почему?

– Потому что... – Он крадет еще один поцелуй. – Я думаю, нам следует покинуть Цитадель как можно скорее. Сначала отошлем Летию и Тюррика, а потом вас. Мы должны вернуться в Атратис до того, как Зигфрид станет королем.

– Тот факт, что он не король, не помешает ему преследовать нас. – Интересно, так ли чувствовали себя мои родители, планируя побег из Цитадели, подальше от моего дяди? – А как же Арон и Одетта? Я не оставлю их, Люсьен. Я не собираюсь бежать.

Он вздыхает и отворачивается, проводя руками по волосам.

– Вы правы.

– Нам нужно найти способ оспорить законы. Посадить Арона на престол, несмотря на то, что он не может летать. Или возвести Одетту на трон незамужней. – На мгновение я смеюсь над собой: я, новоиспеченная защитница, но уже осмеливаюсь выбирать короля?

Кто-то должен это сделать.

Люсьен качает головой:

– Собрание никогда не согласится. Закон – это закон, Адерин.

Я протягиваю ему руку, когда звенит колокол, призывая нас идти на рыцарское поле.

– Так и есть. Но, возможно, пришло время все изменить.

Я никогда раньше не бывала в этой части Цитадели – турниры обычно проводятся зимой. Люсьен говорит мне, что в других странах дворянство конкурирует. Но в Солануме дворяне наблюдают и делают ставки на своих любимых бескрылых всадников. Шесть щитов выставлены на стене у входа на стадион: по одному для каждого доминиона.

– А что это за штуки рядом с ними?

– Сломанные копыта, – отвечает Люсьен. – По одному на победу доминиона за последний сезон.

Олорис имеет на сегодняшний день больше всего. У Атратиса их нет.

– Похоже, дела у нас идут не очень хорошо.

– Мы не участвуем. Ваш отец перестал принимать участие после смерти вашей матери.

Внутри стадиона трибуны разделены, как обычно, по рангу. Люсьен должен подняться выше. У меня есть место, зарезервированное для моих кузенов и других защитников и наследников. Королевы нигде не видно, но Зигфрид приглашает меня встать рядом с ним. Я улыбаюсь ему, чтобы скрыть ненависть в своем сердце.

– Кажется, это ваш первый турнир?

Его поведение ничем не отличается от образа действий при нашем последнем разговоре три дня назад, когда я пыталась обыскать его комнаты, а он застал меня врасплох.

– Да. Олорис фаворит, я полагаю.

– Я тоже так думаю, – он подмигивает мне. – Дом Сигнус Олорис играет не для того, чтобы проигрывать.

Сам турнир шумный, быстрый и жестокий. Каждый доминион (кроме Атратиса) ввел пять бескрылых всадников, которые постепенно будут устранены либо через сложную систему подсчета очков, либо потому, что будут убиты или так сильно ранены, что больше не смогут конкурировать. Тем не менее большинство людей вокруг меня, кажется, наслаждаются этим зрелищем. Грохот лошадиных копыт, лязг копыта о щит и доспехи и крики раненых сливаются с нарастающим шумом толпы. Одетта, по обычаю, оказала милость капитану, представляющему владения ее жениха. И все же она, кажется, не получает никакого удовольствия от прогресса олорских всадников, кажушегося непреодолимым.

Поединок длится пару часов. Я решаю, что после разговора с Ароном пойду в библиотеку и найду там копию этих проклятых законов, которые мне все время цитируют. А потом я поеду к Ардену из Дакии.

Люсьен встречает меня у ворот стадиона и предлагает руку. Он улыбается, но следы усталости на его лице беспокоят меня. Я не могу просить его лететь обратно в Мерл.

– Возможно, вам стоит вздремнуть сегодня днем.

– Два вопроса, Ваша Светлость. – Он кивает другому придворному, затем наклоняется ближе и что-то шепчет мне. – Во-первых, предлагаете ли вы мне свою постель? Во-вторых, собираетесь ли вы находиться в ней?

Мой безудержный смех привлекает неодобрительный взгляд пожилой аристократки неподалеку.

– Я чувствую, что это было бы нецелесообразно, милорд. Кроме того, я сегодня очень занята. Слишком занята, чтобы помогать вам отдыхать.

На этот раз Люсьен смеется.

– Возможно, вы и правы. Но, как ваш клерк, я чувствую, что должен помогать вам, Ваша Светлость. Я могу поспать позже.

Когда рядом со мной Люсьен, Зигфрид кажется темным чудовищем, а не человеком из плоти и крови. Мы ведем наш разговор вплоть до моей комнаты и все еще планируем,

чем будем заниматься, когда вернемся в Атратис.

За моей дверью стоят темные стражники. Моя рука сжимает руку Люсьена, когда один из охранников кланяется.

- Ваша Светлость.

- Что вы здесь делаете? У вас есть новости от Атратиса?

- Нет, Ваша Светлость. Мы здесь из-за лорда Руквуда. - Люсьен делает шаг вперед.

- Что вам от меня нужно?

- Вы пойдете с нами, милорд.

- По какой причине? - Стражник смотрит на меня, хотя его лицо закрыто, и я не могу сказать, нервничает он или раздражен моим присутствием.

- Вы арестованы, милорд, - он указывает на одного из стражников, который приближается с парой наручников.

Я вскидываю руку.

- Не подходите ближе! По чьему приказу вы действуете? И по какому обвинению?

- По приказу королевы. Лорд Руквуд обвиняется в государственной измене и убийстве короля. - Он многозначительно кладет правую руку на рукоять топора, висящего у него на поясе. - Пожалуйста, отойдите в сторону, Ваша Светлость.

Значит, король мертв. Еще несколько охранников продвигаются вперед. Я пытаюсь остановить их, дыша с трудом, но Люсьен удерживает меня.

- Не надо, Адерин! Не давайте им повода арестовать и вас тоже. - Он задыхается и вздрагивает, когда его руки сковывают за спиной. - Скажите моему отцу... - начинает Люсьен...

Стражники разворачивают его в другую сторону и уводят прочь.

Мои колени подкашиваются, и я падаю на пол.

- Люсьен!

Ответа нет.

Глава шестнадцатая

Каменные плиты под моими коленями тверды и холодны. И все же я не двигаюсь. Мимо спешат две зевающие горничные с охалками постельного белья, но ни одна из них не осмеливается подойти ко мне. Я помню слова Зигфрида на турнире: «Дом Сигнус Олорис играет не для того, чтобы проигрывать». И теперь я знаю, что он и королева действительно видели меня на днях. Что вместе они действовали, чтобы отнять у меня Люсьена – моего советника, моего любовника.

У меня перехватывает дыхание. Мысленно я уже на последнем полете Люсьена, наблюдаю, как горит его тело, как мои легкие наполняются едким дымом. Я падаю вперед, задыхаясь.

Золотое кольцо защитницы на моем указательном пальце царапает каменный пол. Я никогда не просила об этом – я не хочу ничего из этого. Ярость обжигает мое горло, и я кричу, пытаюсь сорвать кольцо с пальца.

Оно не снимается. Я тяну, пока кожа не начинает болеть и не становится скользкой от крови. Но золотая полоска даже не двигается с места. Алая струйка стекает по тыльной стороне моей ладони, и я подношу палец ко рту, посасывая разорванную плоть. Резной гребень Атратиса оказывается у меня под языком.

Мой Атратис. Атратис Люсьена, Атратис Летию.

Он не принадлежит Зигфриду. И если это в моих силах, то никогда и не будет ему принадлежать.

Я заставляю себя подняться на ноги и медленно дышу, прижимаясь к стене. Ярость, которую я чувствовала минуту назад, все еще здесь. Но сейчас она остывает, превращаясь во что-то сильное и острое.

Зигфрид еще не выиграл эту игру. И сейчас мой ход.

Уже в своей комнате я вызываю Летию, а в замке начинает звонить колокол. Полагаю, это как-то связано со смертью короля. Хотя без Люсьена я не знаю точного значения или того, что мы должны делать.

Приходит Летию. Каким-то образом она уже знает, что произошло: ее глаза мокрые от слез.

– О, Адерин...

– Нам нужно быть храбрыми, Летию, если мы хотим спасти Люсьена. И умными. Я хочу, чтобы ты пошла и выяснила, что происходит в Цитадели и что означает этот звон.

Она кивает.

– Да, конечно. Но, – она открывает дверь в спальню, – если ваш дядя действительно мертв, вы должны быть одеты в черное.

Пока я переодеваюсь, она спешит собрать все новости, какие только может. Это не займет у нее много времени. Она говорит мне, что колокол знаменует начало семи дней глубокого траура. К счастью, король умер – или, по крайней мере, его смерть была объявлена как раз вовремя, чтобы свадьбу Одетты не пришлось откладывать, хотя торжества будут прерваны. Тело короля везут в храм, чтобы он мог лежать в покое, и его последний полет состоится утром седьмого дня. А вечером мы с Одеттой и другими девушками полетим к священному озеру. Если я еще буду жива и на свободе. Если Зигфрид даст мне зелье, которое заставит меня трансформироваться.

Я прошу Летию вернуться позже; мне нужно будет написать записку каждому члену Собрании и попросить их встретиться со мной, надеюсь, что я еще не была запятнана кистью измены. Но сначала я должна попытаться увидеть Люсьена.

Комната моего клерка заперта, и перед ней стоит стражник. Тюрика нигде не видно. Стражник докладывает мне, что Люсьена отвели в подземелье. Я приказываю ему показать мне дорогу, и хотя ему не хочется – он недовольно бормочет, что покидает свой пост, – он не смеет отказать в прямой просьбе защитницы. К сожалению, это никак не помогает делу. Когда мы добираемся до подземелья, мне отказывают в приеме. Капитан говорит мне, что гостям запрещено посещать Люсьена по приказу королевы. Мне ничего не остается, как снова уйти.

Вместо того чтобы вернуться в свою комнату, я направляюсь в комнаты моих кузенов. Стражники у дверей Одетты говорят, что она просила не беспокоить ее. Возможно, так оно и есть, но теперь я, кажется, во всем вижу руку Зигфрида. Если только Одетта не верит той лжи, которую распространяют о Люсьене. По крайней мере, у дверей Арона нет охраны. Насколько мне известно, никогда и не было; я полагаю, это следствие его «ничтожности».

Арон сам открывает мне дверь. Он одет в черное, как обычно, и это не дает мне информации о том, как он себя чувствует.

– Я сожалею о твоей потере, кузен.

– Благодарю.

Утренний туман превращается в свинцовые тучи и сильный дождь. Арон наливает мне бокал вина; свет свечи в темной комнате пробивается сквозь хрусталь, отбрасывая багровые тени на лицо моего кузена.

– Королева и ее врачи не позволили нам осмотреть тело. – Я понимаю, о чем он хочет сказать. Мы оба подозреваем, что мой дядя мертв уже больше нескольких часов. – Кстати, я последовал твоему совету, – он жестом указывает на слой бумаг, разбросанных по большому столу.

– Моему совету?

– Да. Первый вечер, который мы провели вместе. Ты спросила, думал ли мой отец о том, чтобы оспорить законы. Он – нет, но я – да. Я их изучал. Пока не нашел ничего полезного, но...

– Надеюсь, что найдешь. И очень скоро. Ты слышал о Люсьене?

Он кивает.

– Ты знала, что слуга предал его? В комнате Люсьена он нашел записную книжку. Люсьен якобы занимался исследованием ядов. Слуга передал книгу капитану стражи.

Тюрик предатель? Я вздрагиваю, вспоминая его стрессовое состояние прошлой ночью. Стресс человека, готового совершить акт предательства. И я позволила Люсьену забрать книгу ядов в свою комнату, чтобы защитить себя.

– Люсьен не отравлял твоего отца, кузен, клянусь, это не имеет к нему никакого отношения. Эта книга принадлежала моему отцу. Я признаю, что он приготовил яд. Но Зигфрид манипулировал им. Зигфрид и его сводная сестра. Ваша мачеха. Я узнала об этом только вчера.

Впервые на моей памяти Арон кажется ошеломленным моими откровениями.

– Королева – сестра Зигфрида? Невозможно. Я знаю, кто ее родители.

– Ее мать была любовницей Аурика Олориса.

Он пристально смотрит на меня, а затем смеется.

– Как же я, однако, проницателен. Знаю, что винил королеву в болезни моего отца, но на самом деле я понятия не имел... – Его тонкие пальцы сжимают ножку бокала, и он швыряет его в огонь, посылая вверх столб искр. – Клянусь Творцом! Как долго эти ублюдки в Олорисе планировали это?

Жаль, что я не могу ответить ему.

- Атратис останется верен короне. А Ланкорфис...

- Едва ли это имеет значение, если корона на голове Зигфрида! - Он хватает свой меч и шагает к двери. - Клянусь Жар-птицей, я снесу голову с его плеч прежде, чем увижу его сидящим на престоле.

- Арон, подожди...

Он взмахивает мечом и направляет его на меня. Я роняю стакан, делаю шаг назад - но мне преграждает путь диван.

- Почему я должен ждать, Адерин? Ты беспокоишься обо мне? Или о Зигфриде?

- О тебе, разумеется.

- Разумеется? - Арон двигается вперед, пока кончик его клинка не касается моей шеи. Его хватка меча непоколебима. - Ты действительно думаешь, что я поверю, будто твой отец был замешан в этом заговоре, а ты ничего не знала?

- Клянусь, Арон... - У меня так пересохло в горле, что мне приходится сглотнуть, а острие лезвия колет кожу. - Клянусь, он держал все в секрете. От меня, от Люсьена. Подумай сам: зачем бы я оказалась здесь сейчас, если бы работала с Зигфридом? Зачем мне было тебе все это рассказывать?

Арон хмуро смотрит на меня, тяжело дыша. Он отводит руку назад, и я закрываю глаза, готовясь к тому, что меч вонзится мне в шею.

Раздается глухой удар. Меч лежит на полу. Схватившись за спинку дивана, я прислоняюсь к нему спиной. Жду, пока мой пульс успокоится.

- Он мне не нравился. - Голос моего кузена напряжен, будто он пытается не заплакать. - Большую часть времени я его ненавидел. Но он все еще был моим отцом. А теперь... - Он проводит рукой по лицу, а когда снова поднимает на меня взгляд, его зеленые глаза оказываются мокрыми от слез. - Я причинил тебе боль. - Он подходит ближе и касается кончиками пальцев моей шеи; они становятся красными от крови. - Мне очень жаль.

- Царапина. Заживет.

- Ты простишь меня?

Мне удается улыбнуться.

- Я подумаю об этом. Я тоже любила своего отца, и все же то, что я узнала о нем... - Я отталкиваю образ отца, который возникает в моей голове: он в своей лаборатории, готовит яды; это слишком больно. Вместо этого я сосредотачиваюсь на Люсьене в подземелье и Одетте, запертой в своей башне. - Я потеряю столько же, сколько и ты, если мы не остановим Зигфрида. И, по крайней мере, теперь у нас есть доказательства.

Я рассказываю двоюродному брату о письмах моего отца к Зигфриду и о том, как я собиралась отправить Люсьена обратно в Мерл, чтобы он разыскал письма, которые Зигфрид, должно быть, послал моему отцу.

- Как думаешь, они все еще там?

- Полагаю, что да. - Мой отец никогда ничего не выбрасывал. И его личные бумаги почти не тронуты. - Отправь кого-нибудь в Атратис. Того, кому ты доверяешь. С помощью моего дворецкого они могли бы найти письма.

- Очень хорошо. Что-нибудь еще?

- Мне созвать Собрание? Это мое право, как защитницы.

Арон потирает подбородок:

- Пока нет. Если мы сделаем шаг без достаточных доказательств и дадим Зигфриду

возможность ослабить наши притязания, мы рискуем потерять все.

- А как же Люсьен? - У меня перехватывает дыхание, когда я произношу его имя.

- Предоставь это мне. У меня есть друзья среди темных стражей; я немного тренировался с ними с тех пор, как потерял руку, они приняли меня, когда представители моего собственного вида не захотели этого. Я не смогу вытащить Люсьена. Но мне удастся провести тебя к нему, я это сделаю.

Полагаю, мне придется довольствоваться этим.

Следующие два дня я жду. Одетта все еще не вышла из своего уединения в башне. Я знаю, что она заперта там против своего желания, потому что Арону также было отказано в приеме. Как бы она ни сомневалась в моей преданности, Одетта никогда не разлучится со своим братом по собственному желанию. По крайней мере, во время глубокого траура нет никаких судебных собраний. Мне не нужно видеть Зигфрида или королеву, не нужно быть вежливой. Вместо этого я остаюсь в своих комнатах, а Летия пытается отвлечь меня. Когда ее нет со мной, Летия бродит по замку в поисках Тюррика. Но его нигде не видно. Наконец поздно вечером на третий день после того, как я была у Арона, он приходит ко мне.

- Я договорился, что ты встретишься с Люсьеном. Но это должно произойти сейчас. Кое-кто из моих знакомых отвечает за эту смену в подземельях. Он тебя выпустит.

- Спасибо тебе, - я целую кузена в щеку. - Это очень много значит для меня.

Арон ждет, глядя в ночь за окном, пока я застегиваю плащ поверх ночной рубашки и надеваю туфли. Мы идем окольным путем вниз к подземельям, выйдя в одной из точек из Цитадели. Когда мы прибываем, стражники у главного входа отпирают ворота, не говоря ни слова. Внутри стоит еще один стражник с факелом; все так же молча мы следуем за ним.

- Они сделают вид, что нас здесь нет, - бормочет Арон. - Не пытайся заговорить ни с кем из них.

Вдоль стен расставлены факелы, но они мало помогают рассеять мрак. В воздухе плохо пахнет: сочетание грязи и слабой вентиляции, я полагаю. Мы, кажется, идем довольно долго, и мне интересно, выходят ли подземелья напрямиком из замка, находимся ли мы под горами или фьордом. Наконец охранник отворачивается. Мы останавливаемся перед деревянной дверью с железной решеткой в центре. Охранник ставит свой факел в пустую скобу на стене и отступает назад по коридору.

Арон указывает мне.

- Он в этой. - В замочной скважине уже есть ключ, Арон поворачивает его и открывает дверь. - Я должен запереть тебя. У тебя не так много времени.

Я захожу в камеру и жду, пока глаза привыкнут к скудному освещению. Люсьен в рубашке и брюках лежит на скамье у стены.

- Люсьен? - Я опускаюсь на колени рядом с ним. - Люсьен, проснитесь.

Он открывает глаза и улыбается мне.

- Адерин. Я надеялся, что снова увижу вас во сне.

- Это не сон. Я здесь. - Я убираю волосы с его лба, рассматривая синяки на скулах, рубцы на запястьях и волдыри на шее. - О, мой бедный Люсьен, что они с вами сделали?

Он выпрямляется, морщась.

- Как вы сюда попали? Это небезопасно...

- Арон все устроил. Все в порядке, но у нас мало времени. - Я сажусь рядом с ним на скамейку и обнимаю его.

Он вздыхает и наклоняется ко мне, кладя голову мне на плечо.

- Адерин... Тюрлик предал меня. Он дал им книгу вашего отца.

- Я знаю.

- Зигфрид был здесь, пытался вытянуть из меня признание. - Он смеется; это смех того, кто находится на расстоянии перышка от крика. - Зигфрид со своей коробкой сухих листьев.

Я вздрагиваю и крепче прижимаюсь к нему.

- Я собираюсь убить его. Мы расскажем Собранию правду, обо всем. Я вытащу вас отсюда.

Он выпрямляется и хватает меня за руки.

- Нет, вы ничего не должны делать. Вы и так в опасности, Адерин. Зигфрид пытается обставить все так, будто болезнь и смерть короля - это часть заговора Атратиса с целью завладеть короной. Вы должны уйти из Цитадели как можно скорее. - Он нежно целует меня. - Как только я умру... - Его глаза расширяются от страха. - Как только я умру, он придет за вами.

- Я не собираюсь бросать вас, Люсьен.

- Вы должны это сделать. Я всего лишь один человек, Адерин. Вы должны думать об Атратисе. Это ваш долг. Помните?

Я улыбаюсь, стараясь придать себе видимость уверенности и храбрости.

- Разве так можно говорить со своей защитницей? - Он не отвечает, и я пробую снова. Я легонько кладу руку на его покрытое синяками лицо. - Посмотрите на меня.

Он поднимает взгляд.

- Я не позволю им убить вас. Клянусь кровью Творца. - Я наклоняюсь вперед, прижимаясь лбом к его лбу. - Думаю, я люблю вас, Люсьен Руквуд.

- Я знаю, что люблю вас, миледи.

Дверь со скрипом открывается.

- Очень трогательно. Но пора уходить. - Голос моего кузена звучит странно напряженно. Силуэт Арона вырисовывается на фоне горящего в коридоре факела.

- Уже?

- Боюсь, что так. А теперь быстро.

- Люсьен...

- Идите. - Он целует меня коротко, яростно, потом мягко отталкивает. - Арон, спасибо тебе. Я у тебя в долгу.

- Вот тут ты мне нравишься, Руквуд.

Больше ни на что нет времени. Я нахожусь снаружи камеры, Арон запирает дверь. Я прижимаю руку к шершавому дереву в невидимом, бесполезном жесте прощания. Мой кузен снимает факел со стены, оставляя Люсьена в темноте. Охранник ждет дальше по коридору. Он молча берет у принца факел и ключ и ведет нас обратно к выходу. Обратная дорога не кажется такой уж длинной.

Хорошо освещенные комнаты и коридоры верхнего замка настолько ярки по сравнению с коридорами темницы, даже в этот поздний час, что мне приходится щуриться. Арон провожает меня до комнаты. Мы останавливаемся у двери.

- Спасибо, кузен.

- Ничего особенного. - Он хмуро смотрит на каменные плиты, потирая их носком ботинка. - Я сомневаюсь, что ты сможешь увидеть его снова. Постарайся не думать о нем.

- У тебя есть новости из Мерла?

- Пока нет, - Арон бросает на меня свой взгляд. - Суд над Люсьеном, скорее всего, назначат на завтрашний вечер. Если они признают его виновным - а они это сделают, - он умрет на следующее утро. Я бы посоветовал тебе не присутствовать на казни. - На мгновение его маска сползает, он выглядит пораженным. - О, Люсьен... Мне невыносимо думать о том, что они с ним сделают.

Он может только сказать, что это будет ужасно - хуже, чем то, что сделали с Хоукином. К горлу подступает желчь.

- Тогда завтра мы должны идти к Собранию. Мы не можем ждать.

- Мы обязаны. Мы не должны дать Зигфриду шанс организовать оборону, пока не будем готовы. - Он касается пальцами тыльной стороны моей ладони. - Мне очень жаль, кузина. Но Люсьен был прав. Твой долг перед Атратисом. На карту поставлено больше, чем жизнь одного человека.

Полагаю, Арон тоже прав. Но это не то, что я хотела услышать.

- Тогда спокойной ночи, кузен. - Я захожу в свою комнату и закрываю за собой дверь, прежде чем Арон успеет заметить слезы, которые грозят пролиться из моих глаз.

Весь следующий день я жду вестей из Мерла, жду доказательств, которые позволят нам выступить против Зигфрида. Но солнце уже клонится к горизонту, и ничего не происходит.

- Адерин, пожалуйста, перестань расхаживать! Ты продырявишь ковер. А еще ты заставляешь меня волноваться.

Я сажусь, пытаюсь успокоить Летию, но через несколько мгновений снова оказываюсь на ногах. Я подхожу к окнам и распахиваю их настежь. Наверное, на улице холодно, потому что моя спутница щелкает языком и начинает стаскивать одеяло со спинки дивана, чтобы обернуть его вокруг плеч.

В дверь стучат - посыльный от Арона. У меня дрожат руки; Летия срывает печать с письма и читает его.

- Ну, что там?

- Пока ничего из Мерла. Извини.

- А суд?

- Сегодня вечером. В четвертом часу.

Как и предсказывал мой кузен.

Летия внимательно смотрит на меня. Смесь горя и жалости в ее глазах словно хлещет меня по спине.

- Он еще не умер, Летия.

- Адерин... Тебе нужно ясно мыслить. Что бы сказал Люсьен, окажись он здесь?

Я стискиваю зубы и начинаю пинать ногой маленький столик.

- Я знаю, что он скажет. Я знаю, что ничего не должна делать. Только позволить ему умереть в агонии... - Я задыхаюсь, не в силах продолжать.

Летия берет маленький столик и блюдо с засахаренными грецкими орехами, которое

стояло на нем. Затем она натягивает перчатки и осторожно берет мою руку в свою, завлекая меня к дивану.

- Садись, Рин, - прозвище из нашего детства. Я уже много лет не слышала, чтобы Летия им пользовалась. - Я позвоню одной из горничных, чтобы она принесла шоколад.

- Нет, я ничего не хочу.

- Но ты ведь даже не обедала.

- Честное слово, Летия, я не голодна. - Желтое платье, над которым работала моя подруга, лежит на диване между нами. Оно уже почти закончено; она вышивала его крошечными голубыми колокольчиками большую часть сегодняшнего дня. - Сколько лет твоей племяннице?

- Только что исполнилось два года. Я надеюсь, что сделала его достаточно большим; мой брат говорит, что она быстро растет. - Она начинает говорить о шитье и тканях, пытаюсь разрядить обстановку, отвлечь меня - и себя - от того, что происходит в Цитадели. От того, что случится с Люсьеном. Мое сердце переполняется болью, когда я слушаю ее.

- Я хочу, чтобы ты поехала домой. - Я вздыхаю и тру глаза, зудящие от недосыпа. - Нет, не хочу... мне нужно, чтобы ты поехала домой.

Летия качает головой.

- Я никуда не уйду, Адерин. Только не без тебя.

- Ты должна это сделать. Неужели ты не понимаешь? У Зигфрида уже есть Люсьен. Я не могу рисковать и тобой.

- Он не заберет. - Она пренебрежительно машет рукой. - Ты обращаешься со мной как с равной, но в глазах остального мира - в глазах такого человека, как Зигфрид, - я всего лишь бескрылая слуга. Никто больше. Ему и в голову не придет, что я чего-то стою.

- Это неправда. Он, должно быть, знает, как ты важна для меня. Пожалуйста, я хочу, чтобы ты ушла. Сегодня. Возьми Хенгу и Васту и уходи отсюда. Направляйся в Чантри, на дальнюю сторону фьорда. Если мы с Ароном добьемся успеха, я пошлю за тобой.

- Но... я не могу оставить тебя здесь одну.

- Ты должна это сделать. - Я подбираю слова, чтобы убедить ее. - Ты же знаешь, что я люблю тебя. Если я потеряю тебя так же, как Люсьена... - Я смахиваю слезу тыльной стороной ладони. - ...это убьет меня. Но если я буду знать, что ты в безопасности, тогда я смогу сделать то, что нужно. Я смогу дождаться доказательств из Мерла. Я смогу переждать, что бы ни случилось с Люсьеном.

Летия молчит, теребя одну из выбившихся нитей желтой шерсти.

- Пожалуйста, скажи мне, что понимаешь меня?.. - Ее глаза стекленеют от непролитых слез. Но в итоге она кивает.

- Когда мне уехать?

- После ужина, как только стемнеет. Это даст тебе время, чтобы собрать всю одежду, которую захочешь взять.

Когда Летия начинает собирать свое вязанье, я иду в спальню и достаю красное платье, которое прислал мне Зигфрид. Письма моего отца здесь, вшиты в подкладку Летией. Мне доставляет удовольствие рвать ткань и вытаскивать их. Я прошу Летию отнести их Арону, прежде чем она пойдет собирать вещи, и бросить платье в огонь.

Она уходит, а я продолжаю расхаживать по комнате.

Время идет - ни слова ни из Мерла, ни от Арона, - и час разлуки настает. Мы с Летией поужинали вместе, и я заставила себя съесть достаточно, чтобы удовлетворить ее.

Теперь она поправляет ремешок маленькой сумки, которую перекинула через плечо.

- Я выписала тебе пропуск, ворота уже закрыты.

- Спасибо. - Она прячет письмо в карман. - Хотя я не собиралась выходить через главные ворота. Рядом с огородами есть маленькая дверь, которая ведет в город. Я дружу с привратником.

Я натягиваю пару перчаток и сжимаю ее руки в своих.

- О, Летия...

- Мы скоро снова увидим друг друга. Новости, которые ты ждешь из Мерла, придут, и вы с принцем Ароном положите этому конец. - Она хлюпает носом. - Если ты снова увидишь лорда Люсьена, передай ему, что я желаю ему удачи.

Я киваю. Я не могу произносить имя Люсьена, не могу даже думать о нем без острого укола страха в груди.

- Могу я поцеловать тебя на прощание?

- Конечно.

Я наклоняюсь вперед и мимолетно касаюсь губами щеки Летии.

- Будь осторожна, моя подруга. Моя сестра.

Она уходит. И я остаюсь одна.

Часы на каминной полке звонят, напоминая мне, что у меня мало времени, чтобы горевать о том, что я потеряла. Я собираюсь рискнуть собой, но, по крайней мере, моя Летия должна быть в безопасности.

В спальне я направляюсь к комоду, где лежат мои драгоценности и другие украшения. Меч моей матери здесь, вместе с поясом. Но есть еще ее кинжал. Я достаю его из бархатного мешочка, в котором он был привезен из Мерла, и проверяю клинок. До сих пор у меня не было причин пользоваться им или носить его.

Все еще острый.

Суд над Люсьеном начнется через три часа. Я переждала еще один из этих часов в своей комнате, надеясь дать Летии время убраться подальше от Цитадели. Затем я прячу кинжал в карман платья и направляюсь в комнату Зигфрида.

Главные лестницы и общественные помещения дворца заняты. Несмотря на глубокий траур и поздний час, двор полон слухов об аресте Люсьена и смерти короля. Когда я прохожу мимо, люди прерывают свои разговоры и тарашатся, прежде чем вернуться к своему шепоту с удвоенной силой. Я поднимаю подбородок, возвращаю взгляд каждому направленному на меня взору. Слова Люсьена проносятся у меня в голове: «Помните, главное сейчас - не наше будущее, а будущее Атратиса».

Я стараюсь думать только об Атратисе. Когда я добираюсь до комнаты Зигфрида, мое беспокойство нарастает. По крайней мере, нет стражников. Я немного удивлена, но поднимаю руку и стучу.

Слуга открывает дверь; он кланяется, пропуская меня, и я заставляю себя переступить порог. Когда дверь за мной закрывается, страх скручивает мои внутренности. Зигфрид стоит у окна в дальнем конце комнаты. Он отпускает слугу и поворачивается ко мне.

- Адерин. - На его лице сияет улыбка, та самая ослепительная улыбка, которую я помню с первого дня нашей встречи. - Чему я обязан этим удовольствием?

- Я пришла поговорить с вами о Люсьене. О суде.

Он кивает.

- Отлично. Я так рад, что вы не пытались оскорбить мой интеллект - или свой

собственный, – притворяясь невежественной. А, может быть, невинной. Вы хотите вести переговоры со мной?

– Да. Люсьен невиновен. Мы оба это знаем. У меня есть... определенные улики, которые вынесут обвинение против вас. Если я предам их публичной огласке.

На лице Зигфрида на мгновение дрогнул мускул, но улыбка никуда не исчезает.

– Полагаю, довольно слабые улики. Учитывая, что вы еще не показали их Собранию. Итак, вопрос в том, – он наклоняет голову, направляясь ко мне, – что вы предлагаете мне взамен жизни Руквуда?

– Я предлагаю свое молчание и сотрудничество. Я ничего не скажу о вас и вашей сводной сестре. Я стану вашей любовницей, а со временем и женой. Олорис будет контролировать Собственность Короны и Атратиса, а со временем и весь Соланум. Это все, что вы хотели, не так ли?

Зигфрид сейчас прямо передо мной, слишком близко, чтобы я не могла заметить жадность и желание в его глазах.

– Руквуд так много значит для вас? Вы проигнорируете мои планы насчет Одетты и отдадите мне, чтобы спасти его?

Я смотрю ему в лицо.

– Да. – Я едва слышу это слово, но он слышит меня.

– Тогда докажите это.

Я сокращаю расстояние между нами, поднимаюсь на цыпочки и обнимаю его одной рукой за шею, притягивая к себе. Его голова опускается, наши губы встречаются, и я крепко целую его, просовывая язык между его губами, заставляя его поцеловать меня в ответ. Его руки обнимают меня. И медленно, осторожно я опускаю другую руку с его талии в карман. Мой нож там, твердый и вполне реальный – реальнее, чем то, что я делаю или где нахожусь; я хватаю его, вытаскиваю, крепче сжимаю его шею и толкаю лезвие вверх...

Мой кинжал соскальзывает и падает из моих рук. Зигфрид толкает меня на пол.

Он начинает смеяться. И сначала я думаю, что это шок, что мне удалось причинить ему боль; на его тунике дыра. Но затем он хватается ткань и рвет ее, под ней...

Кольчуга. Но он все равно смеется.

– Неужели вы всерьез думали, что я поверю вам, Адерин? – Смех затихает, и он вытирает рот тыльной стороной ладони. – Неужели вы всерьез думали, что я все еще хочу вас, атратская шлюха? – Его красивое лицо искажено презрением. Он берет мой нож. – Встаньте.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Он хватается меня за руку и толкает вперед, держа лезвие под подбородком, заставляя меня поднять голову.

– Тюрлик мне рассказал. Он уже несколько недель у меня на жалованье, и мне не составило особого труда убедить его предать своего хозяина, особенно после того, как я сказал ему, что его сестра находится под моей опекой, – Зигфрид качает головой. – Верность бескрылых так редко подвергается настоящему испытанию. Поэтому я знаю, что вы были в постели Руквуда. Что вы дали ему то, в чем отказали мне. Что ваша добродетель – не более чем притворство. – Он плюет мне в лицо. – И все же, – он немного опускает нож, – вы мне еще пригодитесь.

Я бесполезно сопротивляюсь его хватке.

– Если вы думаете, что я помогу вам, ублюдок, то вы еще более безумны, чем я думала. Я лучше умру.

– О, я уверен, вы передумаете. В отличие от Патруса, который был на самом деле

невероятно туп, я взял на себя труд занять некоторые дополнительные рычаги воздействия. – Все еще держа меня за руку, с кинжалом моей матери, направленным мне в спину, он ведет меня в спальню. – Откройте дверь.

– Нет.

– Откройте. – Он прижимает острие ножа к коже под моей лопаткой.

Я поворачиваю ручку и толкаю дверь.

На кровати со связанными за спиной руками и кляпом во рту сидит Летия.

Глава семнадцатая

Моя храбрость увядает. Почему она все еще здесь? Почему она не ушла раньше?

- Как?

- Один из моих слуг поймал ее, когда она пыталась сбежать из замка. Вы поступили разумно, отослав ее. Жаль, что только выбрали неудачное время.

Кинжал моей матери впивается мне в спину. Ни для меня, ни для Летики нет выхода, если я не смогу трансформироваться. Я крепко зажмуриваюсь, надеюсь, что каким-то образом мое отчаяние окажется сильнее страха и боли; что, может быть, наконец мое тело подчинится мне...

Но нет. Ничего не происходит, не считая издевательского смеха Зигфрида. Мои плечи опускаются.

- Чего вы хотите?

- Мы можем обсудить это по дороге. Тюрлик.

Слуга Люсьена выходит из тени. Я с трудом узнаю его: у него стеклянные глаза, а на одной стороне лица кровавые рваные раны. Увидев меня, он резко бросается вперед.

- Ваша Светлость...

- Хватит об этом, дурак, - огрызается Зигфрид. - Помни о своем месте и о том, чем ты рискуешь. Поставь ее на ноги. - Он кивает головой в сторону Летики.

Тюрлик несет меч. Он поднимает Летику на ноги; ее руки связаны длинной веревкой, похожей на недоуздок. Тюрлик держит конец веревки и приставляет острие своего клинка к ее спине.

- Отлично. А сейчас, пока мы будем спускаться вниз, вам нужно помолчать, Адерин. Малейший звук, и Летика пострадает. Вы понимаете?

Я киваю.

Выйдя из комнаты Зигфрида, мы поворачиваем не к главной лестнице, как я ожидала, а в другую сторону. Впереди нас ждет дверь на черную лестницу, которую мы с Летикой использовали под видом горничных, и на мгновение мне кажется, что мы пройдем через нее, но Зигфрид заставляет нас спуститься в подземелье. Мы проходим мимо этой лестницы и оказываемся в тупике.

Зигфрид останавливается перед большой, но ничем не примечательной картиной, наклоняется вперед и просовывает пальцы за раму. Кажется, он что-то ищет. Затем, по рывку его руки, вся рама выдвигается наружу.

За картиной темный, тесный проем. Зигфрид входит и через несколько мгновений появляется с горящим факелом.

- А сейчас, - бормочет он, - вы понесете это. Летика пойдет прямо за вами. Если вы хотите, чтобы она жила, не пытайтесь сбежать.

Он протягивает мне факел, я беру его и шагаю в темноту.

Я оказываюсь на вершине лестницы. Вдоль стены где-то мне по пояс тянется веревка; ступеньки узкие, неровные и скользкие. В воздухе пахнет сыростью и пылью, в горле горечь. Когда картина закрывается, запечатывая нас внутри, пламя факела становится синим.

- Пошевеливайтесь.

Мы спускаемся. Факел освещает только пару шагов передо мной. Так как каждая ступенька выглядит почти идентично, и в окружающем не происходит изменений, я скоро теряю всякое чувство времени и места. Кажется, я снова и снова иду по одним и

тем же ступеням, медленно, нескончаемо погружаясь неизвестно куда. Мышцы ног начинают болеть. Летия плачет.

Наконец, когда я чувствую, что мои икры вот-вот сведет судорогой и я упаду в темноту, воздух, кажется, меняется. Он свежее, с привкусом морской воды. Еще несколько шагов, и передо мной ровный пол. Я вздыхаю с облегчением и спешу вперед, стремясь выбраться из туннеля, что бы ни ждало меня на другом конце. Позади меня Тюрлик ругается на Летию, приказывая ей идти быстрее, с резкой ноткой истерики в голосе.

Туннель расширяется, поворачивает, и без предупреждения мы оказываемся на открытом месте, а под ногами – каменистая земля. Прохладный ночной воздух и пространство вокруг меня заставляют меня чувствовать себя так, словно я сбежала. Но Зигфрид выхватывает факел из моей руки, бросает его в воду – мы на берегу фьорда – и берет меня за руку, прижимая нож к моему боку.

– В лодку.

На гальке стоит гребная лодка, рядом с ней ждет человек с парой весел. Летию и меня заталкивают в нее и заставляют встать на дно корпуса в лужу грязной воды. Летия на корме, Тюрлик рядом с ней на скамейке, а я на носу. Гребец занимает свое место посередине. Мы ждем, пока Зигфрид снимет с себя одежду и наденет длинную мантию. Он забирается внутрь и садится на деревянный выступ рядом со мной.

– У нас впереди приятная ночь, дождь прошел. – Он показывает на безоблачное небо над Цитаделью, медленно удаляющееся с каждым взмахом весла. – Полагаю, суд над Руквудом вот-вот начнется. Жаль, что меня там нет, но моя сестра обеспечит правильный исход дела.

– Не понимаю, как вы вообще мне нравились.

– Я нравился вам, потому что я обаятелен и умен, и мне казалось, что я предлагал способ получить то, чего вы хотели. Это была месть тем, кто убил вашу мать, разумеется. И для вас, и для вашего отца.

– Вы использовали его.

– Мы использовали друг друга. Он ненавидел своего брата, а я хотел корону. Медленная, мучительная смерть короля устраивала нас обоих.

– Это ложь. – Я хватаюсь за живот, впиваясь ногтями в кожу, чтобы отогнать переполняющую меня тошноту. – Мой отец просто хотел напугать его...

– Это то, в чем вы себя убеждаете? – Зигфрид ухмыляется. – Боюсь, что нет, Адерин. Это он разыскал меня. Он попросил меня использовать мой доступ в Цитадель, чтобы отравить короля. Взамен он предложил мне вашу руку и весь Атратис. Наверное, он думал, что я буду защищать вас. И, в конце концов, я бы на вас женился. Вы бы правили Соланумом на моей стороне. Но как бы то ни было, вы решили отбросить все ради одной ночи, насыщенной похотью, в объятиях...

Мой кулак резко приближается к его лицу, но останавливается на полпути прежде чем он блокирует меня.

– Я бы на вашем месте этого не делал. Бескрылая дрянь. – Он хватается за запястье и выкручивает мне руку так сильно, что я вскрикиваю от боли. – Тронете меня еще раз, и я сломаю ее.

– Я не бескрылая. – Я выдавливаю слова сквозь стиснутые зубы.

– Вы можете повторять это сколько угодно, но это не станет правдой. Вы знаете, кто сказал королю, что вы бескрылая? Я. И кто, по-вашему, мне это рассказал? Ваш отец. «Моя бедная бескрылая дочь» – так он называл вас. Он не держал вас взаперти ради вашей защиты. И он стеснялся вас.

Он отпускает меня и толкает вперед; я останавливаю падение прямо за миг до того, как оказалась бы лицом в грязной воде на дне лодки. Мне хочется кричать. Сказать ему, что он лжет. Что мой отец никогда – никогда – не назвал бы меня бескрылой, что он хороший

человек, а не убийца. Не тот, кто пожертвует своим единственным ребенком во имя мести.

Но слова застревают у меня в горле.

Потому что, очевидно, я совсем не знала своего отца.

Зигфрид хихикает.

- Забавно было говорить с вами о моем друге-химике, зная, что именно ваш отец изготовил яд, убивший короля. Что именно он сделал зелье, которое позволило вам снова летать, - он наклоняется ближе. - Зелье, которое он дал мне, Адерин. Мне. Не вам.

Ледяная вода пропитала мое платье. В моей ладони застряла большая деревянная щепка. Я вытаскиваю ее и смотрю на струйку крови, стекающую по руке. Мне должно быть холодно или больно, или и то и другое вместе. Хоть что-то. Но запас моих чувств, кажется... иссяк. Как будто кто-то взял нож и отрезал то, что связывает мои эмоции с остальной частью меня. Отрезал мое сердце.

- Почему вы не убили меня?

- Вполне резонный вопрос. Я убью вас. Или... - он махнул рукой, - ...посмотрю, как вас казнят. Но сначала вы напишете признание. Вы скажете Собранию, что это вы - и ваш отец, и ваши слуги - планировали убить короля и захватить корону. Королева, в качестве награды за раскрытие этого заговора, предложит присоединить Атратис к Олорису. Ваш семейный щит будет опозорен и вычеркнут из записей. Но вы, конечно же, умрете. Вам, наверное, тогда будет уже все равно.

Я собираюсь сдаться. Сказать ему, что я напишу все, что он захочет, скажу все, что он ни пожелает, если он позволит хотя бы Летии жить.

Но потом он добавляет:

- Я никогда не был на казни за государственную измену. Очевидно, они собираются привязать бедного Люсьена за запястья и лодыжки к одному из столбов на арене и выпороть его. Затем, как только кожа окровавится, они поместят бурых червей в рваные раны.

Я прижимаю руку ко рту. Мой желудок вздымается.

Но Зигфрид продолжает:

- Любопытные существа, бурые черви. Из Северного Фениана. Они живут, питаются ранеными животными. Запах крови побуждает их вырабатывать кислоту, которая в сочетании с несколькими рядами очень острых зубов позволяет им проесть кожу, мышцы, кости... Но они двигаются медленно. Это долгая, мучительная, унижительная смерть, - он вздыхает. - Я бы с удовольствием заставил тебя смотреть, как умирает Руквуд.

Пламя гнева вспыхивает у меня в животе. Может быть, я больше ничего не чувствую, но я все еще ощущаю жуткое неприятие.

- Горите в аду. И сгнить вам там же. Я ничего не подпишу.

Мой похититель только улыбается. Лодка натывается на что-то твердое, и, когда гребец выпрыгивает, чтобы привязать ее, я оглядываюсь. Мы находимся в башне, которая стоит во фьорде. Зигфрид поднимает меня на ноги, и мы выбираемся из лодки на скалы, образующие основание башни. Там есть маленькая дверь. Как только Тюрлик и Летия присоединяются к нам, Зигфрид открывает ее.

Это похоже на наше путешествие вниз по лестнице за картиной, но в обратном направлении. И снова Зигфрид заставляет меня нести факел. И снова - за исключением небольшой площади, освещенной его пламенем, - мы погружаемся во мрак. Но на этот раз нам приходится карабкаться вверх, кружа вокруг внутренней части башни. Окна есть, но только наверху; глядя вверх, я не вижу никакого проблеска света. Темнота засасывает мои глаза. Ступеньки крутые и неудобно большие. Тюрлик вскоре начинает

задышаться. Время от времени я слишком замедляюсь, и Зигфрид кричит на меня. Но я ничего не могу поделать. Я устала; все, что я чувствую, – это боль в легких и пульсирующая боль в поврежденной руке.

Не обращая внимание на ощущение, что я больше не могу сделать хотя бы еще один шаг, я продолжаю подниматься дальше. Пока наконец лестница не заканчивается. Передо мной дверь. Она заперта на висячий замок с тремя тяжелыми деревянными прутьями и может быть открыта только снаружи.

Это место – тюрьма.

Зигфрид крепит факел к стене и отпирает дверь. Но пространство за ее пределами – не то, что я ожидала. Сбоку стоит сломанный стул. Больше ничего. Только густая пыль, паутина и десять деревянных столбов, поддерживающих балки, из которых состоит крыша. Единственные окна находятся высоко в стенах, прямо под балками крыши: узкие застекленные панели, наполовину покрытые слоем грязи, наполовину разбитые. Я слышу свист ветра и шум моря, бьющегося о скалы внизу. Тюрник привязывает Летию к ближайшему от двери столбу. Когда он заканчивает, Зигфрид отмахивается от него.

– Подожди меня у лестницы, я хочу, чтобы ты забрал ключи.

Тюрник не двигается. Он смотрит на меня, его рот слегка шевелится, как будто он хочет что-то сказать. Зигфрид толкает его.

– Убирайся отсюда!

Всхлипнув, Тюрник бежит вниз по лестнице. Эхо его шагов затихает. Летия, Зигфрид и я остаемся наедине.

– Зачем вы привели нас сюда?

– Чтобы держать вас подальше – ваше отсутствие будет свидетельствовать о вашей вине. И дать вам время подумать. Руквуд будет приведен на казнь завтра утром. Я вернусь завтра вечером с признанием. Либо вы подпишете его и признаете свою вину перед Собранием, либо будете смотреть, как страдает ваша подруга. Если вы все же откажетесь, я найду кого-нибудь другого, кого вы любите. Возможно, ваш дворецкий – лорд Ланселин, несомненно, придет узнать, что с вами случилось. И, конечно же, будет умолять отдать ему тело сына. То есть все, что от него останется. – Он улыбается мне, и я вспоминаю ухмыляющийся череп, белый как кость и лишенный плоти. – Мне будет интересно посмотреть, сколько крови вы готовы пролить, прежде чем сдадитесь.

– Я убью вас.

– Как именно? – Он направляется к двери, останавливаясь у колонны, к которой привязана Летия, и приставляет нож к ее шее. – Если вы не хотите, чтобы я перерезал ей горло, я предлагаю вам отойти подальше, Ваша Светлость. Вон туда, к стене. И не двигаться.

Я повинуюсь, пятясь назад, пока не оказываюсь перед стеной.

– Что вы делаете?

– Я собираюсь дать вам пищу для размышлений, пока меня не будет. – Моя подруга пытается увернуться от него, но не может. – Бескрылых так легко ранить. Для этой женщины было бы гораздо лучше, если бы вы оставили ее среди крестьян, где ей самое место.

Зигфрид кладет руку ей на шею, сомкнув пальцы на горле, – и удерживает, пока Летия не начинает стонать...

– Прекратите!

Он убирает руку и смеется.

– Как пожелаете. Тогда до завтрашнего вечера. Я с нетерпением жду возможности описать вам страдания Руквуда. Если повезет, он все еще будет жив.

Я с криком бегу к нему, подняв руки, словно могу вырвать его кожу – его жизнь – своими ногтями.

Но не успеваю.

Он выбегает за дверь и захлопывает ее за собой, и к тому времени, как я добегаю до нее, я слышу, как последняя решетка опускается на место. Я бью кулаками по холодному дереву, пинаю его, швыряю в него сломанный стул – дверь едва шевелится в своей раме. Зигфрид ушел.

Я кое-как развязываю веревки, которыми Летия привязана к столбу. Зигфрид забрал с собой мамин нож, так что мне приходится использовать ногти. К тому времени, как развязывается последний узел, мои пальцы уже в крови. Летия падает на пол и вытаскивает изо рта кляп.

– Тюрик обманул меня. Он сказал мне, что сожалеет о содеянном, что может все исправить, если я просто подожду его и заберу с собой... – Она закрывает лицо руками и рыдает так сильно, что не может говорить, лишь едва дышит. Я снимаю многослойную нижнюю юбку, которая находится под моим платьем, и использую ее, чтобы прикрыть ладони и руки.

– Летия... – Она прислоняется ко мне. Я обматываю ее тканью и держу так долго, как только могу.

Она долго плачет. Но в конце концов ее рыдания затихают.

– Мне очень жаль, Адерин. Если бы я не сказала Тюрику, что помогаю тебе, и что я узнала...

– Это не твоя вина, Летия. Ты ни в чем не виновата. Могу я взглянуть на твою шею?

Она осторожно садится. В комнату практически не поступает свет, я только вижу, как ее кожа потемнела и покрылась волдырями от прикосновения Зигфрида; она заклеена отпечатком его руки. На глаза наворачиваются слезы.

– Моя бедная Летия. Я не знаю, что сделать, чтобы помочь тебе.

– Шея болит, особенно когда я двигаюсь.

– Вот. – Я складываю нижнюю юбку в импровизированную подушку и помогаю ей лечь.

– Мы в ловушке, да?

– Да. Дверь заперта снаружи. Но даже если бы мы смогли выбраться отсюда, здесь нет других лодок. – Я снова сажусь рядом с головой Летии, прижимая колени к груди. – Лучше бы тебя здесь не было. Я бы хотела, чтобы ты осталась дома. Лучше бы я никогда не покидала Мерл.

Глаза Летии закрыты, но она слабо улыбается.

– Если бы желания были перьями... так говорила моя мать. «Если бы желания были перьями, бескрылые могли бы летать».

– Я этого раньше не слышала.

– Вероятно, это поговорка бескрылых. Ты можешь летать. – Она открывает глаза. – Мне очень жаль. Я слышала, что сказал тебе Зигфрид. Как он тебя назвал.

– Теперь это не имеет никакого значения. И то, что он сказал, было правдой. Я просто не хотела этого слышать.

– Это неправда. – Она снова закрывает глаза, но ее пальцы – она все еще в перчатках – нащупывают мою руку. – Твоя мать научила тебя обращаться, Адерин. Я никогда не встречалась с ней, но ты говорила о ней. Она бы тебя хорошо обучила. Ты можешь летать. Ты просто... – Ее лоб морщится от боли. – Тебе просто нужно позволить себе

вспомнить, как это делается.

«О, мама...» Я вглядываюсь в темноту, как будто она может внезапно откуда появиться.

Как бы я хотела, чтобы ты была здесь. Чтобы ты сказала мне, что делать.

«Но ты знаешь, что делать».

Непрошенный голос раздается в моей голове. И следом – воспоминание: мы с матерью на одном из озер в окрестностях Мерл. Я нервничаю из-за трансформации, а она поддерживает меня. Я помню, как она улыбается мне, обхватив мою щеку своей сильной рукой.

«Ты знаешь, что делать, Адерин. Сила в твоей крови. Ты родилась с ней, и она никогда тебя не покинет. Она хочет изменить твою форму. Ты просто должна позволить этому случиться».

«Но мне страшно. Что делать, если она не сработает должным образом? А что, если я застряну? Что делать, если...»

«Как много вопросов».

Она смеется, садится на корточки и смотрит мне в глаза.

«Ты мне доверяешь?»

«Конечно, доверяю».

«Конечно. Потому что ты моя дочь и дочь Атратиса. И я доверяю тебе, Адерин. Теперь ты должна доверять себе».

– Но, мама... – произношу я вслух, нарушая тишину башни. – Мама! – как будто я снова потеряла ее. Я плачу так, как не плакала уже много лет – даже когда умер мой отец. Я злюсь на Творца за то, что он позволил ей умереть, на себя – за то, что не смогла спасти ее, на моего дядю – за его жестокость. Летия может только смотреть на меня, слезы сочувствия текут и по ее щекам. Я злюсь и злюсь, пока не выдыхаюсь.

Пока наконец с истощением не приходит своего рода покой.

– Летия?

– Да? – Ее голос слаб.

– Я полечу за помощью. – Я останавливаюсь, смеясь над собой. – Я хотела сказать, что попробую. Если мне не удастся преобразиться до того, как я упаду на землю...

– Адерин, ты уверена? А ты бы не могла?.. Не могла бы ты спуститься для начала? Только немного?

– Нет. Я должна выйти отсюда или вообще не выходить, – я наклоняюсь ближе, чтобы заглянуть ей в глаза. – Я не хочу покидать тебя. Я скоро вернусь. Если мне это удастся.

Она протягивает руку и касается моего лица.

– Так и будет.

Я надеюсь, что буду испытывать такую же уверенность, когда дело дойдет до главного. Но сначала я должна выбраться из этой комнаты. Я прохожу вдоль стен, проводя кончиками пальцев по каменной кладке. Она твердая, но слишком шаткая, чтобы на нее можно было опереться. Веревка, которой Тюрин связал Летию, все еще лежит на полу. Я беру ее, взвешиваю на ладони, щурясь на окна надо мной.

На стенах под окнами висят какие-то металлические прутья вроде тех, на которых крепят гобелены. Некоторые из них болтаются, железные крепления проржавели. Шанс, что один из них выдержит мой вес, кажется ничтожным. Но я не могу придумать ничего другого.

Я снимаю платье вместе с нижним бельем. Подбираю скобу для факела, которая выглядит прочной, и завязываю конец веревки в петлю, начиная подбрасывать его вверх. Это занимает у меня целую вечность. Я потею и устаю, и каждый раз, когда петля не попадает в цель, мне хочется кричать от отчаяния. Но в конце концов она цепляется. Я изо всех сил дергаю за веревку; скоба скрипит, но не двигается с места. Сжимая веревку обеими руками, морщась от боли в поврежденной ладони, я начинаю медленно подниматься по стене.

Мой прогресс мучителен. Веревка становится скользкой от крови и пота. Мышцы на моих плечах посылают болевые импульсы вниз по рукам и в спину, и мне приходится останавливаться, поскольку становится все труднее и труднее заставить себя подниматься. Но постепенно я оказываюсь все выше и выше. Пока не подтягиваюсь в последний раз, и пока мои ноги не оказываются рядом с железной скобой.

Окно прямо надо мной. Держась одной рукой за веревку, я вслепую пробираюсь вверх, хватаясь за то, что осталось от деревянной оконной рамы, и тяну...

Я сгорбилась в отверстии, которое пронзает широкую стену башни, цепляясь за оконную раму. Ветер треплет мои волосы и заставляет мое обнаженное тело покрыться гусиной кожей. С одной стороны – комната, где все еще заключена Летия. С другой – скалы и вода фьорда. Я не смею смотреть вниз.

Цитадель находится напротив меня, возвышаясь над фьордом. Она кажется слишком далекой в темноте; рассеянные отблески света из окон и более яркое пятно там, где посадочная платформа выступает над водой. Вот к чему мне нужно стремиться.

Но я не могу трансформироваться в этом положении. Я даже не могу попытаться. Здесь недостаточно места.

В ту ночь, когда Люсьен улетел в Мерл, я помню, как он выпрыгнул из моего окна и бросился в темноту. Я должна сделать то же самое.

Я должна позволить себе упасть.

Закрыв глаза, я стараюсь не обращать внимания на ветер и на то, что нахожусь высоко в воздухе над камнями и водой. Моя первая мысль – попытаться вспомнить все, чему учила меня мать о воздушных потоках, подъемной силе и скорости атаки, но вспышка озарения подсказывает мне, что такие детали не помогут. Это не та проблема, которую можно решить с помощью памяти или мысли.

Вместо этого я должна чувствовать. Позволить себе наконец почувствовать все, как бы это ни было больно.

Прежде всего свою кожу. Почувствовать ее поврежденную часть так же, как и целую, покрытую шрамами, так же, как и гладкую. Мысленно я изучаю каждый контур, отделяясь от него, освобождаясь от чувства боли и стыда, пока моя кожа не становится для меня не более чем удобным прикрытием для мышц и костей. Затем я перехожу к постоянному течению крови под своей кожей. Врожденная сила, исходящая от моих родителей, моих предков, текущая внутри. Я следую за потоком, обнимая его, позволяю себе погрузиться в свое ядро, оставляя позади свою человеческую форму. Течение затягивает меня все глубже и глубже, пока я не чувствую, что моя форма дрейфует, дробится, становится податливой. И затем...

Я прыгаю.

Воздух рвется вокруг меня, угрожая затащить обратно в твердое тело. И на мгновение крик ветра становится криком ястребов, пробивающих себе дорогу назад из моей памяти, криком моей матери, когда она умирает, моего отца, когда он привлекает ее разбитое тело в свои объятия. Образ за образом всплывают в моем сознании, и боль проносится по моей изуродованной спине. Но я все еще падаю, падаю прочь от ястребов и боли, и крики затихают. Нет никого, кроме меня и ветра.

А ветер и я принадлежим друг другу.

Я широко раскрываю объятия, расправляя их в сильные белые крылья. Кожа, мускулы, кости: все меняется, светлеет, и ветер подхватывает меня и несет вверх.

Морские брызги летят мне прямо в лицо. Я открываю глаза и лечу над волнами.

«Я лечу...»

Я испытываю радостное возбуждение, то возбуждение, которое я помнила, которое отсутствовало во время полетов с зельем Зигфрида в моей крови. Но именно эта радость меня и шокирует. Так много радости, что мое сердце вот-вот разорвется от этого, а мое тело сгорит в его яростном жаре. С внезапной ясностью я вспоминаю полет с моими родителями, слышу их голоса в моей голове:

«Ты так хорошо справляешься, Адерин!»

«Пойдем, дочка, посмотрим, как быстро ты умеешь летать...»

Как быстро я могу летать? Я расправляю крылья, вытягиваюсь вперед и несусь над беспокойными водами фьорда к Цитадели. Горы сверху взывают ко мне, когда мои маховые перья несут меня вдаль; мое сердце учащенно бьется при мысли о них, при мысли о парении над ледниками и заснеженными долинами. Я жажду увидеть красоту этой земли с воздуха...

Но сейчас я должна контролировать ситуацию, прямо подо мной находится посадочная платформа. Я делаю круг один раз и другой, чтобы убедиться, что поблизости нет других дворян, и приземляюсь.

Паника растет внутри меня, когда я падаю в воду, паника, что, преуспев в превращении в лебедя, я не смогу измениться обратно. Но на самом деле мне почти не нужно об этом думать. В один миг я расправляю перья и складываю крылья, а в следующий уже лежу на мелководье.

Приближается слуга в капюшоне, предлагая халат. Я беру его – у меня дрожат руки и колени, – я прикрываюсь.

По крайней мере, Зигфрид не будет ждать меня здесь. Он думает, что я не умею летать.

Но я не собираюсь его искать. Вместо этого я иду в комнату Арона и стучу в его дверь.

Ответа нет. На мгновение у меня замирает сердце, и я думаю, сбежал ли он или его арестовали. Я стучу снова, громче.

На этот раз дверь открывается.

Арон трет глаза, словно я его разбудила. Он открывает дверь шире, чтобы впустить меня.

– Адерин? Что происходит? – Он окидывает взглядом мой халат. – Где ты была? И почему тебя не было на суде?

– Потому что Зигфрид похитил меня. Арон... – я тянусь к нему, когда волна головокружения выводит меня из равновесия. – Кузен, мне нужна твоя помощь.

Глава восемнадцатая

В глазах Арона вспыхивает гнев.

- Ты ранена... Этот ублюдок. Что он с тобой сделал?

- Это всего лишь рука. - Я пошатываюсь, Арон обнимает меня и ведет к креслу. - И я только что преобразилась, впервые за много лет. Это было... - Я задерживаю дыхание, пытаюсь найти слова, которые могли бы адекватно описать мои ощущения. - Это было чудесно, Арон, но я почти ничего не ела сегодня... или, наверное, и...

- Что значит, ты только что преобразилась? Ты уже несколько недель летаешь с Зигфридом. Я видел тебя собственными глазами.

Я качаю головой, мое волнение угасает, я боюсь эффекта еще одного откровения.

- Прости, кузен, но то, что ты видел, было ложью. Зигфрид обманул тебя. И я тоже.

Пока Арон вытирает мне руку и помогает завязать платок, я рассказываю ему о зелье, которое дал мне Зигфрид. Том, что сделал мой отец. Он приносит мне бокал вина и печенью, и я рассказываю ему все: про мою попытку убить Зигфрида, потайной ход, башню. Выражение его лица становится все более серьезным, но он не перебивает. Он просто сидит, подперев рукой подбородок, и позволяет мне говорить.

- ...и вот я здесь. Но Летия все еще в башне. Мы должны спасти ее и вызвать врача, чтобы он осмотрел ожог на ее шее. Мы должны помешать им казнить Люсьена.

Арон вздыхает:

- Жаль, что ты не подождала, кузина. Или, по крайней мере, не сказала мне о том, что планировала. Мой гонец вернулся из Мерла не более двух часов назад. У нас есть письма, которые Зигфрид писал твоему отцу.

Мои плечи опускаются с облегчением.

- Тогда мы должны немедленно созвать Собрание. - Я смотрю на часы на каминной полке; ночь уже истекает. Люсьена должны привести на казнь на рассвете.

Арон все еще смотрит на меня нахмурившись.

- Кузен? Разве ты не согласен?

Он кивает:

- Конечно. Мы пойдем к Собранию. Но есть еще один фактор, который следует учитывать. Что будет с короной?

- Я не понимаю.

- В настоящий момент Одетта и Зигфрид должны быть коронованы, как только поженятся. Как только Зигфрид и королева будут разоблачены, брак, очевидно, не состоится. Одетта не сможет претендовать на престол. И ты тоже, поскольку тоже не замужем.

- Но я могу выйти замуж... - внезапное смущение останавливает меня. - Я имею в виду, что могу выйти за кого-нибудь замуж.

- Если ты думаешь о Руквуде, то, конечно, ты могла бы выйти за него замуж. Но если ты хочешь быть королевой, то Собрание должно одобрить этот брак. А они не одобряют: ты и Люсьен оба из Атратиса; это сконцентрирует слишком много власти в одном доминионе.

- Я не хочу быть королевой. Я просто хочу домой, - я вздыхаю. - Кто следующий в очереди после меня?

- Зигфрид контролирует своего отца - при условии, что он все еще жив, - поэтому, как только он и Аурик будут исключены, престол перейдет либо к Ардену Дакийскому, либо

к Тэйну Фенианскому – отцу Грейлинга. Оба женаты, оба из-за сложного смешанного брака их предков – с равными правами. Королевство может оказаться на грани гражданской войны.

– Мне кажется, что у Ардена больше шансов победить. – я никогда не встречала Тэйна, но если он похож на своего сына... – Будет ли Фениан оспаривать престол?

– Трудно сказать, но отказаться от такого подарка без боя... – Он презрительно улыбается. – Сомневаюсь, что из него выйдет хороший король. Не то чтобы мой отец задал высокие стандарты. Конечно, как человек, имеющий больше прав на престол, ты окажешься в несколько неловком положении. Как и моя сестра.

Он имеет в виду, что мы будем в опасности, конечно. Под угрозой насильственного вступления в брак. Или в тюрьме. Или еще хуже. За последние три месяца мне угрожали больше, чем за всю жизнь. Я делаю глоток вина, надеясь, что его тепло рассеет холод паники, который только что напал на меня.

– Это просто смешно. Я знаю, что Одетта не хочет быть королевой. Но ты был воспитан, чтобы править. И ты хочешь править. Неужели ты действительно не нашел в законах ничего такого, что могло бы вернуть тебя к престолонаследию?

Арон встает и подходит к большому столу в центре комнаты.

– Я нашел кое-что. Но... – он смеется, – мне понадобится твоя помощь, кухня.

– Конечно, я помогу, если смогу.

– Ты можешь и не захотеть, когда узнаешь... – он протягивает мне свиток пергамента. – Я отметил нужный отрывок.

Я изучаю слова, которые подчеркнул Арон:

«Летающие правят; бескрылыми управляют. Так будет охраняться королевство. Ни один бескрылый мужчина или женщина не может взойти на престол».

Пока все кажется ясным. Но дальше продолжение:

«Монархи должны защищать королевство. Монарх должен быть первым в полете и последним в отступлении. Старейшины так сказали».

– Монарх должен быть первым в полете... – Я смотрю на своего кузена. – Я вижу только, как именно Собрание смогло оспорить твое право на власть. Но...

Арон вздыхает и указывает на пергамент:

– Посмотри снова. Монархи – во множественном числе – должны защищать королевство. Но монарх, единственный, должен быть первым в полете. Видишь? – Он пристально смотрит на меня. – Пока один из двух монархов может летать, закон соблюдается.

Ко мне приходит осознание. И страх расцветает в глубине моего живота.

– Но защищать королевство...

– Тебе не обязательно менять облик, чтобы защитить королевство. Это, по крайней мере, столько же о политике, сколько о грубой силе. – Он сидит на стуле рядом со мной. – То, что мы с тобой сейчас делаем, – это защищаем королевство. Но ни один из нас не преобразился.

Я снова смотрю на бумагу, которую сжимаю в руках. Но мое зрение затуманивается слезами на глазах.

– Думаю, ты меня понимаешь. – Голос Арона нежен, но в нем слышится и волнение. – Я хочу быть королем, Адерин, это мое право по рождению. Ты хочешь спасти Люсьена и защитить Атратис. И мы оба хотим уничтожить Зигфрида и королеву. Самый верный способ для нас достичь наших целей – это представить доказательства для Собрания вместе. Чтобы дать им легкий выбор относительно того, кто должен править следующим. Им даже не придется менять дату коронации.

- А если я... не могу?

Он откидывается на спинку стула и скрещивает ноги. Устало вздыхает.

- Я отдам тебе письма. Ты можешь пойти на Собрание, и они, вероятно, поверят тебе. Люсьен, скорее всего, будет спасен, а Зигфрид - заключен в тюрьму. А что будет потом... - Он пожимает плечами.

Он даст мне необходимые доказательства. Но он не пойдет со мной и не поддержит меня. Он не будет использовать свое влияние на темных стражей.

Люсьен и я могли бы свободно вернуться в Атратис вместе, а это все, чего я хочу.

Нас могут оставить в покое.

Могли бы... наверное... я прикусываю губу, пытаюсь подсчитать шансы.

В комнате тихо, если не считать тиканья часов и потрескивания огня в камине.

Арон откашливается.

- Ты же знаешь, что сказал бы Люсьен, будь он здесь.

- Заткнись, черт бы тебя побрал. - Я свирепо смотрю на своего кузена. - Я пытаюсь думать, - пытаюсь придумать, как обойти то, что он предлагает. О том, как я смогу защитить Атратис, спасти Люсьена и все равно быть с ним. И я понимаю, что передо мной стоит почти тот же выбор, что и перед моей матерью: делать то, что лучше для королевства, или то, что лучше для меня. - То, о чем ты просишь меня...

- Я знаю. Я слышал, как вы вместе сидели в подземелье.

Я смеюсь, хотя и не знаю почему.

- Мы начали планировать, что будем делать вместе. Как только мы вернемся домой... - Это слово режет мне горло, как нож, когда я пытаюсь представить Атратис в войне. Мерл в осаде.

Арон опускается передо мной на одно колено.

- Я постараюсь быть хорошим мужем, Адерин. Мы заключим союз. Ради Соланума я хотел бы попросить тебя соблюдать клятвы, которые мы дадим, как и я сам. В отличие от моего отца, у меня было бы королевство, построенное на правде и честности, а не на паутине обмана. Но я клянусь, что не буду... - Он краснеет и опускает глаза. - Ничего другого я от тебя и не жду. Я не буду пытаться навязать тебе себя. Я знаю, что ты меня не любишь. - Он снова смотрит на меня; к моему удивлению, в его глазах одновременно боль и тревога. - Что скажешь, кузина? Ты выйдешь за меня замуж?

Все вокруг меня, кажется, замедляется. Все, что я ощущаю, - это биение моего сердца, каждый удар которого отбивает оставшееся время. Время, оставшееся у Люсьена.

Я набираю в легкие побольше воздуха и кладу руку в ладонь Арона.

- Да, - больше я не могу сказать ни слова.

Арон крепко сжимает мои пальцы и улыбается. Это его самое близкое к радостному состояние, которое я когда-либо видела. Он целует мне руку, встает и тянет за веревку колокольчика, чтобы позвать слугу.

- Я пошлю за преподобной матерью. Она знает мои страхи за Одетту и мои подозрения в отношении Зигфрида. Она быстро нас поженит.

Вскоре прибывает слуга, и его отправляют с поручением. Пока мы ждем, Арон ходит по комнате, постукивая пальцами по ноге. Но я... я не могу пошевелиться. Кажется, что на моей груди лежит огромная тяжесть, пригвоздившая меня к стулу. Приходит преподобная мать, запыхавшаяся, в накидке, прикрывающей ее ночную рубашку, с длинными седыми волосами, свободно заплетенными в косу. Пока Арон тихо разговаривает с ней, я смотрю в огонь, наблюдая, как поленья превращаются в пепел.

- Кузина? - Арон ждет рядом со мной. - Время пришло. - Я оглядываюсь и понимаю, что в комнате есть еще один человек, молодой дворянин, которого я знаю только в лицо; заостренные кончики ушей указывают на то, что он член свиной семьи. - Это лорд Тарл. Нам нужен свидетель, и он мне кое-что должен. Мужчина краснеет и на мгновение наклоняет ко мне голову. - Проходи.

Арон помогает мне подняться, переплетая свои пальцы с моими, и я цепляюсь за его руку, прислоняясь к нему, онемевшая. Почтенная монахиня стоит перед нами с большой книгой в кожаном переплете.

Она всматривается в мое лицо.

- Ты выглядишь расстроенной, дитя мое. Ты уверена, что хочешь этого?

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя выпрямиться.

«Я делаю это для тебя, Люсьен, и для Атратиса. Надеюсь, ты поймешь».

- Да. Да, именно этого я и хочу.

Она кивает и начинает читать древний текст свадебного обряда. Слова захлестывают меня, но я осознаю, что могу отвечать в нужных местах, отвечать на поставленные мне вопросы, не заикаясь. Моя рука слегка дрожит, когда я подписываю брачный обет, но только тот, кто знает мою подпись, заметит это. Наверняка многие невесты нервничают. И вскоре - раньше, чем я предполагала, - мы заканчиваем.

- Вы связаны, - преподобная мать держит перед нами руку с пятью растопыренными пальцами, изображающими солнце. - Желаю вам счастья друг с другом, долгих лет жизни и много наследников. А теперь скрепите свой союз поцелуем.

Мы с Ароном поворачиваемся лицом друг к другу. Я закрываю глаза, поднимаю голову и чувствую, как его губы на мгновение прижимаются к моим.

Часы бьют шесть.

- Люсьен...

Арон кивает.

- Нам надо спешить. Тарл, возьми моего слугу и темного стражника и отправляйся к башне во фьорде. Там заточена бескрылая женщина - придется выломать дверь. Тебе тоже лучше сходить к врачу.

Глаза Тарла расширяются, но он кланяется.

- Да, Ваше Высочество. Я позабочусь об этом.

Преподобная мать снова завязывает веревки своей накидки.

- Я должна вернуться в храм, но буду готова, если Собрание пошлет кого-нибудь расспросить меня об этом браке. - Она смотрит на светлое небо за окном. - Скоро рассвет. - Колокол Цитадели начинает звонить, призывая двор посмотреть, как умирает Люсьен. - Вам лучше отправиться прямо на место казни.

Арон передает мне завернутый в ткань сверток.

- Вся переписка Зигфрида и твоего отца, - он поднимает брови. - Ни у одного из наших отцов к концу этого года не останется положительной репутации.

- Я думаю, они оба останутся с той репутацией, которую заслуживают, - я прижимаю пакет к груди. - Пойдем.

Мы бежим от комнат Арона вниз по дворцу. Но коридоры и лестницы полны людей, движущихся в одном направлении, и наше продвижение замедляется по мере приближения к двум дверным проемам, ведущим на балкон над ареной.

Я оглядываюсь, пытаюсь определить членов Собрания, но из-за толпы это становится

невозможным.

- Мы опоздаем...

- Я знаю другой способ. - Арон берет меня за руку и тащит с балкона к другой лестнице. Мы спешим дальше, мимо вестибюля, вниз, в мрачные комнаты, где в основном живут и работают бескрылые.

Звон прекращается.

- Куда мы идем? - Мой голос резок от беспокойства. - У нас нет времени...

- На площадь казни. Не очень далеко. - Он тянет меня по другому коридору. За следующим углом - комната, полная темных стражей. Я думаю, это первый раз, когда я вижу кого-то из них без шлемов. Арон торопливо беседует с одним человеком, судя по знакам различия, капитаном; тот надевает шлем и ведет нас вперед. Вместе мы бежим по еще одному коридору и спускаемся по следующему лестничному пролету, а потом появляется дневной свет и дверь...

Там, на дальней стороне заросшей травой площадки, стоят два каменных столба. Люсьен обхватывает руками одну из колонн, как будто обнимает ее, но потом я вижу, что его запястья и лодыжки прикованы к металлическим петлям, торчащим из камня. Он голый, и на спине у него кроваво-красные рубцы, и пока я смотрю, один охранник вскидывает хлыст над плечом, а другой поднимает жирного бурого червя в клешнях...

- Нет! - Я рычу и бросаюсь вперед, не сознавая ничего, кроме отчаянной потребности спасти Люсьена, стаскиваю с себя мантию и превращаюсь в лебедя прямо на бегу. Сила изливается из меня. Она сжигает мою человеческую форму, и я прыгаю, взмывая в воздух, широко расправив крылья. Охранники сгибаются, падают на колени, кричат и хватаются за головы, когда мое тело прорывается через них. Нырнув к двум ближайшим к Люсьену людям, я бью их крыльями, отбрасывая в воздух, подальше от него. Они врезаются в валуны на краю травы. Ни один не встает. Я приземляюсь рядом с колонной, меняю свою форму обратно на человеческую и присаживаюсь там. Запыхавшаяся. Дрожащая.

Меня окружает тишина.

- Адерин, - Арон рядом со мной. Он снова накидывает мне на плечи плащ и помогает подняться. Мы становимся перед Люсьеном, заслоняя его собой.

- Письма?

- Они у меня.

Мы с Ароном вместе стоим перед судом.

На верхнем балконе королева стоит между Зигфридом и Одеттой. Зигфрид ошеломленно смотрит на меня, широко раскрыв глаза и рот. Тюрик, стоящий позади него, выглядит так, словно его сейчас стошнит. Но лицо королевы искажено гневом. Она хватается за перила перед собой.

- Предатели! Убийцы! Хватайте их!

Охранник направляется к нам, вытаскивая из-за пояса топор.

- Стой! - Голос Одетты дрожит, но звучит ясно. - Как ваша будущая правительница, я приказываю остановиться. Никто не должен их трогать, - охранник на мгновение колеблется и отступает назад.

Арон указывает на королеву.

- Единственный предатель здесь, мачеха, - это ты. Ты и тот человек рядом с тобой. Зигфрид из Олориса. Который к тому же твой сводный брат. И твой любовник.

На главном балконе раздается шокированный ропот зевак. За оградой арены раздался еще более громкий крик бескрылых слуг.

Зигфрид смеется.

- Ложь. Безрассудная ложь ничтожного, бескрылого мальчика, желающего вернуть себе престол, в котором ему было справедливо отказано. Смотрите, - он поворачивается к придворным, - предательница, защитница Атратиса стоит рядом с ним.

- У нас есть письма, Зигфрид. - Я беру у Арона сверток и поднимаю его. - Письма, которые вы с моим отцом писали друг другу, планируя убийство короля. И кто, не зная ваших отношений, заподозрил бы королеву в отравлении собственного мужа? Вы, она и мой отец, - виновные. Лорд Руквуд нашел одну из записных книжек моего отца и принес ее мне, вот и все. - Я свирепо смотрю на придворных, вызывая их недоверие. - Он невиновен.

- Нелепость, - Зигфрид снова смеется, но голос у него напряженный. - Вы хотите, чтобы мы покорно проглотили это изысканное произведение фантазии?

- Я ожидаю, что Собрание рассмотрит эти письма. Я призываю их, и это мое право как защитницы. И тогда я дам показания. Я расскажу им, как король планировал убийство моей матери, и как ее смерть заставила моего отца отомстить. О землях, которые мой отец создал и поделился с вами. О ваших планах, когда вы станете королем, избавиться от Одетты и жениться на мне, чтобы получить контроль над Атратисом и Собственностью Короны, а также над Олорисом. Я расскажу им о королевском убийце, ястребе, чье тело лежит в подвале под этой самой Цитаделью...

- И я расскажу им. - Голос Одетты стал тверже. - Как вы держали меня в тюрьме после смерти моего отца и угрожали жизни моего брата, когда я сказала вам, что не выйду за вас замуж.

Сбивчивый шум - выкрикиваемые вопросы и споры - доносится с главного балкона, отвлекая меня, но мое внимание возвращается к королевской ложе, когда я задыхаюсь от боли. Зигфрид одной рукой вцепился в волосы Одетты. В другой руке он держит нож, острие которого упирается в шею Одетты.

- Арон...

Тишина опускается, когда остальная часть аудитории понимает, что происходит.

- Убери руки от моей сестры, трус, - Арон вытаскивает свой меч, хотя он должен знать, что мы слишком далеко, чтобы что-то предпринять. - Иди сюда и сразись со мной.

Но отвечает королева:

- Думаю, что нет, Ваше Высочество, - теперь ее первоначальная ярость прошла, выражение лица спокойное, голос странно веселый, и я впервые вижу сходство между ней и Зигфридом. - Опустит клинок и оставайся на месте, если не хочешь потерять еще одного члена своей семьи. - Арон ругается, но повинует. Струйка крови стекает по шее Одетты на белую ткань ее платья.

Один из темных стражников на краю королевской ложи делает шаг вперед, но королева поворачивается к нему, вытаскивая кинжал из-за пояса.

- Убирайтесь все, или принцесса умрет, - стражники отступают, и королева запирает ворота между королевской ложей и главным балконом.

Зигфрид насмехается надо мной.

- Вы довольны собой, Адерин? Вы и этот однорукий щенок, стоящий рядом с вами? Наслаждайтесь своей победой и ласками Руквуда, пока можете, - когда он оттесняет Одетту к двери в боковой стене балкона, которая ведет прямо в королевские покои, королева поворачивается лицом ко двору:

- Корона будет нашей. Восстаньте против нас, если хотите, но весь Соланум заплатит за это. Я обещаю вам: это еще далеко не конец.

- Отпусти мою сестру, - голос Арона хриплый.

Королева смеется:

- Убей ее, брат.

Я слышу только, как хнычет Одетта:

- Пожалуйста, Зигфрид, нет...

Рот Зигфрида кривится в рычании...

Он отталкивает Одетту от себя и бросает на землю в тот же миг, когда Тюрлик бросается вперед. Королева с яростным криком по ошибке ударяет своего брата, оставляя кровавую рану на лице Зигфрида, затем поднимает свой собственный нож, вытягивает руку, затем опускает лезвие вниз и направляется к Одетте...

Тюрлик хватается королеву за руку. Какое-то мгновение он держится, крича, когда ее кожа обжигает его, но Зигфрид оттаскивает его, и королева вонзает кинжал ему в грудь. Зигфрид тащит сестру прочь, через дверь в королевские покои. Захлопывает ее за собой, после чего темные стражники начинают ломать ворота.

- Сейчас же за ними! - Арон кричит на ближайших к нам охранников. После секундного замешательства они бросаются к замку.

И, наконец, наконец-то, я могу думать о Люсьене.

- Немедленно отпустите лорда Руквуда, - когда один стражник спешит вперед со связкой ключей, я требую плащ у другого. - Помогите мне с ним, - Люсьен стонет, когда я накрываю его израненную спину плащом. Когда все кандалы сняты, охранники поддерживают Люсьена, чтобы он не упал, и медленно опускают его на траву. Я натягиваю на него плащ, укрывая его, и кладу его голову себе на колени.

- Люсьен? Вы меня слышите?

Его веки трепещут, потрескавшиеся губы шевелятся, но он не издает ни звука.

- Воды! - Я рявкаю на охранника, который дал мне плащ. Он убегает и через несколько минут возвращается с железной чашкой. Я слегка приподнимаю голову Люсьена и помогаю ему выпить.

- Адерин...

Мои плечи опускаются, и я убираю волосы с его лица.

- Теперь вы в безопасности.

- Вы спасли меня. - Его голос едва слышен.

- Я же сказала, что спасу.

Он улыбается.

- Вы это и сделали... А теперь мы можем вместе вернуться домой в Атратис.

Я не отвечаю.

Поморщившись, Люсьен подносит пальцы к моей щеке.

- Почему вы плачете, любовь моя?

- Потому что... - Но я не могу сказать ему, что я замужем. Еще нет. Вместо этого я наклоняю голову и целую его. - Я плачу, потому что счастлива. Я счастлива, что вы все еще живы, а Зигфрид ушел. - Я улыбаюсь сквозь слезы, потому что и то и другое - правда.

- Ваша Светлость.

Я поднимаю взгляд. Рядом ждет врач и слуги с носилками. Я киваю, и слуги - в тяжелых

перчатках, как и темные стражники – опускают носилки и осторожно поднимают на них Люсьена. Я встаю на ноги.

– Мы хорошо о нем позаботимся, – заверяет меня доктор, с тревогой наблюдая за мной.

– Конечно. Я ожидаю, что меня будут регулярно информировать о состоянии лорда Руквуда.

Доктор кивает и ведет слуг обратно в замок. И мне интересно, смогу ли я когда-нибудь снова поцеловать Люсьена.

Темные стражники поблизости наблюдают за мной.

– Возвращайся к своим обязанностям. И кто-нибудь, – я указываю на ванну с извивающимися бурыми червями, чувствуя, как мой рот кривится от отвращения, – уничтожьте этих тварей.

Прошло семь часов. Или, может быть, восемь; изнеможение утяжеляет каждое движение. Но каким-то образом – вероятно, из-за ощущения неопределенности, остро, словно лезвие под ребрами, – я все еще бодрствую. И должным образом одета. Я немного посидела с Летией и, поговорив с врачами о ее шее, отправила одного из пажей в Мерл за рецептом крема, который мы там используем при ожогах. Кем бы ни был мой отец, он был превосходным химиком.

Между тем Собрание начало рассматривать переданные мною письма. Они допрашивали меня почти три часа. После моего описания комнаты кого-то послали искать тело убийцы-ястреба. Другим поручили обыскать апартаменты королевы и комнаты Зигфрида в поисках новых улик; сами убийцы обратились в бегство, прежде чем стража успела их поймать. Их одежду нашли у открытого окна, но это было все.

Тюрик мертв.

В Бритис, Фениан и Ланкорфис были посланы гонцы, призвавшие своих защитников в Цитадель; защитники, как и Собрание, должны рассмотреть вопрос о престолонаследии и решить, какие шаги следует предпринять против Олориса.

Я боюсь, что грядет война, что бы мы ни сделали.

Я отправила еще одно письмо домой лорду Ланселину с просьбой как можно скорее присоединиться ко мне. Мне нужен его совет. Я также хочу, чтобы он был здесь, чтобы заботиться о своем сыне. Люсьен достаточно страдал, физически. И я вскоре сделаю ему еще больнее. Но он не должен слышать это от кого-то другого.

Люсьен сидит на кровати и читает, когда я заглядываю в его комнату.

– Я думала, вы спите.

Он откладывает книгу и улыбается мне.

– Я спал большую часть дня.

Я надеюсь, что так оно и есть. Я улыбаюсь в ответ и сажусь на край кровати. Синяки на его лице все еще выглядят свежими, а его туловище, запястья и шея обмотаны повязками.

– Как вы себя чувствуете?

– Я бы солгал, если бы сказал, что у меня не болит спина, – он скорчивается. – У меня все болит. Но врачи дали мне что-то, чтобы облегчить состояние. Чтобы сделать его менее... болезненным. – Он берет меня за руку. – Когда вы приехали, и я увидел, как вы преобразились... Мне показалось, что я сплю. Что я наконец сошел с ума от жажды и пыток. Но я был рад. Потому что даже если это была фантазия, это означало, что я вижу вас снова. В каком-то смысле.

- Наконец-то я снова обрела свою способность, Люсьен. Без помощи зелья Зигфрида. Но вы правы. Все, что произошло за последние двадцать четыре часа, было похоже на сон. Или кошмар.

- Но теперь мы здесь.

- Так и есть. И... - я сглатываю ком, - ...нам помог Арон. - Я описываю все, что произошло, начиная с того момента, когда я оставила его в темнице, и заканчивая тем, как я вошла в комнату Арона. Более или менее; я замалчиваю любую деталь, которая, как мне кажется, может его расстроить. Я не рассказываю ему, как Зигфрид назвал меня и что он сделал со мной в лодке. Когда я говорю, что письма Зигфрида нашел один из слуг Арона, Люсьен присвистывает и смотрит в потолок.

- Еще одна вещь, которой я обязан Арону. Он будет рад, что я у него в долгу.

- Я так думаю... я думаю, что он может считать этот долг выплаченным.

- Как это? - Люсьен хмурится, но все еще улыбается. - Какое обещание вы дали от моего имени? Что же теперь я должен делать?

- Это не то, что вы должны. - Я опускаю взгляд и начинаю крутить на пальце кольцо защитника. - Это то, что я уже сделала.

- Адерин? Что вы натворили? Вы заставляете меня нервничать.

Я не осмеливаюсь поднять глаза.

- Арон отдал мне письма. Но он не стал бы помогать мне никаким другим способом, разве что... он говорил о гражданской войне, о доминионах, сражающихся за корону, и он сказал... он сказал, что нашел способ править, если я соглашусь...

Люсьен не отвечает.

- Я сделала это ради вас, Люсьен. Я должна была быть уверена, что смогу спасти вас. И спасти Атрагис. Супружество с Ароном... - Люсьен вздрагивает, когда я произношу эти слова, - было единственным выходом. Пожалуйста... - Я почти дотягиваюсь до его руки. - Пожалуйста, скажите что-нибудь.

Он прикусывает губу и слегка кивает.

- Ну... мы можем найти решение. Это не то, чего я хотел. Не то, на что мы оба надеялись. Но главное, что мы живы и вместе можем найти выход. Арон не настолько неразумен, чтобы ожидать от вас чего-то... - Он останавливается, краснеет, переплетает наши пальцы. - Я имею в виду, что вы его не любите. Вы любите меня. Вы можете править с ним, но это не мешает нам быть вместе все остальное время. - Он поднимает на меня глаза. - Это ведь так, правда?

Я помню, как Арон просил меня соблюдать обеты, которые мне необходимо принять.

Я также помню выражение его глаз. Ожидание боли.

- Мне очень жаль, Люсьен. Я никогда не хотела причинять вам страдания. Но я замужем. И я дала обещание...

- Но, Адерин... - Он беспомощно качает головой. - Конечно...

Я ему не отвечаю. Но мне это и не нужно.

Люсьен убирает свою руку от моей. По его щеке течет слеза.

- Конечно. Я уверен, что вы поступили правильно, Ваша Светлость. Я... - Его губы дрожат, прежде чем он приходит в себя. - Я благодарен вам за заботу обо мне.

- Никто еще не знает, но мне показалось несправедливым, что вы продолжите думать...

- Конечно. Благодарю вас. И я надеюсь, что вы и Его Высочество будете счастливы.

- Люсьен... - Я наклоняюсь к нему, проглатывая стон боли, застрявший в горле, не желая добавлять свое горе к его ноше. - Вы же знаете, что я не буду счастлива. Как я могу быть счастлива без вас? - На мгновение я молча смотрю на него, умоляя. Не о том, чтобы он простил - я не уверена, что смогу простить себя, - но чтобы понял, чтобы злился, хоть что-то...

- Пожалуйста, Адерин... - Лицо Люсьена морщится, и боль в его голосе, как нож, вонзается мне в грудь. - Чего вы от меня ждете? - Он отворачивается. - Пожалуйста, просто уходите. Уходите сейчас.

Я больше ничего не могу ему сказать. Ничего не могу сделать. Я выхожу из комнаты и тихо закрываю за собой дверь. Каким-то образом я добираюсь до своей комнаты, прежде чем падаю без чувств.

Проходит еще пять дней, прежде чем все члены Скайна - технический термин для сбора Собраний и защитников - оказываются вместе. Но сейчас они, Арон, Одетта и я, находимся в тронном зале. Древний трон с золотыми крапинками, возвышающийся в дальнем конце зала, пустует. В ожидании.

За исключением Арона, который носит свою обычную черную кожаную тунику и штаны, все мы в Скайне ходим в длинных темных одеждах, используемых после или непосредственно перед трансформацией; утверждение нового монарха традиционно сопровождается церемониальным полетом. Но над нами галерка переполнена ярко одетыми придворными, точно так же, как это было на суде, устроенном королевой. Это идея Арона: после лжи и обмана за последние несколько месяцев все должно быть не просто исполнено, но и увидено людьми.

Лорд Ланселин находится среди толпы, и я также обеспечила место для Лети; она первая бескрылая, не считая темных стражников, ставшая свидетелем Скайна. Но я тщетно ищу Люсьена. Возможно, он все еще слишком болен, чтобы покинуть свою комнату.

Как только все приведено в порядок, лорд Семпер Корвакс, пожилой член одной из семей воронов и нынешний лидер Собраний, обращается к Одетте:

- Итак, Ваше Высочество, мы подошли к вопросу о вашем браке. Чтобы занять престол, необходимо...

- Да, - Одетта коротко кивает. Рана на ее шее заживает, но вполне вероятно, что шрам останется до конца ее дней. - Я знаю, что требуется.

- А вы не думали о том, за кого могли бы выйти замуж?

- Мне больше не с кем заключать союз, - моя кузина глубоко вздыхает. - Мои чувства к господину Зигфриду, какими бы иррациональными они ни казались, тем не менее были реальны. Я не готова вступать в брак с кем-то еще.

Лорд Корвакс прокашливается.

- Это, разумеется, понятно. Но все же, как наследница престола...

- Мне не нужен престол. Я никогда не желала его. Перед Скайном, перед всем Соланумом я торжественно отказываюсь от своих притязаний и прошу отстранить меня от престолонаследия. - Одетта улыбается мне, и я понимаю, что Арон, должно быть, сообщил ей наши новости. До этого мы никому не рассказывали о них.

Арден Дакийский поднимает руку.

- Мы все знаем, что следующим на очереди стоит защитница Атратиса. Но она также не замужем и крайне неопытна. Возможно, Собрание рассмотрит вопрос об изменении порядка наследования...

- Я возражаю. - Отец Грейлинга Рена поднимает руку, но протест исходит от Патруса; он вернулся ко двору с повязкой на пустой глазнице, но в остальном ведет себя так, словно

ничего не произошло. – Чтобы соблюсти законы, Собрание должно потребовать, чтобы защитница Атратиса вступила в брак с кем-либо постарше, с кем-либо опытным.

Рядом со мной Арон стонет и качает головой, пощипывая переносицу.

Я не могу сдерживать улыбку, когда поднимаю свою руку.

Лорд Корвакс кивает мне.

– Скайн слушает защитницу Атратиса.

– Благодарю. Я хочу сообщить Скайну, что я уже замужем.

Корвакс стучит тростью по полу, чтобы заглушить ропот собравшихся и менее сдержанную реакцию со стороны галерки.

– Брак с лордом Руквудом, к сожалению, означает, что...

– Я замужем не за лордом Руквудом. – Я делаю глубокий вдох, стараясь не обращать внимания на сожаление, бушующее в моем сердце. – Мой муж – принц Арон. У преподобной матери есть брачный обет. Она провела нашу свадьбу примерно за час до того, как Зигфрид и его сестра сбежали.

– Но... но, милорд, – Арден продвигается вперед, – мы уже знаем, что принц не может править...

– Разве? – Арон подходит к лорду Корваксу и протягивает ему свиток с соответствующим законом. – Один монарх должен уметь преображаться. Но не оба.

Уровень шума неуклонно повышается, когда Корвакс и остальные члены группы проходят мимо свитка и обсуждают его. Мы с Ароном и Одеттой ждем немного в стороне.

– Спасибо тебе за то, что ты сделала, – бормочет Одетта. – Надеюсь, ты будешь счастлива.

Я киваю. Я не могу заставить себя сказать что-нибудь еще, даже ради Арона: еще слишком рано. Когда я закрываю глаза, я все еще чувствую губы Люсьена на своих губах. Его руки на моем теле.

Одетта целует меня в щеку.

– Это эгоистично с моей стороны, но я рада, что ты останешься в Цитадели. Как я уже говорила, мне всегда хотелось иметь сестру.

Я подпрыгиваю, когда Корвакс стучит своей тростью по мраморным плитам.

– Скайн все обдумал. – Он сверлит меня взглядом, пока все присутствующие не замолкают. – И в отсутствие правящего монарха наше решение окончательно. Королевство в опасности, и мы не станем усугублять эту ситуацию, оставляя престол пустым. Поэтому мы согласны, что Адерин из дома Сигнус Атратис, будучи замужней, является законной наследницей престола. – Рука Арона находит мою ладонь. – И, более того, мы согласны, что принц Арон может править вместе с ней и по ее праву, – с ворчанием, опираясь на палку, Корвакс опускается на одно колено перед Ароном и мной. Одетта повторяет за ним. И, один за другим, каждый человек в комнате делает то же самое.

Арон поворачивается ко мне и целует мою руку.

– Я желаю тебе счастья, моя кузина, моя жена, моя королева, – он тоже опускается на одно колено. – Да здравствует королева Адерин.

Возгласы подхватывают и остальные, на полу и в галерке. Они разносятся эхом по всему тронному залу, и когда мы выходим на посадочную площадку, я слышу другие голоса, внутри Цитадели, во дворах и в городе, выкрикивающие те же самые слова. Снова и снова, пока от шума мне не хочется заткнуть уши.

Я, конечно, борюсь с этим желанием. Вместо этого я обращаюсь к моему кузену – моему мужу, поскольку я полагаю, что должна именно так думать о нем.

– Арон...

– Иди. Я буду ждать тебя здесь.

Одетта остается рядом со мной, пока мы передаем наши мантии ожидающим охранникам, и я рада этому. Вместе мы входим в воду, опускаемся на колени, преобразуемся – уже без труда, это стало таким же естественным, как дыхание, – и вместе устремляемся в глубокую золотистую синеву вечернего неба. Я слышу восторженное восклицание Одетты, когда остальная часть Скайна перевоплощается и следует за нами. Ниже меня...

Подо мной сверкает Серебряная Цитадель. Город Фарн спускается к открытым водам фьорда, и я вижу обращенные вверх лица людей, толпящихся на улицах. Накреняясь, поворачиваясь, наслаждаясь прохладным ветром, скользющим по моим перьям, каждым сильным ударом крыльев, я веду Скайн вверх. Вверх, к поросшим соснами горам и синезеленым ледникам, раскинувшимся среди скал.

Высокие пики покрыты снегом, их белые вершины окрашены алым светом заходящего солнца. Возможно, это предзнаменование неминуемого кровопролития.

И все же у меня нет страха. Неистовая радость полета настолько глубока, что ощущается словно агония и заглушает все остальные ощущения. Подхваченная ветром, я смотрю вниз и вижу, как раскинулись города и поля Собственности Короны, будто живая карта. Подо мной проносится сверкающее пятно, я отмечаю краем глаза сияющее море. И где-то вдалеке, теряясь в туманном горизонте, располагается Атратис...

Когда наши враги вернутся, а это точно произойдет, я должна быть готова.

Теперь это мой дом.

Это мое королевство.

Продолжение следует...

Благодарности

Мы официально начали работать над «Лебединым трон» вскоре после «The Witch's Blood» (последняя часть трилогии «Witch's Kiss»), опубликованной в марте 2018-го, хотя история родилась почти за год до этого. Оставить позади первую семью персонажей оказалось довольно нелегким делом. Но в то же время мы были очень воодушевлены перспективой написать эпический фэнтези-роман со всеми вытекающими последствиями. Наши надежды не были обмануты: мы с радостью отправились за пределы зеленеющих пригородов Суррея (ставшими главными декорациями наших предыдущих книг) в мир оборотней, дворцов и династических распрей. И вновь сказочные персонажи захватили наши сердца. Надеемся, что созданная нами история доставит вам такое же удовольствие, как и ее авторам.

Как и предыдущие наши книги, «Лебединый престол» является работой целой команды. Она бы не появилась на свет без участия и постоянного поощрения со стороны следующих людей:

Клэр Уилсон (из «Rogers, Coleridge & White») продолжает оставаться лучшим агентом на свете и одной из наших самых больших болельщиц. Она всегда находит время, чтобы успокоить наши потрепанные авторские нервы. И ее постоянная поддержка, твердая как камень, значит для нас очень многое. Также большой привет и огромная благодарность нашему неизменному помощнику – Мириам Тобин.

Работа с командой «Hot Key» стала для нас огромным удовольствием, и мы обе поражены и восхищены их безграничным энтузиазмом. Невозможно в полной мере выразить нашу благодарность блестящим редакторам: Эмме Мэтьюсон, Карле Хатчинсон и Талии Бэйкер, и нашим маркетинговым и рекламным гуру Ройзин О'Ши и Молли Холт.

Мы также хотели бы поблагодарить Александру Олден за создание прекрасной обложки и Джейми-Ли Тернер за потрясающие гербы главных семей Соланума.

За три с лишним года с момента выхода нашей первой книги мы обзавелись замечательными и всегда поддерживающими нас друзьями среди писателей и блогеров, имена которых не уместятся в тех строчках, которыми мы ограничены, но, надеемся, вы поняли, что речь идет именно о вас. Спасибо, без вашей помощи мы бы не смогли идти дальше. Особая благодарность и любовь Пердите Каргилл, Питеру Дэйви, Шинейд О'Харт, Лу Херси и Лу Фрейзер.

И, наконец, мы бы хотели поблагодарить нашу семью за их терпение, особенно наших супругов, Нила и Ника. Обещаем: ужин за наш счет.

Примечания

1

Пасье (от фр. *passe-pied*, «вышагивающая ножка» или «маленький шажок») – старинный французский танец, близкий к менуэту, но исполнявшийся в несколько более живом темпе.

2

Павана - торжественный медленный танец, распространенный в Европе в XVI веке. Под музыку паваны происходили различные церемониальные шествия: въезды властей в город, проводы знатной невесты в церковь.

3

Вольта, или *лавольта* (*итал.* volta, от *итал.* voltare – поворачивать; *фр.* volte) – парный (мужчина и женщина) танец эпохи Возрождения, при исполнении которого мужчина выполняет элемент поддержки – кружит в воздухе танцующую с ним женщину. Темп быстрый либо умеренно быстрый.

Литания (лат. *litanía* от греческого *греч.* *λήτή*, означающее «молитва» или «просьба») – молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний.